

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Юго-Западный государственный университет»
(ЮЗГУ)

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана»

**ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Материалы VI Всероссийской научной конференции
школьников, студентов и аспирантов
26–27 февраля 2015 года

Редакционная коллегия:
Р.К. Боженкова (отв. ред.)
Н.А. Боженкова
И.О. Амелина

Курск 2015

УДК 801
ББК 81ВР30+80.9+71
Я 41

Рецензент

Доктор пед. наук, завкафедрой «Русский язык» МГТУ
имени Н.Э. Баумана, профессор *Н.Н. Романова*

Редакционная коллегия:

Р.К. Боженкова, д-р филол. наук, профессор (отв. ред.)
Н.А. Боженкова, д-р филол. наук, профессор
И.О. Амелина, преподаватель

Я 41 **Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве:** материалы VI Всероссийской научной конференции школьников, студентов и аспирантов / Р.К. Боженкова (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2015. – 316 с.
ISBN 978-5-7681-1028-4

Предлагаемый читателю сборник содержит материалы VI Всероссийской научной конференции школьников, студентов и аспирантов «Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве» (26-27 февраля 2015г.).

В научных работах освещаются актуальные проблемы современного научно-практического знания в области лингвистики: рассматриваются различные аспекты речевой деятельности в контексте межкультурной коммуникации, исследуются возможности языковых трансформаций с учетом ментальных особенностей этноса, анализируются общие вопросы национально-культурной специфики речевого поведения.

УДК 801
ББК 81ВР30+80.9+71

ISBN 978-5-7681-1028-4

© Юго-Западный государственный
университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
<i>Беспалова Е.А., Бобовникова У.И., Годовникова А.А.</i> Синонимия временных отношений в русском и английском языках	9
<i>Беспалова Е.А., Верба М.О.</i> Функциональные омонимы в русском и английском языках	13
<i>Беспалова Е.А., Баттиста Э. Ди., Шаповалова Н.И., Черкашин А.Н.</i> Адъективные устойчивые сравнения со значением умственных способностей человека в русском, английском и итальянском языках.....	18
<i>Беспалова Е.А., Конева М.В., Тутов А.П.</i> Специфика употребления неологизмов в текстах региональных печатных СМИ.....	28
<i>Беспалова Е.А., Лычко К.А.</i> Процессуальные фразеологические единицы со значением речевой деятельности человека	33
<i>Боженкова Н.А., Атанова Д.В., Бондарева И.А.</i> К вопросу о формировании навыков диалогической речи на иностранном языке детьми младшего школьного возраста.....	37
<i>Боженкова Н.А., Атанова Д.В., Бунакова Е.П.</i> К вопросу о психофизиологических механизмах нарушения чтения у детей младшего школьного возраста	43
<i>Боженкова Н.А., Мукабенова Ж.А.</i> Лингвоколористика как способ отражения этноментальных особенностей культуры: к постановке проблемы	49
<i>Гаврилова Т.И., Дудников К.Э.</i> К вопросу о семиотике шахмат.....	53
<i>Гаврилова Т.И., Киктева Е.В.</i> Топонимия как источник изучения диалектной лексики (на материале китайских географических наименований)	59

Гаврилова Т.И., Постникова З.Н.

К вопросу о специфике курских говоров
как разновидности национального языка 67

Громенко М.В., Борзенкова В.Г.

Психологические основы манипулирования в рекламе 75

Громенко М.В., Ермакова Г.А.

Оценочность как языковая категория
в современной лингвистике 81

Громенко М.В., Пигорева А.А.

Языковое отражение политкорректности
средствами эвфемизации 86

Громенко М.В., Поповкина А.А.

Место компьютерного дискурса
в системе современной коммуникации 92

Диневич И.А., Алексеенко А.В.

Лексико-грамматические средства выражения состояния
в романе Маркеса Габриэля Гарсиа «Сто лет одиночества» 99

Диневич И.А., Бутакова А.А.

Сопоставление междометий как специфической единицы языка
в русском и английском языках 105

Диневич И.А., Цвырова И.С.

Об особенностях выражения модальности в английском языке
(на материале романа Ш. Бронте «Джен Эйр») 111

Диневич И.А., Яковлева Е.С.

Особенности функционирования эмоциональной лексики
в поэтическом корпусе русского языка 118

Зацепина К.Д., Рохманов С.Д.

Пародия в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» 125

Коростелева Т.В.

Динамические изменения в русском языке
и архаическая лексика 132

Лагутина О.В., Петрякова Е.М.

Корпоративная газета как средство внутренней
коммуникации учебного заведения..... 138

Летанурс Т.В., Зимина М.И.

Современные мифы в Интернете 142

Мирзаева Т.Е., Кулабухова Е.С.

Тон и ударение в китайском общенародном языке путунхуа 148

Полякова Г.Б., Босова М.В.

Проблемы языковой культуры в современном
российском обществе 152

Полякова Г.Б., Ермакова И.А.

К вопросу о роли стереотипов речевого общения
в обеспечении межкультурной коммуникации 157

Полякова Г.Б., Лукьянчиков В.А.

Лингвистическое описание процесса перевода
на примере субтитров 164

Попова Г.В., Полхова Ю.А., Бикмаева К.С.

Особенности перевода имён собственных
в романе Дж. Толкина «Властелин колец» 168

Попова Г.В., Клименко А.Н.

Функционирование метафорических моделей «Бог» и «Дьявол»
в публицистических текстах 173

Попова Г.В., Романова М.А.

Общность умений в рецептивных и продуктивных видах речевой
деятельности как основа взаимосвязанного обучения..... 181

Попова Г.В., Чаплыгина Я.М.

Манипулятивный аспект функционирования
современных рекламных текстов 188

Романова Н.Н., Амелина И.О., Глебова М.А.

Критерии отбора лексики при обучении иностранных
студентов-экономистов русской деловой коммуникации 192

Романова Н.Н., Амелина И.О., Кудрявцева Е.Б.

Методы активизации деятельности студентов при обучении
деловой коммуникации на занятиях по РКИ..... 201

Степанова Н.С., Цвырова И.С., Бутакова А.А.

«Черный человек» С. Есенина в пространстве текста
и дискурса..... 216

Степанова Н.С., Глебова М.А., Кудрявцева Е.Б.

Этический аспект использования устойчивых сочетаний
в публицистических текстах 222

Степанова Н.С., Ковалева Л.С., Ксенофонтова Н.А.

Современная языковая политика в Республике Саха (Якутия).
Влияние этноса на становление государственных языков и языков
с официальным статусом в республике 227

Степанова Н.С., Кондратьева Д.О.

Дистанционное обучение иностранному языку: современное
состояние, проблемы и перспективы..... 233

Степыкин Н.И., Кузнецов Д.В.

Сравнительный компонентный анализ лексем
Höflichkeit и Cortesía..... 241

Степыкин Н.И., Ревина М.А.

Сравнительный компонентный анализ лексемы «мечта»
в русской, американской и китайской лингвокультурах 246

Степыкин Н.И., Суббочева Н.В.

Лингвопрагматический анализ испанских комплиментов..... 255

Тоскано Р.А., Панчикова М.А., Сичкарь А.А.

Ложные друзья переводчика в испанском языке..... 265

Чернышева О.В., Чупахина М.С.

Особенности вербального и невербального общения
в молодежной среде..... 270

Чжоу Л.

Китайские заимствования в русском языке..... 276

Шульгина Н.П., Босова М.В.

Инновационные образовательные технологии
как залог качественного обучения в вузе 283

Шульгина Н.П., Жукова В.С.

Межкультурная коммуникация в теории и практике обучения
русскому языку как иностранному 290

Шульгина Н.П., Комарова И.А., Ткачева Н.В.

Автоматизированные системы перевода
как проблема прикладной лингвистики 295

Шульгина Н.П., Конева М.В. 305

Межкультурная коммуникация в современном мире:
попытка диалога 305

Шульгина Н.П., Тутов А.П.

Диалог культур: религиозно-философский аспект 311

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современном мире, где смешение народов и языков достигло невиданного размаха, как никогда остро встала проблема воспитания терпимости к чужим культурам, преодоления в себе чувства раздражения от непохожести одних на других, пробуждения интереса и уважения к ним. Именно этим, по словам С.Г. Тер-Минасовой, вызвано всеобщее внимание к вопросам межкультурной коммуникации, детерминированное одновременно не только стремлением обогатить себя опытом и оригинальностью иных этносов, но и попытками проанализировать конфликты, возникающие в процессе небывалой ранее миграции народов, их переселения, столкновения и смешения. Непрерывное техническое развитие и усилия разумной и миролюбиво настроенной части человечества открывают новые возможности и формы взаимодействия, главным условием эффективности которых, безусловно, является взаимопонимание, диалог культур и принятие традиций партнеров по коммуникации.

26-27 февраля 2015 года состоялась VI Всероссийская научно-практическая конференция школьников, студентов и аспирантов «Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве». Основная цель конференции, кредо которой обозначалось как полилог различных научных и профессиональных сфер, направлений, школ, течений в едином интеллектуальном и образовательном пространстве, заключалась в привлечении внимания молодых исследователей к теоретическим, практическим и лингвистическим вопросам межкультурной коммуникации.

Участники конференции в своих выступлениях попытались ответить на важные вопросы этнического сосуществования: анализировались вопросы изучения языков и культур народов мира, коммуникативных отношений в современном информационном пространстве, лингвокультурных и лингвокогнитивных аспектов обучения коммуникации, прикладные аспекты языковых исследований.

Как показало обсуждение докладов в секциях, особый интерес юных исследователей вызвало функционирование отдельных лексических и фразеологических моделей в текстах разных жанров на русском, английском, китайском, итальянском языках, новейших тенденций в методике преподавания языков, лингвокультурной специфики политического дискурса и дискурса СМИ. Мы надеемся, что в дальнейшем конференция традиционно продолжит объединять молодых ученых, активизировать научную мысль на поиск решения актуальных проблем современной лингвистики и межкультурной коммуникации и будет интересна своими результатами.

Доктор филологических наук,
профессор *Р.К. Боженкова*

УДК 81'373.421:[811.161.1:811.111]

Е.А. Беспалова, У.И. Бобовникова, А.А. Годовникова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СИНОНИМИЯ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются особенности синонимических отношений в рамках некоторых английских и русских темпоральных наречий.

Ключевые слова: синоним, синонимический ряд, темпоральные наречия.

К изучению временных отношений в различных языках неоднократно обращались исследователи; ведущие научные центры России и зарубежья ведут работу по изучению темпоральных связей в языке [1], т.к. время является одной из важнейших категорий человеческого бытия.

Кросскультурный подход к описанию языковых фактов является весьма актуальным на современном этапе, т.к. «выступает в роли методологической предпосылки антропологической системы знания», важного вектора развития современной науки о языке. «Кросскультурный диалог как интеграция и взаимодействие культур призван с точки зрения современной философии служить основой понимания различных культур и традиций, в конечном итоге – основой миропонимания» [2].

Изучение синонимии имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Синонимы – языковые средства, позволяющие сделать речь богатой и выразительной. Писатели, работая над своими произведениями, обращают особое внимание на синонимы, которые помогут придать точность и нужную эмоциональную окраску и избежать тавтологий и повторений.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре синонимы трактуются как «слова одной и той же части речи (а также, в более широком понимании, фразеологизмы, морфемы, синтаксические

конструкции), имеющие полностью или частично совпадающие значения» [3].

Два и более лексических синонима образуют определенную группу, называемую синонимическим рядом. Синонимический ряд возглавляет слово, которое лингвисты называют опорным, или доминантой, он представляет собой наиболее употребительное в современном литературном языке, прямое и точное наименование понятия, обозначаемого словами данного ряда.

Для анализа временных отношений рассмотрим синонимические ряды темпоральных наречий в русском и английском языках (наречия являются наиболее частотными средствами выражения временных отношений в языке). Наречия времени репрезентируют различные временные отношения к моменту речи, структурируют последовательность, регулярность или нерегулярность событий [4].

Панков Ф.И., рассматривая структуру функционально-семантического поля времени, выделяет в нем микрополя «прошлое / настоящее / будущее», «одновременность / разновременность», «протяженность времени», «кратность / однократность»; при этом ученый обращает внимание на то, что «категория наречной темпоральности является ядром сегментов кратности/однократности и протяженности времени» [5, с. 162].

Среди темпоральных наречий выделяются следующие группы:

1) наречия, характеризующие действие / событие / состояние относительно момента речи или другого временного ориентира: *давно, вчера, раньше, скоро, сейчас*;

2) наречия, характеризующие действие / событие / состояние безотносительного какого-либо временного ориентира: *долго, вечно, бесконечно, ежегодно, однажды, многократно, моментально, редко, быстро, сразу* [Там же].

Рассмотрим синонимическое наполнение некоторых наречий из названных групп на отдельных примерах в русском и английском языках.

Наречие *скоро* является опорным для следующего синонимического ряда: *проворно, бойко, борзо, быстро, близко, бегло, живо, лихо, резво, спешно, поспешно, оживленно, стремительно, тороп-*

ливо, шибко, стремглав, скороговоркой, вскоре, вскорости, днями, прытко, ходко, мигом, скоротечно, с минуты на минуту, вот-вот. Для этих наречий характерно указание на соотнесенность действия с моментом времени, они передают эксклюзивное следование действия за настоящим моментом и выражают субъективную оценку времени действия как «близкого» по отношению к настоящему моменту. Несмотря на некоторые различия в толковании значений этих наречий разными словарями, большая часть выделяет у них значение 'в ближайшем будущем' [5, с. 165]:

Экзамены близко. Экзамены скоро.

Сейчас начнется концерт. Вот-вот начнется концерт.

В английском языке наречие *soon* (скоро) имеет сходную семантику с русским эквивалентом – 'в ближайшем будущем':

The audience soon realized that it wasn't a stunt. – Публика быстро поняла, что это был не трюк.

Наречие *soon* может быть заменено наречиями и именными группами: *early, instantly, promptly, quickly, rapidly, shortly, hastily, in a little while, in a minute, in a second, in a short time, in due time, in short order, in time, lickety-split:*

When you go to a fast-food restaurant, you expect to get your fries quickly. – Когда вы идете в ресторан быстрого питания, вы ожидаете, что получите картофель быстро.

I will send the letter shortly. – Я скоро вышлю письмо.

The maids came in and cleaned the room up in short order. – Горничные пришли и быстро убрали комнату.

Наречие *моментально* возглавляет следующий синонимический ряд: *разом, сразу, мгновенно, мигом, молниеносно, быстро, вмиг, моментом, одновременно, махом, с быстротой молнии, в два счета, в мгновение, в мгновение ока, в минуту, в момент, в один миг, в один момент, в одно мгновение, в одну минуту, скоро.* У наречия *моментально* и его синонимов выявлены следующие общих значения: 'за короткое время' и 'через короткое время по отношению к времени другого события':

– значение ‘за короткое время’: *Прошлое мгновенно промелькнуло в моей голове. Денежный вопрос был решён моментально*; – значение ‘через короткое время по отношению к времени другого события’: *Стоило ему чиркнуть спичкой, мгновенно разгорелся пожар. Только пожарные покинули здание, моментально раздался взрыв*;

– значение ‘через короткое время по отношению к моменту речи’: *Вот тут книжка, и в книжке всё объяснено. Думаю, с этим я моментально справлюсь*.

В английском языке присутствуют наречия с родственными для слова *моментально* латинскими корнями, но семантика и функционирование в устной и письменной речи у них иная: *momentarily / momentarily* означает ‘на момент’: *to pose momentarily* – остановиться на мгновение. Значение ‘моментально’ в английском языке передается фразой *in a moment*: ‘*in a short / brief space of time, in a moment*’ (‘за короткий промежуток времени’). Выделяются близкие по значению и функционированию английские наречия, именные группы и фразеологические обороты: *instantly, promptly, very quickly; at a moment’s notice, like a blink, in a blink*:

The boy solved the problem very quickly. – Мальчик решил задачу моментально.

Our agency offers you 101 ways to improve your communication skills in English instantly. – Наше агентство предлагает 101 способ моментально овладеть разговорным английским.

Win 100 dollars in a blink of an eye! – Выиграй 100 долларов моментально!

Как видим, наречие *моментально* стилистически немаркировано, т. е. употребляется в нейтральной речи [6, с. 19].

На основе данных примеров можно сделать следующие выводы.

1. Значение темпоральности в наречиях свойственно слову как лексеме и часто исчерпывается его семантикой.

2. Характер временного ориентира в системах именной и наречной темпоральности различен.

Список литературы

1. Крюкова Е.А. Сравнительный анализ средств выражения пространственных и временных отношений (на материале кетских фольклорных и бытовых текстов XX и XXI вв.) // Вестник ТГПУ (TSPU bulletin). – 2011. – №9 (111). – С. 156–162.
2. Алиева Н.Н. Кросскультурный подход в освещении функционально-семантической синонимии (сопоставительный анализ русского и аварского, даргинского, лакского языков на уровне словосочетания) [Электронный ресурс]. – URL: [http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/7\(28\)/aliyeva_7_28_14_24.pdf](http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/7(28)/aliyeva_7_28_14_24.pdf).
3. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/>.
4. Шаповалова Т.Е. Темпоральные наречия в «Апокалипсисе нашего времени» В.В. Розанова [Электронный ресурс]. – URL: <http://pstgu.ru/download/1236686537.shapovalova.pdf>.
5. Панков Ф.И. Категория наречной темпоральности и ее речевые реализации // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / редкол.: В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 161–174.
6. Рубан А.Е. Лексикографическое представление русских темпоральных наречий в функционально-коммуникативном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – С. 11–19.

УДК 81'373.423:(811.161.1+811.111)

Е.А. Беспалова, М.О. Вербя

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОМОНИМЫ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена рассмотрению одного из проявлений проблемы переходности в грамматике – функциональным омонимам. Примеры функциональных омонимов приведены на русском и англий-

ском языках, рассмотрены наиболее частотные случаи конверсии в обоих языках.

Ключевые слова: омоним, функциональный омоним, переходность в грамматике, конверсия.

Последние десятилетия ученые-лингвисты активно занимаются исследованиями лексико-семантической системы языка. На поверхности находится проблема переходности в грамматике. В данной статье мы рассмотрим одно из ее проявлений – проблему функциональной омонимии.

Частеречная деривация является очень долгим и последовательным процессом исторического развития языка. Вследствие таких изменений слова одной части речи частично или полностью переходят в другую часть речи, образуются функциональные омонимы, которые в лингвистической литературе дефинируются как родственные по происхождению слова, совпадающие по звучанию, но относящиеся к различным лексико-грамматическим разрядам.

Словарь лингвистических терминов дает такое определение функциональных омонимов: «Омонимы, появившиеся в результате перехода слов из одной части речи в другую: *столовая* (комната) – *столовая* (ложка)» [1]. Таким образом, это слова, которые имеют одинаковое написание и произношение, но относятся к разным частям речи, имеют различный категориальный аппарат и различные синтаксические функции, что и является их отличием от лексических омонимов: *коса* (орудие труда) – *коса* (прическа) – *коса* (отмель), *bank* (берег) – *bank* (банк).

Функциональные омонимы В.В. Бабайцева определяет как «слова, совпадающие по звучанию, этимологически родственные, относящиеся к разным частям речи» [2]. Следовательно, понятие функциональных омонимов напрямую связано с понятием конверсии. Конверсия – способ *словообразования*, образование нового слова путём перехода *основы* в другую *парадигму словоизменения*. Обычно получившаяся *лексема* принадлежит к иной *части речи*. Например, русское *печь* (в избе), *печь* (хлеб), англ. *Love* (любовь) и *love* (любить) принадлежат различным частям речи. Поэтому, несмотря на внешнее сходство, основное слово и его производное яв-

ляются разными словами, семантические отношения между ними могут быть разнообразными [3].

Ряды функциональных омонимов чаще всего включают два члена: например, *тысяча* (в кармане) – *тысяча* (рублей), *белые* (туфли) – *белые* (идут). Но можно встретить и многочленные ряды данных слов: например, *хорошо* (на улице) – *хорошо* (писать) – (кино) *хорошо*.

Можно выделить два типа функциональных омонимов по степени свободы употребления – окказиональные и узуальные. Окказиональные – это такие звуковые комплексы, которые принимают несвойственные им грамматические категории и свойства, находясь в строго определенной синтаксической позиции. Например, в предложении «*А он был ничего сегодня!*» отрицательное местоимение *ничего* в родительном падеже является частью составного сказуемого и выступает в роли прилагательного. Узуальный же тип функциональных омонимов не ограничивает их употребление синтаксическими рамками и является регулярным для данного периода развития языка. Объектом нашего исследования являются все виды функциональных омонимов.

В качестве примеров мы рассмотрим функциональные омонимы знаменательных частей речи в русском и английском языках, которые на сегодняшний день наиболее частотно встречаются в языке и речи.

В русском языке чаще всего мы можем найти двучленные ряды функциональных омонимов «прилагательное (причастие) – существительное»: *мороженое* (мясо) – *мороженое* (десерт), *жаркое* (солнце) – *жаркое* (блюдо), *английский* (язык) – *английский* (дисциплина), *чайная* (ложка) – *чайная* (заведение), *учительская* (мудрость) – *учительская* (кабинет), *ванная* (для купания) – *ванная* (комната), *столовая* (ложка) – *столовая* (комната), *служащий* (в полку) – *служащий* (примером), *дежурный* (по участку) – *дежурный* (папа), *прилагательное* (обозначает) – *прилагательное* (имя), *красные* (носки) – *красные* (пришли), *борзая* (лошадь) – *борзая* (порода собаки), *будущее* (завтра) – *будущее* (наступит), *нищий* (человек) – *нищий* (просит милостыню) и т.д. В английском языке также присутствуют примеры данных омонимических рядов: *young*

(man) – *the young* (people), *rich* (woman) – *the rich* (people), *good* (book) – *the good* (morale), *Russian* (language) – *a Russian* (people), *mysterious* (story) – *the mysterious* (attracted people), *superior* (argument) – (like a) *superior*, *the sick* (people) – *sick* (have no money), *Chinese*(language) – (to learn) *Chinese*.

В русском языке также часто встречаются примеры субстантивации и деадвербиализации наречий: (любоваться) *рядом* (елей) – (жить) *рядом*, *страсть* (сильная) – *страсть* (как хотелось взглянуть), *век* (серебряный) – *век* (смотреть), (надежный), *капельку* (росы) – *капельку* (подождать), (удариться) *боком* – (выйти) *боком*, (невероятным) *чудом* – (промолчать) *чудом*, *завтра* (прийти) – (светлое) *завтра*, *вчера* (посмотрел) – (незабываемое) *вчера*, *здесь/там* (присутствуют) – (не для) *здесь/там* (М.И. Цветаева). Данные примеры нередко вызывают сложности на письме. Это связано с тем, что в большинстве случаев существительное при этом словообразовательном процессе «сливается» с предлогом и под вопросом стоит слитное или раздельное написание: *в* (надежный) *упор* – *в упор* (смотреть), *на* (быстрый) *обгон* – *на обгон* (пошел), *с* (ярким) *блеском* – *с блеском* (выступить), *с* (длинного) *разгону* – *с разгону* (полетел), *в* (наших) *гостях* – *в гостях* (познакомиться), *на* (красивое) *лицо* – *налицо* (проблемы), *на* (доброе) *утро* – *наутро* (уйти), *на* (большую) *половину* – *наполовину* (пуст), *из начала* (книги) – *изначала* (афинской демократии). В английском языке данный вид функциональных омонимов не распространен, это связано по большей части с отсутствием падежной системы существительных.

В английском языке наиболее часто встречаются ряды «глагол – существительное». Например, *to contest* (with somebody) – *a* (sport) *contest*, *to fall* (in love) – *a* (long) *fall*, *to help* (my mother) – *a* (real) *help*, *to switch* (the light) – *a* (automatic) *switch*, *to catch* (a fish) – *the* (big) *catch*, *to dump* (rubbish) – *a* (metal) *dump*, *to hope* (you will be a doctor) – *the* (fair) *hope*, *to answer* (the question) – *an* (right) *answer*, *to name* (your dog) – *a* (nice) *name*, *to drink* (a cup of tea) – *a* (shot) *drink*, *to fear* (Jehovah) – *a* (superstitious) *fear*, *to fish* (in the evening) – *a* (tropic) *fish*, *to milk* (the cow) – (to drink) *milk*. В русском языке тоже существуют подобные слова, но их не так много, чаще

всего переходят в существительные не инфинитивы, а глаголы в определенной форме: *печь* (пирог) – (доменная) *печь*, *пила* (напиток) – (электрическая) *пила*, *рыло* (себе могилу) – (свиное) *рыло*, *попугай* (меня) – *попугай* (Ара), *смог* (исправить ошибку) – *смог* (над городом).

Высокой частотностью в английском языке также обладают ряды «глагол – прилагательное». Например, *empty – to empty*, *clean (carpet) – to clean (the flat)*, *cool (breeze) – to cool (my heart)*, *slim (woman) – to slim (my figure)*, *blind (children) – to blind (their eyes)*. В русском же языке в прилагательные может переходить особая форма глагола – страдательные причастия прошедшего времени: *изысканный* (вкус), *молотый* (кофе); страдательные причастия настоящего времени: *несклоняемые* (существительные), *невидимая* (сторона Луны); действительные причастия настоящего времени: *блестящие* (способности), *цветущий* (вид); реже – действительные причастия прошедшего времени: *опухшее* (лицо), *раскисшая* (дорога) [4].

Таким образом, мы рассмотрели наиболее частотные случаи функциональной омонимии знаменательных частей речи в русском и английском языках. Этот процесс можно считать переходным этапом процесса междуречной деривации. Данное явление интересно для ученых-лингвистов, занимающихся исследованием развития и видоизменения языка.

Мы можем сделать вывод о том, что функциональная омонимия – это очень продуктивное средство экономии языковых ресурсов, но в то же время вызывающее множество вопросов и сложностей при изучении языка.

Список литературы

1. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010.
2. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. – Воронеж, 1967.
3. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М., 1956.
4. Ноговицина Л.В. Еще раз о наречиях и адвербиализации имен существительных (на примере рассказов В.М. Шукшина) //

И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: III Международные Бодуэновские чтения (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006.

5. Ахманова О. Словарь омонимов русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1974.

6. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1976.

УДК 81'373

**Е.А. Беспалова, Э. Ди Баттиста, Н.И. Шаповалова,
А.Н. Черкашин**

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

АДЪЕКТИВНЫЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются особенности употребления адъективных устойчивых сравнений, имеющих значение умственной деятельности, в русском, английском и итальянском языках.

Ключевые слова: адъективный компаративный фразеологизм, объект сравнения.

Современная лингвистика от всестороннего изучения системы языка «обращается к человеку, субъекту письменно-речевой деятельности»; «все более актуальными становятся исследования антропоцентрического характера», которые имеют «специфический объект изучения – человека, носителя языковой способности, язык во взаимодействии с человеком» [1].

В соответствии с антропологической парадигмой внимание лингвистов перемещается, как отмечает В.Н. Телия, на изучение

человеческого фактора в языке и языкового фактора в человеке. «Фразеологический корпус языка – особенно богатый материал» для такого исследования, т.к. является свидетельством «межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [2, с. 9].

Среди различных типов фразеологических единиц исследователи выделяют группу компаративных фразеологизмов, или устойчивых сравнений, широко представленную в языке.

Сравнение является средством создания метафор, символов, стереотипов, раскрывает мифологичность сознания определенного народа. Устойчивые сравнения, как языковой знак той или иной ситуации, является источником получения фоновых знаний, связанных с историей, географией и укладом жизни народа-носителя языка. Своеобразие мировосприятия и миропонимания людей, их духовная культура отражаются в семантике устойчивых традиционных сравнений [3].

Устойчивыми сравнениями, или компаративными фразеологическими единицами, называются устойчивые и воспроизводимые сочетания слов, фразеологическая специфика которых основывается на традиционном сравнении.

Первый компонент сравнений называется основанием сравнения, он «обычно употребляется в своем основном буквальном значении»; второй компонент является объектом сравнения, его функция «всегда усилительная, т.к. он обозначает степень признака, выраженного первым компонентом»: (as) wise as Solomon – *мудрый, как Соломон* [4, с. 139].

В любом языке формы объекта сравнения весьма разнообразны: от простой метафоры или обычного сравнения с каким-либо предметом (*как пробка, как щетка*) до сложных ассоциаций с предметами и их признаками, действиями, событиями, развернутыми сюжетами (*как банный лист, как подкошенный, как дважды два четыре*).

В данной статье мы ограничили круг рассматриваемых антропоцентрических сравнений одной тематической группой – «Интеллектуальные способности человека» – и выбрали из них адъективные сравнения, которые называют признак в качестве опорного

слова-характеристики, используют имя прилагательное: *глупый*, как *пробка*.

В рамках данной тематической группы устойчивые сравнения объединяются в оппозиционную пару признаков с различиями в степени их проявления: *умный (мудрый) – глупый (тупой)*, причем группа со вторым значением представлена в разных языках значительно шире.

Человек с позиций его умственных способностей сравнивается с животными (*мерин, овца*); деревьями и их производными (*дуб, бревно, пень*); неодушевленными предметами (*пробка, валенок, щетка*); библейскими персонажами (*Соломон, змий/змея, дьявол, бес*).

Положительная характеристика интеллектуальных способностей представлена в основном устойчивыми сравнениями библейского происхождения, их можно считать универсальными для различных языков, связанных с христианской культурой:

мудрый (умный), как Соломон – (as) wise as Solomon (англ.) – saggio come Re Salomone (итал.);

мудрый, как змий / змея – (as) wise as a serpent (англ.);

умный (хитрый), как змея – (as) cunning as a serpent (англ.) – astuto come un serpente (итал.);

умный, как дьявол/бес – (as) smart/clever as the devil / hell (англ.) – furbo come il diavolo (итал.).

Объекты сравнения в этой группе свидетельствуют о том, что особые интеллектуальные качества воспринимаются разными этносами как нечто сверхъестественное, находящееся за пределами человеческих возможностей, свойственное *Соломону, змию/змее, дьяволу, бесу*.

В литературном устойчивом сравнении *мудрый, как сова* объектом сравнения служит образ совы, издревле символизирующей мудрость. Внешность птицы попадает под расхожие критерии наличия ума. Основную роль в создании имиджа играют глаза совы, они очень большого размера относительно ее головы. Большие глаза у людей ассоциируются со вниманием, сосредоточением, ведь такой взгляд, как у совы, заставляет думать, что она смотрит в самую суть происходящего, глубоко оценивает происходящее. К тому же

ее взгляд недвижим, что создает иллюзию созерцательности и проничательности, но этот эффект обусловлен физиологией совы – для того чтобы посмотреть в сторону, ей нужно повернуть голову, отвести глаза она неспособна от природы. Сова создана для охоты, процент удачных нападений на жертву у совы равняется восьмидесяти пяти процентами, это очень высокий показатель среди хищных птиц. Она добилась этого благодаря настройке своего мозга для выполнения конкретных узкоспециализированных задач, связанных с охотой. Мозг совы управляет уникальными глазами и способностью видеть днем и ночью, постоянно регулировать пропускную способность света в глаза, что гарантируют высокую эффективность этого хищника: *«Но Лисс был мудр, как сова. Поэтому его дом всегда вызывал жалость у шикующих неподалеку»* (В. Денисов. Последнее слово девятого калибра).

Отсутствие же ума, глупость являются понятными, земными качествами; отрицательные явления вызывают у носителей языка осуждение, неприятие, поэтому глупость богато репрезентируется в устойчивых сравнениях. В выражениях этой группы можно выделить как имеющие национальную специфику сравнения, так и компаративные единицы, характеризующиеся схожими для нескольких языков объектами сравнения.

Сходства и различия проявляются в системе образов-эталонов, отражающих ценностные представления народа об окружающей действительности. Под эталоном понимается «точный образец установленной единицы измерения; мерило, стандарт, образец для сравнения с чем-либо» [5].

В русском языке, чтобы подчеркнуть, гиперболизировать глупость, несообразительность человека, о нем говорят: *глупый, как пробка, бревно, пень, (сибирский) валенок, гусь, (сивый) мерин; тупой, пробка, как (сибирский) валенок, полено, обух, бревно, пень.*

Чаще всего в качестве образов-эталонов при характеристике такого человека выступают наименования деревьев и их частей, которые отличаются прочностью, безжизненностью и неспособностью к активному восприятию внешних воздействий: *бревно* (*Этот доктор крайне глуп... глуп, как бревно.* – Ф.М. Достоевский. *Двойник* (НКРЯ)), *полено* (*Ничего, кроме тупой, как полено,*

мысли, что эта чужая книжка мне не нужна. – А. Приставкин. Кукушата или жалобная песнь для успокоения сердца (НКРЯ)), **пень** (Забавный толстяк, который считает себя очень больным и очень умным человеком, а здоров как бык и глуп как пень – И. Тургенев. Дым).

В компаративных фразеологизмах *глупый, как (сибирский) валенок*; *тупой, как (валенок) валенок* с компонентом *(сибирский) валенок* отражается перенос значения с внешнего вида русской национальной обуви, имеющей *тупой (= не острый)* «нос», на характеристику ума (*не острый = тупой*): *Или я туп, как валенок, или его почитатели ничего, кроме тыквенной каши в литературе, не пробовали* (Ю. Даниэль. Письма из заключения (НКРЯ)).

В английском языке распределение категорий осуществляется следующим образом: базовый уровень составляют категории *clever/smart* (*умный*) и *stupid/silly* (*глупый*), которые встречаются в следующих устойчивых выражениях:

(as) smart as a whip (*умный, как хлыст*) – *(as) stupid as a donkey* (*глупый, как осёл*);

(as) clever as a fox (*умный, как лис*) – *(as) silly as a goose* (*глупый, как гусь*).

Кроме базовых характеристик *умный / глупый*, присутствуют и такие определения, которые характеризуют интеллект положительно / отрицательно, но уже с более узким семантическим значением (*wise – мудрый; cunning – хитрый*) или с дополнительным коннотативным значением (*sharp – умный* (дословно – *острый*), *dumb – тупой; daft – слабоумный*).

Глупый человек представлен следующими сравнениями: *глупый, как гусь (silly as goose)*, *как овца (stupid as a sheep)*, *как щетка (daft as a brush)*. Человека крайне глупого, ничего не понимающего, описывали: *как камень (dumb as a rock)*, *как дверная ручка (dumb as a doorknob)*, *как осел (silly as a donkey)*. Объектами сравнения для обозначения мудрого человека является компонент *Соломон (wise as Solomon)*, *умного, обладающего исключительным интеллектом – капкан (sharp as a steel trap)*, *кнутом (smart as a whip)*, *краски (clever as paint)*.

Этимология устойчивого сравнения *as daft as a brush* (глупый, как щетка), характерного именно для английского языка, представляет особый интерес. Оно имеет несколько значений:

1. Это выражение появляется в первом стихе *The Flowers Of The Forest*, где в контексте эта фраза означает толчок щеткой в ребра. Когда щетка была очень сухая, ее прутья торчали в разные стороны. Щетку тогда называли «ненормальной», и она становилась практически бесполезной. Кто-то, кто ненормален, как щетка, не способен сконцентрироваться на каком-либо вопросе. Другое значение этого устойчивого выражения резко отличается от предыдущего. Фактически полный вариант выражения: *Daft as a brush and not half as useful* (Ненормальный, как щетка и вдвое менее полезный).

2. В эпоху трубочистов детей часто использовали, чтобы убрать дымоходы. Только они были достаточно малы, чтобы получить доступ к дымоходу и очистить его. Малыши находились вверх ногами в дымоходе, и часто с ними происходили несчастные случаи. Дети не могли удержаться в трубе и падали, что приводило к травмам головы. Выражение означало *глупый, неспособный сконцентрироваться* и т.д. [6].

Выражение *dumb as a rock* (глупый, как камень) имеет четкий ассоциативный характер. Когда человека сравнивают с камнем, то говорят не только о его глупости. Здесь важны другие аспекты значения: человек, медленно мыслящий, в некотором смысле, бесчувственный, невосприимчивый к внешнему воздействию. Для описания такого человека лучше всего подходит *камень* как самый грубый, твердый, неодушевленный предмет окружения. Именно из-за своей невосприимчивости к окружающей действительности слово *rock* требует перед собой определения *dumb*, первое значение которого – *немой*.

Этимология выражения *dumb as a doorknob* (глупый, как дверная ручка) иная. Как было сказано выше, основное значение слова *dumb* – *немой*. Потому ранее выражение имело несколько иной смысл: *молчаливый / неразговорчивый, как дверная ручка*. Но со временем значение прилагательного *dumb* расширилось, и во мно-

гих ситуациях это слово стало обозначать глупость. Само выражение сохранилось, несмотря на семантические изменения, так как вошло в активную лексику и было привычно для слуха.

В итальянском языке оппозиция *глупый* – *умный* среди устойчивых сравнений представлена выражениями: *stupido come una capra* (глупый, как коза), *stupida come una gallina* (глупая, как курица), *stupido come una bestia* (глупый, как зверь / животное), *stupido come una scarpa* (глупый, как ботинок), *ascuto come un'aquila* (умный / острый, как орёл), *ascuto (scaltro) come una faina* (*хитрый* / *проницательный*, как куница).

Интересен тот факт, что в итальянском языке слово *ascuto* (*острый*) в адъективных фразеологических оборотах, характеризующих интеллект человека, имеет значение *умный*: *È l'aquila e il leone: coraggiosa come un leone, acuta come un'aquila – che sono gli animali di Zarathustra* (Uomini e donne: una fratellanza inquieta – Nadia Fusini). – *Она – орёл и лев, которые являются животными Заратустры.*

У итальянского слова *ottuso* (*тупой*) тоже имеется значение «глупый» (*ottuso = Con riferimento alla capacità intellettuale, che manca di penetrazione, tardo a capire, di scarsa sensibilità*). В русском языке принято говорить «у него *острый ум*», если речь заходит об умном человеке. Отсюда же произошло слово «*остроумие*». Сравнение ума с острым инструментом, по всей видимости, присуще как русскому, так и итальянскому языку. В русском отражена отрицательная сторона сравнения (*тупой = глупый*), а в итальянском – положительная (*острый = умный*). В английском языке также присутствует подобное сравнение умственных способностей (*sharp mind – острый ум*). Такое значение встречается у слова *sharp* и в адъективных фразеологических единицах (*sharp as a tack – умный, как гвоздь*): *He is sharp as a tack. I don't see y'all being friends at all* (Down and Out in Bugtussle: The Mad Fat Road to Happiness – Stephanie McAfee). – *Он умён. Я не могу представить вас друзьями.*

Для описания глупого человека в итальянском языке (так же, как и в русском) используется эталон, семантически связанный с деревом: *stupido come un tronco – глупый, как пень*: *Onde fanno tra*

*gli uomini, come fa il Polpo tra' pesci, che non solo egli è tutto mani per afferrare, ma là dove nell'altre cose riesce di più **stupido come un tronco**, se si ha da muovere per rapire ancor egli, e per depredare, è tutto sagacità* (Paolo Segneri). Использование в качестве объекта сравнения компонента *пень* встречается и в английском языке в сравнении *dumb as a stump: Her constant jabbering was always getting me in trouble with Ms. Nelson and my grades were already beginning to suffer, me being dumb as a stump anyway* (Tender as Hellfire – Joe Meno). – *Ее постоянная болтовня всегда доставляла мне проблемы с мисс Нельсон, при этом страдали и мои оценки; всё же я был туп, как пень*. Подобные примеры являются доказательством общности человеческого мышления, независимо от культурных или национальных особенностей.

Такие фразеологические единицы, как *stupido come una gallina* – *глупый, как курица*, *stupido come un asino* – *глупый, как осёл* – имеют полные эквиваленты в русском языке. В английском языке присутствует только сравнение с ослом: *stupid as a donkey* (*He accuses me of being illiterate and stupid as a donkey, and says he is better than me* (Tomorrow, God Willing: Self-made Destinies in Cairo – Unni Wikan). – *Он обвиняет меня в том, что я неграмотный и глупый, как осёл, и говорит, что он лучше меня*).

Выражение *глупый, как гусь* встречается во всех трёх языках, в итальянском же оно представлено формой *stupido come un'oca*.

Существует несколько выражений, которые не встречаются в русском и английском, но употребляются итальянском языке. Примером служит компаративный фразеологизм, в которой объектом сравнения выступает коза: *stupido come una capra* – *глупый, как коза* (*A proposito, come mai alcuni dipinti sono su tela? Semplice, perché non avevo più spazio sulle pareti. Non ci avevo pensato, mi sentii stupido come una capra* (Metallescenze. F. Paragliola). – *Кстати, почему некоторые картины на холсте? Просто потому, что у меня не было больше места на стенах. Я никогда не думал об этом, потому чувствовал себя глупым, как коза*).

Животное выступает объектом сравнения и в сравнении *ascuto (scaltro) come una faina* – *умный (проницательный), как лас-*

ка (куница), где компонент *ласка* является символом ума и хитрости. Дело в том, что ласки (как и лисы в России, что отражено в сравнении *хитрый, как лиса*) славились тем, что воровали кур, несмотря на заборы, стены и прочие преграды. Ласки всегда находили лазейки и делали подкопы, что характеризовало их как очень умных животных. Существует также синонимичное выражение *furbo come una faina* (*хитрый, как ласка*), который в переводе имеет тот же смысл. В английском языке данное выражение отсутствует.

Стоит обратить внимание на такую особенность употребления устойчивых сравнений, когда объектом сравнения становится уже не эталон, а «антиэталон», сравнение проводится «от противоположного». Носителям русского языка знакома ситуация «языковой игры», когда для номинации глупого человека с известной долей иронии употребляются выражения *умный, как утка*; *умный, как валенок*; *умный, как индюк*; и при этом легко «прочитывается» обратное значение.

Такие явления знакомы итальянскому и английскому языкам. Например: *intelligente come un asino* – *умный (ая), как осёл*, *intelligente come una capra* – *умный (ая), как коза*. Очевидным остаётся то, что выражения используются для характеристики глупого человека. В английском варианте возможны такие выражения, как *smart as a rock* (*умный, как камень*), *smart as a doorknob* (*умный, как дверная ручка*), *smart as a door nail* (*умный, как дверной гвоздь*).

Интересно также отметить амбивалентность слова *hell* (*черт*) в английских устойчивых выражениях. Его можно использовать как для характеристики невероятно умного человека (*smart as hell* (*умный, как черт*)), так и для характеристики глупого (*dumb as hell* (*черт*)).

Проведенное исследование позволяет предположить, что в большинстве своем устойчивые сравнения являются интернациональными, универсальными единицами; эталоны, служащие объектом сравнения, чаще совпадают.

В результате удалось выявить как общие, универсальные для трех языков устойчивые сравнения (*мудрый, как Соломон; глупый, как пень; глупый, как гусь*), так и специфичные для конкретной культуры: русское *глупый, как (сибирский) валенок*; английские *as daft as a brush (глупый, как щетка), dumb as a rock (глупый, как камень), dumb as a doorknob (глупый, как дверная ручка)*; итальянское *ascuto (scaltro) come una faina (умный (проницательный), как ласка (куница))*.

Список литературы

1. Татаринцева Е.Н. О некоторых теоретико-методологических вопросах современной антропоцентрической лингвистики [Электронный ресурс]. – URL: <http://journal-aael.intelbi.ru/main/wp-content/uploads/2011/06>.
2. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
3. Кобызева (Шкабара) Н.И. Устойчивые сравнения как средство характеристики умственных способностей человека в донских говорах // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. – 2011. – №10(64). – С. 80–83.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк.; Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
5. Бойко Л.Г. Культурно маркированное содержание устойчивых сравнений русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009.
6. URL: <http://www.playcast.ru/communities/priroda/?act=news&id=8005>.
7. Белинская Н. Англо-русский краткий словарь идиом, устойчивых выражений. – СПб.: Успех, 2003. – 637с.
8. Воробьева Л.Б. Русские устойчивые сравнения в сопоставлении с литовскими: Специфика образности: дис. ... канд. филол. наук. – Псков, 2002.
9. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 944с.

10. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. – М.: Флинта, 2011. – 300 с.

11. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

12. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. – М.: Высш. шк., 1970.

13. URL: <http://www.theguardian.com/notesandqueries/query/0,-2706,00.html>.

УДК 070

Е.А. Беспалова, М.В. Конева, А.П. Тутов

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

В статье анализируется процесс появления новых слов в языке, рассматриваются особенности употребления неологизмов в речи молодых и опытных журналистов, работающих в курских СМИ.

Ключевые слова: неологизм, региональные печатные СМИ.

В любом активно развивающемся языке мира появляются новые слова – неологизмы. Это могут быть как один или несколько раз употребленные окказионализмы, так и слова, обозначающие новые понятия, которым суждено надолго войти в лексику языка.

Согласно словарю иностранных слов Н.Г. Комлева, неологизм [*гр. neos – новый + logos – слово*] – вновь появившееся в языке слово, обозначающее новое понятие, предмет или явление [1]. Как отмечает *Википедия*, свежесть и необычность такого слова, словосочетания или оборота речи ясно ощущаются носителями данного языка [2].

Однако определить, как долго слово является новым, сложно. Из однажды придуманного кем-то слово может постепенно перейти в активный словарный запас многих носителей языка, а через некоторое время будет восприниматься ими уже как данность.

СМИ являются отличными популяризаторами неологизмов. Однако в последние годы их приоритетную роль в этом процессе частично перенял Интернет. На просторах социальных сетей, форумов созданные кем-то неологизмы могут быстро завоевать популярность. Однако очевидно, что такие неологизмы будут известны лишь интернет-пользователям и могут остаться навсегда недоступными для людей, не пользующихся услугами Всемирной паутины.

Это одна из причин относительности неологизмов. Слово может казаться новым лишь для определенной группы лиц. Например, неологизм *спойлер* несколько лет используется поклонниками кино, сериалов и компьютерных игр в значении 'преждевременно раскрытая важная сюжетная информация, которая разрушает задуманную авторами интригу', и при этом совершенно неизвестно другим людям. Неологизм *селфи* стал уже привычным для огромного числа людей и уже не воспринимается ими как новшество, в то время как многим людям старшего поколения это слово до сих пор неизвестно. Имеется попытка иной адаптации этого ставшего популярным слова. На сайте городского портала «ВКурске.ком» проводится конкурс на лучшее *селфи* под названием «Себяшки». Данный неологизм является довольно точным дословным переводом слова *селфи*, однако в языке этот не самый благозвучный синоним вряд ли приживется, не стали же *галоши* в свое время называть *мокроступами*.

Медиатексты должны быть понятны для аудитории, и потому использование неологизмов – ответственность для автора. Каждый журналист решает сам, употреблять ли ему новое слово или попытаться, если это возможно, подобрать для него синоним. Стоит отметить, что явным признаком неологизма является разъяснение его значения в тексте статьи: например, *Сотрудники управления Курского Роспотребнадзора, объявившие селфи (снимок самого себя на мобильный телефон или камеру) причиной педикулеза, не были первыми* [3].

Изучая употребление неологизмов в курских печатных СМИ, мы сравнивали, как используют новые слова молодые и опытные журналисты. Появление общеязыковых неологизмов заставляет

даже борцов за чистоту языка, которых немало среди возрастных авторов, использовать новые слова.

Например, в статье «Капремонт не ноу-хау, а требование федерального законодательства» [4] ее автор – журналистка с большим стажем работы Александра Черных – употребляет понятие *региональный оператор*. Слово *оператор* не является неологизмом, однако обозначение организации, координирующей проведение капитального ремонта как *регионального оператора*, – новое и пока непривычное значение ставшего привычным слова.

Для опытных журналистов также характерны авторские неологизмы. В статье «Распахнул я окно...» [5] известный курский журналист и краевед Виктор Крюков рассказывает о создании фотоальбомов о старом Курске, описывая технологию обработки фотографий. «*Но это лишь верхушка фотоайсберга*», – завершает он свою статью, давая понять, что рассказал нам совсем немного об этом нелегком процессе. Его коллега, также опытный автор, Людмила Кутыкина в статье «И повсюду они слышат музыку» [6] рассказывает о юных курских композиторах и использует окказионализм *звукотворчество*.

Рождению неологизмов, которые волей-неволей будут употреблять все журналисты, способствует изменение политической и экономической ситуации. *Санкции* и *импортзамещение* – тоже в какой-то степени неологизмы (статьи «Новые горизонты курской промышленности» Марии Яковлевой [7], «У региона есть антикризисный план» Серафимы Малаховой в газете «Курск» [8]). Эти слова существовали в языке, и их значение известно либо же интуитивно понятно любому, кто хоть немного знаком с экономическими терминами. Однако особую популярность эти слова обрели в последние полгода. *Антимайдан*, *укроп* в значении ‘украинский оппозиционер (украинское сопротивление)’ – слова, которые также вошли в язык в связи с последними событиями в Украине.

Появлению неологизмов могут способствовать требования *толерантности* (к этому неологизму мы уже привыкли, хотя некоторые люди и борются против него, требуя заменить его на русскую *терпимость*). Термин *люди с ограниченными возможностями*, пришедший на замену слову *инвалиды*, – неологизм, одновре-

менно являющийся эвфемизмом. *Адаптация инвалидов* – тематическая группа, в которой используется немало неологизмов, постепенно становящихся все более употребительными. *Инклюзивное образование, доступная среда* – все эти словосочетания в совокупности с авторскими попытками адаптировать эти понятия в *особые дети* и *включенное образование* (в статье молодой журналистки Юлии Тарасовой «Школа – для всех» [9]) – неотъемлемый атрибут освещения этой темы.

Техника и технологии дарят нам максимум неологизмов. *Википедия* уже стала синонимом *энциклопедии*, лексема *гуглить* выступает неплохой заменой словосочетанию *искать в Интернете*. Часть слов уже не просто адаптировались в устной речи, но и вошла в словари, как, например, *эсэмэска*. Пока остаются узнаваемыми в латинском написании *Wi-fi*, *QR-код* и *iPad*, значения которых между тем известно многим, но далеко не всем носителям языка. *iPhone* быстро стал вполне привычным *айфоном*, который употребляется как синоним не только слова *смартфон*, но и вообще *мобильного телефона*.

Неологизм *QR-код* пропагандировался в нашем регионе с помощью СМИ одновременно с самим явлением. Поскольку новизна этого слова и понятия была очевидной, его активно расшифровывали раз за разом. В статье начинающей журналистки Юлии Пронской «Новые возможности МФЦ» в газете «Курск» читаем: «Кстати, одно из направлений действующей программы – *QR-кодирование*. Для тех, кто обращал внимание на плакаты с непонятными черно-белыми квадратами: это матричный код, который облегчает поиск информации в Интернете. При наличии специального приложения в телефоне или планшете *QR-код* можно отсканировать и перейти по ссылке на соответствующий сайт» [10].

Однако очевидно, что автор старшего поколения, освещая данную тематику, также не обошелся бы без неологизма. Например, использовать неологизм *ГЛОНАСС* и оперировать этим понятием не составляет труда для опытного корреспондента «Курской правды» Анны Журавлевой (как, например, в статье «Комплекс “Безопасный город”» необходим и в городах, и в селах» [11]). Не-

ологизмы *гаджет*, *смартфон* также активно используются как молодыми, так и опытными авторами «Курской правды» (статьи Анны Журавлевой «Домашние бури», «Отупеет ли «острое оружие»?», Юрия Моргунова «Мама и Интернет», «Книга остается с человеком» и молодой Ирины Леоновой «Молодежь поддержала флэшмобом»).

Конечно, каждым автором новые слова воспринимаются по-своему: для кого-то флэшмоб уже не неологизм, другой же автор подойдет к этому слову с осторожностью. Однако в целом мы можем отметить: как молодые, так и опытные авторы региональных СМИ не боятся использовать в своих статьях неологизмы, при необходимости разъясняя их значение. И поскольку новые слова закрепляются в текстах СМИ, они постепенно входят и в общеупотребительную лексику.

Список литературы

1. Словарь иностранных слов русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru>.
2. Неологизм [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
3. URL: <http://gikursk.ru/paper/3616/6876/>.
4. Черных А. Капремонт не ноу-хау, а требование федерального законодательства // Городские известия. – 2014. – 2 окт.
5. Крюков В. Распахнул я окно... // Городские известия. – 2015. – 13 янв. (№3–40).
6. Кутыкина Л. И повсюду они слышат музыку // Городские известия. – 2015. – 13 янв. (№3–4).
7. Яковлева М. Новые горизонты Курской промышленности [Электронный ресурс]. – URL: <http://gazetakursk.ru/ekonomika/11338-novye-gorizon-ty-kurskoj-promyshlennosti.html>.
8. Малахова С. У региона есть антикризисный план [Электронный ресурс]. – URL: <http://gazetakursk.ru/nedelya/11383-u-regiona-est-anti-krizisnyj-plan.html>.
9. Тарасова Ю. Школа – для всех // Курск. – 2015. – 18 февр. (№6).

10. Пронская Ю. Новые возможности МФЦ [Электронный ресурс]. – URL: <http://gazetakursk.ru/obshestvo/10343-novye-vozmozhnosti-mfts.html>.

11. Журавлева А. Комплекс «Безопасный город» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kpravda.ru/article/safety/029521/>.

УДК 81'373.72

Е.А. Беспалова, К.А. Лычко

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена анализу фразеологических единиц со значением речевой деятельности в русском языке.

Ключевые слова: фразеологические единицы, речевая деятельность.

Исследования в области фразеологии «дают нам возможность лучше проанализировать характер, особенности менталитета русского человека как носителя языка» [1].

Фразеологизм (фразеологическая единица) – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава [2].

Одной из основных функций фразеологизмов является отражение эмоционально-оценочного взгляда человека на мир и на себя как на элемент этого мира. Эмоционально-экспрессивную окраску несут фразеологизмы, используемые как средство речевой характеристики персонажей: для выражения близости персонажа к народу в его речи вводятся разговорные и даже просторечные фразеологизмы (что может говорить о стилистической сниженности), и

наоборот, для речевой характеристики персонажа с высокой культурой писатели прибегают к книжным фразеологизмам [3]. Для русского языка в большинстве случаев характерна однозначность.

Помимо предмета и объекта (что адресант хочет передать адресату), в самом фразеологизме также присутствует значение, которое придаёт положительную или отрицательную окраску. Например, фразеологизм *поливать грязью*, т. е. *оскорблять*, носит негативный характер, а *сказать, положив руку на сердце* в значении *говорить очень честно* – положительный.

Фразеосемантическое поле «речевая деятельность» занимает одно из центральных мест во фразеологических системах разных языков; оно широко представлено во фразеологической системе русского языка как в количественном, так и в содержательном планах [4].

Материалом для нашей статьи служат фразеологические единицы со значением речевой деятельности, выделенные с особый раздел редактором тематического «Словаря образных выражений русского языка» В.Н. Телия [5]. В данную группу входят 62 фразеологизма, из них предметом нашего рассмотрения являются только процессуальные фразеологизмы, составляющие ядро названной фразеосемантической группы.

В рамках данной группы М.Е. Дубова выделяет несколько микрополей.

Широко представлено в русском языке микрополе, номинирующее речевое поведение. Среди фразеологизмов данной группы можно выделить единицы, содержащие сему излишней болтливости: *точить <поточить> лясы* (*Считалось стыдным: кто будет сидеть и бездельничать, **точить лясы**, когда дома и во дворе всегда много работы?* – НКРЯ. Герман Садулаев. Бич Божий // Знамя. 2008); *выносить/ вынести сор из избы* (*Однако этот аппарат в некоторых местах пока еще весьма пассивен, нередко идет на поводу у таких руководителей, которые прежде всего озабочены тем, как бы **не вынести сор из избы**.* – НКРЯ. А. Рекунков. Социалистическая законность и прокурорский надзор // Человек и закон. 1978); *перемывать/ перемыть косточки <кости>* (*После длинного разговора о любви одна из девиц встает и ходит. Оставшиеся начинают **перемывать косточки** ушедшей. Все на-*

ходят, что она глупа, несносна, безобразна, что у нее лопатка не на месте. – НКРЯ. А.П. Чехов. Из записок вспыльчивого человека); *бросать слова на ветер* (*Он не пижон, как другие, и не любит бросать слова на ветер.* – НКРЯ. И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).

Другая подгруппа названного микрополя объединяется семьей, связанной с различными ограничениями речевого поведения: *держат язык за зубами* (*До недавнего времени ветераны даже в разговорах с родственниками предпочитали **держат язык за зубами**, чтобы не нажить беды.* – НКРЯ. Т. Белоусова. Ремесло окаянное // Совершенно секретно. 2003.07.04); *придерживать/придержать* <попридержать> язык (*Эта карета такого свойства, что всякому лучше **придержат язык за зубами** и не шутить на ее счет, а еще того лучше – не рассказывать, что видел.* – НКРЯ. Е.А. Салиас. Аракчеевский подкидыш); *прикусывать/прикусить язык* (*Радист, которому ни черта было не видно, виртуозно матерился, рискуя **прикусить язык.*** – НКРЯ. И. Бояшов. Танкист, или «Белый тигр»).

Кроме того, в рамках данного микрополя можно выделить группу фразеологических единиц, содержащих положительную коннотативную характеристику речевого поведения: *держат/сдержат [свое] слово* (*Приказываю тебе **сдержат слово** и с завтрашнего дня не курить.* – НКРЯ. Нодар Джин. Учитель); *давать/дать слово* (*Я должен был **дать слово** никому ничего об этом не рассказывать.* – НКРЯ. Д. Гранин. Зубр); *называть/назвать вещи своими <их, собственными, настоящими> именами* (*Будем **называть вещи своими именами:** это был гадюшник.* НКРЯ. Русская баня // Встреча (Дубна). 2003.06.25).

Значительно представлено среди фразеологизмов речевой деятельности и микрополе, номинирующее целевую направленность речи человека: *затыкать/заткнуть* <зажимать/зажать> рот (*Чиновники пытаются **заткнуть рот** всем журналистам, которые доносили до петербуржцев ту очевидную истину, что под видом «честных выборов» городу навязывается циничное и постыдное действие.* – НКРЯ. Петербургский пиар // Петербургский час пик. 2003.09.17); *тянуть* <потянуть> за язык (*На каждом шагу надо тебе подсказывать, надо тормозить тебя,*

тянуть за язык. – НКРЯ. А.И. Пантелеев. Наша Маша); **развязывать/ развязать язык** <языки> (Ну, что ж, господа, может быть, когда нам удастся **развязать язык** этой почтенной особе – вдове директора, мы действительно распутаем и узел того убийства на станции. – НКРЯ. Н.Н. Шпанов. В новогоднюю ночь); **заговаривать/заговорить зубы** (Ах, мошенник, мошенник, – качая головой, говорил Воланд, – каждый раз, как партия его в безнадежном положении, он начинает **заговаривать зубы**, подобно самому последнему шарлатану на мосту. – НКРЯ. М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита); **морочить/заморочить голову** <головы> (Мы еще разберемся, что там о вас докладывают и кому охота морочить голову начальству! – НКРЯ. В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь); **обливать/ облить** <поливать, бросать, смешать> с грязью (В этом можно было убедиться на примере любого из посетителей: каждого из них, стоило ему только распрощаться, Елена Наумовна начинала с жаром **поливать грязью**, изобретая неожиданно гнусные мотивы его слов и поступков, на мой взгляд, совершенно невинных. – НКРЯ. А. Волос. Недвижимость // Новый Мир. 2001).

Кроме того, в русском языке весомо представлена группа фразеологизмов, которые можно отнести к микрополю, номинирующему эмоции, опосредованные речью: **изливать / излить [свою] душу** (Сергей Каравайный явно был не из тех, кто стал бы **изливать душу** первому встречному. – НКРЯ. Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря); **плакаться/поплакаться в жилетку** (К сожалению, в жизни мне пришлось сделать гораздо больше плохого, чем хорошего, но **плакаться в жилетку** не собираюсь. – НКРЯ. М. Милованов. Кафе «Зоопарк»).

Проведенный анализ позволяет следующие выводы. Анализируемое фразеосемантическое поле речевой деятельности человека широко представлено в русском языке и характеризуется разветвленной семантикой. В рамках данного поля выделяется несколько микрополей (групп) фразеологизмов, наиболее значительными из которых являются микрополя, номинирующие речевое поведение, целевую направленность речи, эмоции, опосредованные речью.

Список литературы

1. Радченко Е.В., Ранг К.А. Субъектные процессуальные фразеологизмы со значением социальной деятельности лица как средство характеристики личности русского человека // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2012. – № 25. – С. 70–73.
2. Фразеология. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/559a.html>.
3. Современный русский язык [Электронный ресурс]. – URL: <http://padeji.ru>.
4. Дубова М.Е. Структурно-семантический анализ фразеосемантического поля «речевая деятельность» в русском языке (в сопоставлении с английским) [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук. – URL: <http://www.dissercat.com/content>.
5. Словарь образных выражений русского языка / под ред. В.Н. Телия. – М., 1995.

УДК 88

Н.А. Боженкова, Д.В. Атанова, И.А. Бондарева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКОВ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В предлагаемой статье проводится сравнительный анализ ступеней онтогенеза и этапов усвоения речи, а также представлена уровневая классификация ошибок, возникающих в процессе формирования навыков диалогической речи.

Ключевые слова: диалогическая речь, иностранный язык, методика обучения.

Общеизвестно, что основной и ведущей целью в преподавании иностранных языков является коммуникативная цель, детер-

минирующая весь учебный процесс. Специфика формирования и развития коммуникативных отношений в классе продуктивно исследуется в рамках педагогического дискурса, занимающего главенствующую позицию в кругу дисциплин, которые разрабатывают теорию коммуникации и диалога. Одной из основных форм речевого общения является диалогическая речь. *Диалогическая речь* – это речь поддерживаемая: подавая реплики, собеседник ставит интересные или уточняющие вопросы, которые могут помочь закончить или переориентировать мысль. «Грамотное построение моделей так называемых смежных пар, предполагающих ведение диалога по схеме “стимул-реакция”, в свою очередь обеспечивающее адекватное восприятие и понимание речи, формирует навыки успешной коммуникации на иностранном языке» [1].

Диалогическая речь сложнее монологической и по причине напряженности внимания, и по причине разнообразия и качества используемых речевых образцов. С точки зрения последовательности в обучении устной речи авторы все же отдают предпочтение диалогической речи: через диалог отрабатываются и запоминаются отдельные речевые образцы, целые структуры, которые используются затем в монологической речи. Уже на начальном этапе обучения иностранному языку учащиеся могут пользоваться языковыми единицами для общения.

Устная диалогическая речь как базисный компонент процесса обучения иностранному языку реализуется, как правило, в рамках бытового и педагогического диалогов и обладает характерными особенностями, например меньшей четкостью произношения, ритмизованностью, отсутствием причастий и деепричастий, относительной лексической бедностью, проблемами референциального выбора и др., которые, вероятно, детерминируются психологическими механизмами становления и развития устной речи детей (вербального онтогенеза).

Так, А.Н. Леонтьев устанавливает четыре этапа в становлении речи (отметим, что данные этапы не имеют четких возрастных очертаний):

– 1-й – подготовительный (до одного года), на котором усваиваются отдельные фонемы и звукосочетания;

– 2-й – дошкольный этап первоначального овладения языком (до 3 лет), на котором усваиваются слова, несущие обобщенно-смысловой характер, в т. ч. формы единственного и множественного числа, словосочетания и простые предложения без подчинительной и сочинительной связи;

– 3-й – дошкольный этап (до 7 лет), на котором формируется фонематическое восприятие (умение следить за собственным произношением), в значительной степени развивается грамматический строй языка, усложняется синтаксис предложения, усваиваются виды связи словосочетаний, растет объем речевых единиц; формируется контекстная (отвлеченная, обобщенная, лишенная наглядной опоры) речь;

– 4-й – школьный этап (от 7 до 17 лет), на котором сознательно формируются навыки диалогической речи (дети овладевают звуковым анализом, усваивают грамматические правила построения высказываний), целенаправленно перестраивается речь ребенка – от восприятия и различения звуков до осознанного использования всех языковых средств.

Таким образом, в речевом развитии ребенка можно выделить следующие периоды:

- период появления звуков и звукосочетаний;
- период появления различных частей речи;
- период появления словосочетаний;
- период появления разных видов предложений.

Проанализировав работы ведущих отечественных методистов И.Н. Верещагиной, Н.И. Гез, И.А. Зимней, З.Н. Никитенко, Е.И. Пассовой, Т.В. Роговой, можно выделить определенные этапы и в процессе обучения диалогической речи на иностранном языке:

– 1 этап – усвоение алфавита, изучение звуков, дифтонгов и дифтонгических сочетаний, формирование произношения, темпа и интонации;

– 2 этап – изучение отдельных слов, несущих бытовой характер (для школьников – название животных, числительных, дней недели, месяцев, простейших глаголов, качественных прилагательных, личных местоимений и т.д.), грамматических правил (число у

существительных, окончания глаголов, степени сравнения прилагательных);

– 3 этап – улучшение навыков произношения путем аудирования, изучение более сложных правил (простейшие времена у глагола, притяжательность существительных, структура вопросительного предложения и т.д.), попытки формирования монологической речи, описание предметов или картин;

– 4 этап – изучение всех ступеней языковой системы: использование аудио- и видеоматериалов и фонетических упражнений (скороговорки, стихотворения, песни), изучение основных правил словообразования, форм глагола, падежей существительных, изучение сложноподчиненных и сложносочиненных предложений, расширение лексического запаса; формирование свободной, неподготовленной речи.

Таким образом, в теории и методике преподавания языка процесс усвоения навыков диалогической речи (при условии, что процесс обучения только начат) формируется на основе вербального онтогенеза ребенка, и соответственно, данные этапы коррелируют со ступенями онтогенеза.

Процесс усвоения ребенком навыков устной диалогической речи на иностранном языке характеризуется определенными ошибками, которые рассматриваются в рамках анализа бытового диалога как одного из перспективных направлений дискурсивных исследований. Данные речевые ошибки возможно таксономизировать в соответствии с языковыми уровнями – фонологическим, морфологическим, лексическим, синтаксическим.

1. Фонологический уровень. Поскольку разговорная речь отличается значительно меньшей четкостью произношения, ритмизованностью (характерно чередование ударных и безударных сегментов речи), специфическим интонированием, возникают соответствующие ошибки:

Every day I go to school. – [эвэридэй ай гоу ту скул].
I have got a big family. – [ай хэв гот э биг фэймили].

2. Морфологический уровень. Особенности разговорной диалогической речи на этом уровне представлены следующими положениями:

– практическое отсутствие причастий и деепричастий: *I like to read* вместо *I like reading*. *When workers built a house, they got a salary* вместо *Having built a house, workers got a salary*;

– своеобразное использование падежных форм: *my toy* вместо *toy of mine*, *my sister's pen* вместо *pen of my sister*;

– свободное использование временных глагольных форм: *Did you ever read this book?* вместо *Have you ever read this book?*

3. Лексический уровень. Разговорная речь отличается от всех других разновидностей литературного языка своей относительной лексической бедностью. Для лексики разговорной речи характерны «лишние» слова, игнорирование синонимических возможностей языка, потенциальная свобода словоупотребления (употребление слов с неточным, сиюминутным значением), метонимия.

Для разговорной речи характерно наличие «незначимых» слов, различного рода частиц, т.е. так называемых дискурсивных маркеров. В английском бытовом дискурсе маркеры так же, как и в других языках, служат процессуальному оформлению речи, идентифицируя эмоциональное состояние говорящего. К ним относятся единицы *oh, well, so, yeah, actually, really*: *Oh, I'm so tired. Well, what should I do? So, let's start! –Have you written the exercise? – So yeah...*

4. Синтаксический уровень. Можно выделить преобладающие модели и характерные черты разговорного синтаксиса:

– простые предложения: *Hello! My name is Lizzy! I'm a pupil*;

– среди сложных предложений – сложносочиненные и бессоюзные: *In the morning I wake up and then I clean my teeth*;

– слова-предложения: *Do you want to go to the zoo? – Yes*;

– неполные предложения: *Do you like cats? -Yes, I do*;

– вводные слова и словосочетания, вставные конструкции, разрывающие основное предложение и вносящие в него дополнительные сведения, замечания, уточнения: *If you want, by the way, I can help you. There's no fire, as you can observe, in the fireplace*;

– лексические повторы с целью соединения предложений в тексте: *I have got a mother. The mother is 32. My mother works on the factory. I love my mum;*

– присоединительные конструкции, представляющие собой дополнительное высказывание: *As you can see, she is ill. As always, she is going abroad;*

– своеобразие порядка слов (чаще инверсия; чаще расположение зависимого слова перед главным): *For breakfast have I a porridge. There is on the table a book.*

Со спонтанностью общения связано типичное для разговорной речи явление перестройки фраз на ходу (смещение синтаксической перспективы).

Таким образом, процесс развития устной диалогической речи детей на иностранном языке не хаотичен: существует определенная последовательность (периоды) появления в речи различных явлений, которые обеспечивают развитие ребенка, позволяют ему постоянно усваивать новые понятия, расширять запас знаний и представлений об окружающем. Однако очевидно, что на ранних этапах изучения иностранного языка ребенок делает ошибки на всех языковых уровнях (за исключением фонетического), поскольку еще ими не овладел, а освоив последующие ступени, допускает ошибки лишь по причине плохого усвоения материала. Исходя из этого можно выделить два вида характерных ошибок:

1) ошибки, вызванные отсутствием знаний, требуемых на конечных ступенях речевого развития, при условии нахождения ребенка на начальном этапе процесса становления диалогической речи;

2) системные ошибки, связанные с недостаточным усвоением языкового материала на том или ином этапе формирования навыков диалогической речи.

Соответственно, в процессе обучения задача преподавателя состоит в адекватном преподнесении материала и своевременной корректировке допускаемых детьми ошибок сообразно уровню его речевого развития.

Список литературы

1. Леонтьев А.Н. Речь // Психология / редкол.: К.Корнилов, Б.М. Теплов, Л.М. Шварца. – М.: Учпедгиз, 1938.

2. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М., 2001.

3. Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

4. Смирнова Л.Н. Развитие речи у детей. – М.: Мозаика-Синтез, 2006.

5. Педагогика / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов. – М.: Школа-Пресс, 1997.

УДК 88

Н.А. Боженкова, Д.В. Атанова, Е.П. Бунакова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

К ВОПРОСУ О ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ НАРУШЕНИЯ ЧТЕНИЯ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В данной статье предлагаются классификация и анализ причин нарушений чтения у детей младшего возраста.

Ключевые слова: психофизиология, чтение.

Овладение графическим знаком проходит у детей, как было показано в исследовании А.Р. Лурии, в два этапа:

1) условно-подражательная запись (каракули, лишь внешне напоминающие письменный текст);

2) запись образа – пиктограмма, которая позднее дифференцируется в буквенную запись [1].

По выражению Л.С. Выготского (1983), для того, чтобы ребенку овладеть алфаветическим письмом, ему необходимо «сделать основное открытие, а именно рисовать можно не только вещи, но и речь» [2, с. 191].

Письменный язык представлен тремя системами знаков, являющихся аллографами (прописные, строчные и печатные), которые во многих случаях графически существенно отличаются друг от друга (например, буква *б* – рукописная прописная и строчная, печатная про-

писная и строчная). Таким образом, существует не три, а четыре системы знаков: рукописные прописные, рукописные строчные, печатные прописные, печатные строчные. Следовательно, ребенок в процессе развития должен усвоить четыре разных символа, присущих одной и той же фонеме. Следует отметить, что в отличие от устного языка письмо имеет весьма условные и довольно жесткие правила орфографии: использование различных орфоэпических вариантов произнесения в устной речи не влияет на его распознавание и предметную соотнесенность, учитывая контекстуальность ситуации.

Сложность овладения навыками чтения приводит к различным нарушениям. Еще большую сложность представляет этот процесс при изучении иностранного языка, в данном случае необходимо выяснить истинную причину нарушений: является ли это следствием проблем, возникающих в процессе овладения иностранным языком, или следует искать глубже – в родном языке.

Определения и терминология специфических нарушений чтения за более чем полувековой период изучения проблемы менялись неоднократно, и тем не менее единой, удовлетворяющей всех формулировки еще не найдено (J. Strother, 1973). Однако ученые, занимавшиеся исследованием проблем, возникающих при чтении, сходятся к единому мнению, что существуют дети с избирательными нарушениями чтения или письма.

Терминология, использовавшаяся применительно к этим состояниям, разнообразна:

- 1) «словесная слепота» (P. Morgan, 1896; J. Hinshelwood, 1917);
- 2) «специфическое расстройство чтения» (A. Silver, R. Hagin, 1960);
- 3) «специфическая задержка чтения» (M. Rutter, W. Yule, 1973);
- 4) «врожденное нарушение чтения и письма» (B. Walter, 1954);
- 5) «дислексия развития» (M. Critchley, 1964) – термин, ставший наиболее употребимым в последние десятилетия, хотя не все признают его достаточно корректным (M. Rutter, 1987) [3].

Кроме терминологических предпочтений, формулировка дефиниции обычно зависит и от профессиональной принадлежности специалиста: так одно и то же состояние педагог скорее назовет «специфическим нарушением чтения» (*specific reading disability*), а врач –

дислексией развития (*developmental dyslexia*). Западные исследователи обычно включают в круг дислексии и нарушения письма, терминологически не выделяя последние. Российские специалисты в данной области (подавляющее их большинство – логопеды) терминологически чаще выделяют специфическое нарушение письма – **дисграфию** и значительно реже **дислексию**, приравнивая это явление к «нарушениям чтения» в широком смысле слова или используя последние два термина как синонимы.

Синдром (в данном случае термин «синдром» используется нами не с отсылкой в клиническую психологию, а употребляется как наиболее емкое и уместное определение дефиниции нарушений) **дислексии** включает явления эмоционально-волевой незрелости, симптомокомплекс сукцессивной недостаточности, церебральные нарушения, специфические нарушения внимания и памяти и др. Правомерно включать его в широкую клиническую категорию «задержек психического развития» и расценивать это состояние как специфическую, парциальную задержку психического развития. В Международной классификации болезней десятого пересмотра (ICD-10) это соответствует диагнозу «специфическое расстройство чтения».

При всей общности, позволяющей причислять таких детей к одной клинической группе, нельзя не отметить достаточной ее разнообразности, что отразилось и в разных подходах к систематике дислексии. Существующие классификации нарушений чтения можно разделить на четыре категории:

1) *этиопатогенетические*, в которых выделяются первичное (идиопатическое, специфическое) нарушение чтения, или «дислексия развития», и вторичные формы нарушений чтения, вызванные органической мозговой патологией, сенсорными дефектами, низким интеллектом, невротическими расстройствами или депривацией (E. Schwalb et al., 1971);

2) *симптоматические* классификации, в которых за основу систематики принята типология ошибок (S. Orton, 1937). При этом различают кинетическую дислексию (или вербальную) и статическую (или литеральную) дислексию;

3) *психологические* классификации, в которых за основу систематики принимаются предполагаемые механизмы нарушения чтения. В

этом случае выделяются «фонематические» дислексии и дисграфии, оптические или оптикогностические дислексии и дисграфии, пространственно-апрактические, моторные, мнестические и семантические (М.Е. Хватцев, 1959; О.А. Токарева, 1969; Р.И. Лалаева, 1983) [3, с. 27].

Правомерно задаться вопросом: какая из представленных категорий нарушений чтения наблюдается у исследуемых детей младшего школьного возраста?

В эксперименте были задействованы 2 группы учащихся 3 классов (возраста 9-10 лет) общеобразовательной школы, изучающих английский язык как основной иностранный. Исследуемым было предложено прочитать 2 текста на родном (русском) и английском языке с целью выявления системности нарушений при чтении. С целью корректности эксперимента тексты, подобранные в соответствии с уровнем владения детьми иностранного языка, представляют собой абсолютно дублированные переводы коррелирующих фрагментов сказки. Ниже приведены использованные в ходе эксперимента тексты:

Три медведя

В далёкой деревушке жила была одна маленькая девочка, которую прозвали Седовлаской, потому что её кудрявые волосы ярко блестели. Она была проказницей и такой неугомонной, что никак не могла тихо посидеть дома, и ей вечно хотелось убежать без разрешения. Она гуляла и увидела дом. Дверь была приоткрыта, и распахнув её, Седовласка поняла, что дом совершенно пустой, поэтому она решилась смело войти и осмотреть весь дом, размышляя, что за люди жили здесь. Она зашла в гостиную, где стояло три стула. Она попробовала сесть на самый большой стул, который принадлежал Большому медведю, – он оказался слишком высоким. К этому времени Седовласка очень устала, она поднялась наверх в комнату и увидела три кровати. Она попробовала лечь на самую большую кровать, которая принадлежала Большому медведю, – та оказалась слишком мягкой. Пока Седовласка крепко спала, три медведя вернулись домой с прогулки и зашли на кухню. Большой медведь подошёл к миске и проворчал: «Кто-то пробовал мою кашу!». Так сказал и Средний по

размеру медведь, а вслед за ними и Маленький медвежонок пропищал: «Кто-то пробовал мою кашу и всю её съел!» <...>

Проснувшись в испуге Седовласка выпрыгнула из окна и побежала так быстро, как только могла, и впредь больше никогда не появлялась около уютного домика трёх медведей. Конец.

The Three Bears

In a far-off country there was once a little girl who was called Silver-hair, because her curly hair shone brightly. She was a sad romp, and so restless that she could not be kept quiet at home, but must need run out and away, without leave. The door was open and Silver-hair pushed it and found the place to be quite empty, so she made up her mind to go in boldly, look all about the place, little thinking what sort of people lived there. She went into the parlour, where there were three chairs. She tried the biggest chair, which belonged to the Big Bear, and found it too high. Now Silver-hair was by this time very tired, and she went upstairs to the chamber, and there she found three beds. She tried the largest bed, which belonged to the Big Bear, and found it too soft; then she tried the middle-sized bed, which belonged to the Middle-sized Bear, and she found it too hard. While Silver-hair was lying fast asleep, the three bears came home from their walk. They came into the kitchen, to get their porridge, but when the Big Bear went to his, he growled out: «somebody has been tasting my porridge!» and the Middle-sized Bear looked into his bowl, and said: «Somebody Has Been Tasting My Porridge!» and the Little Bear piped: «Somebody has tasted my porridge and eaten it all up!»<...>

At that, Silver-hair woke in a fright, and jumped out of the window and ran away as fast as her legs could carry her, and never went near the Three Bear's snug little house again. The end.

В ходе эксперимента при работе с текстом на русском языке среди испытуемых не было выявлено специфических нарушений, тогда как при чтении текста на английском языке у детей возникли трудности распознавания символов:

g//d: girl – dirl; go – do; growled – drwoled; (9 испытуемых из 20);

b/d//b: *because – decause; drightly – brightly; sad – sab; but – dut; door – boor; made – mabe; boldly – dodly* (14 испытуемых из 20);

h//n: *hair – nair; not – hot; shone – snone; Now – How; never – hever; shug – snug* (7 испытуемых из 20);

g//q: *quiet – guiet* (3 испытуемых из 20);

остальное: out – ont; open – oden; look – kool; three – free (по 1 испытуемому на каждый случай нарушения).

Результаты исследования дают основания предполагать следующее: поскольку в ходе эксперимента нами было выяснено, что дети путают только лишь внешнюю форму символов алфавита английского языка, ошибочно отождествляя факты двух языков и перенося знания и умения из русского языка в английский, сохраняя пространственную ориентацию и не демонстрируя симптомов клинической картины дислексии, то на данном этапе можно говорить о проявлениях *оптической* дислексии, характеризующейся затруднениями в зрительном узнавании оптически сходных букв, отличающихся друг от друга лишь некоторыми деталями или различным расположением в пространстве похожих или даже совсем одинаковых элементов. Следовательно, задействуется непосредственно психологический аспект классификации дислексии, являющийся следствием интерференции, проявляющейся на фоне синдрома дефицита внимания с нарушениями фонематического слуха.

Таким образом, оптическая дислексия у детей младшего школьного возраста – явление неоднозначное. С одной стороны, отрицательное, т.к. «оно всплывает на поверхность» в виде ошибок в речи школьников (произносительных, семантических, грамматических и др.); с другой – это объективное и неизбежно возникающее явление в ситуациях билингвального обучения, а значит, требующее поиска эффективных путей его преодоления.

Список литературы

1. Лурия А.Р. Очерки психофизиологии письма. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950.

2. Выготский Л.С. Проблемы развития психики // Собр. соч.: в 6 т. – М., 1983. – Т. 3.

3. Корнев А.Н. Нарушения чтения и письма у детей: учеб.-метод. пособие. – СПб.: МиМ, 1997. – 286 с.

4. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М., 2001.

5. Дейвис Рональд Д. Дар дислексии. – М.: Кэл Пресс, 1997. – 259 с.

6. Демьянов Ю.Г. Клинические особенности младших школьников со стойкими нарушениями успеваемости // Клиническое и психолого-педагогическое изучение детей с интеллектуальной недостаточностью. – М., 1976.

УДК 81'37

Н.А. Боженкова, Ж.А. Мукабенова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ЛИНГВОКОЛОРИСТИКА КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ЭТНОМЕНТАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье отражается интерес ученых к исследованиям в области лингвоколористики, рассматриваются векторы научных работ в цветолингвистике.

Ключевые слова: лингвоколористика, цветолингвистика.

Помните шутку:

– Это какая ягода?

– Чёрная смородина.

– А почему красная?

– Потому что зелёная...

На протяжении целых столетий человеческая мысль пыталась проникнуть в физическую и физиологическую природу цвета, понять его влияние на сознание людей, изучить его эстетику. Поэтому неудивительно, что феномен цвета привлекал внимание исследователей в разных областях научного знания – от психологии, биологии, медицины до философии, этнологии, культурологии, ге-

ральдики, а в последнее время стал интересен широкому кругу специалистов в области языкознания. По мнению Е.В. Рахилиной, цвет служит для того, чтобы отличить один предмет физического мира от другого, ему подобного. Эта «различительная» функция особенно проявляется в тех случаях, когда объекты существуют в большом количестве экземпляров. Соответственно, внимание к словам, содержащим сему 'цвет', обуславливается их важностью в формировании личностных представлений об окружающей действительности, а цвет (как явление) становится с лингвистической точки зрения релевантной характеристикой и может быть описан языковыми средствами [1, с. 170-171]. Более того, лингвистика, изучающая формирование второй, знаковой системы действительности, суммирует в концентрированном виде достижения философских, естественно-научных и гуманитарных наук в области единых принципов отражения цвета и его оттенков, универсальной функции цветообозначений и пр., не перечеркивая их, а переосмысляя и уточняя, и тем самым вносит весомый вклад в изучение наименований цвета в качестве элементов языковой структуры и неотъемлемой части концептуальной картины мира [2, с. 13].

Институционализация лингвистики цвета (лингвистического цветоведения) как научного направления, начавшего свое становление в 50-60-х годах XX века и изучающего функционирование цветослов в различных аспектах, в современном языкознании очевидна и, по мнению В.Г. Кульпиной, «приобретает все более конкретные черты» [3, с. 7]. Так, сформировался круг ученых, обсуждающих специфику функционирования цветоименований в различных языках, сложился банк колористических проблем, накопилась в достаточном объеме научная литература по описанию цветослов. Явно обозначился и объект научных исследований лингвистики цвета как самостоятельной научной парадигмы – лексические единицы, содержащие в своем составе разнообразные цветосемы и соответствующим образом конкретизирующие взаимосвязь важнейших философских универсалий – языка, мышления и социума.

Сегодня при исследовании цветоименований широко используются различные методики (компонентный, контекстуаль-

ный, статистический, анализ и т.д.), создаются новые исследовательские приемы (психолингвоколористический эксперимент, определение индекса живописности и т.д.), предполагающие не только наиболее полное описание состава цветообозначений, но и особенностей их употребления и восприятия разными этноментальными группами. На базе категорий сопоставительной лингвистики (таких понятий, как симметрия – асимметрия, сходство – различие, схождение – расхождение, соответствие – несоответствие, исходный язык – сопоставляемый язык и др.) определен основной понятийно-терминологический аппарат лингвистики цвета.

Вместе с тем представленный в цветолингвистике массив исследовательских работ явно характеризует 6 самостоятельных векторов научных изысканий: историко-эволютивный, функционально-грамматический, психолингвистический, когнитивно-семантический, сопоставительный и лингвокультурологический, которые, с одной стороны, отражают динамичность становления цветолингвистической концепции, с другой – демонстрируют некоторую изолированность авторских подходов к методологии колористического языкознания в целом.

В рамках *историко-эволютивного* направления изучается история слов и групп слов, называющих цвет; рассматривается процесс формирования и компонентный состав в тот или иной период развития языка (Н.Б. Бахилина, А.П. Василевич, Е.М. Иссерлин, С.С. Мищенко, Ю.В. Норманская). *Функционально-грамматический* подход, представленный в работах Е.В. Губенко, Е.Г. Лысованенко, С.В. Лукьяненко, С.И. Меньчевой, Г.К. Тойшибаевой, концентрируется на вопросах использования цветообозначений в художественных текстах. Это связано с тем, что цветопись является одним из неотъемлемых элементов идиостиля писателя / поэта: цветообозначения помогают авторам раскрывать идею произведения, создавать определенный эмоциональный настрой, рисовать образы героев. Некоторые ученые (например, З.П. Даунене и А.А. Кайбиянен) анализируют морфологические и синтаксические особенности цветообозначений с последующим выделением наиболее частотных, значимых цветослов и определением их

функциональной нагруженности. *Психолингвистический* вектор формируется вокруг исследований Р.В. Алимпиевой, Л.В. Василевича, Л.С. Гуриева, Е.Н. Колодкиной, Р.М. Фрумкиной, П.В. Яньшина. Здесь изучаются психологические характеристики цвета в пространстве текста и их влияние на сознание читателя. Сторонники *когнитивно-семантического* направления – А. Вежбицкая, Л.А. Качаева, Е.В. Рахилина – рассматривают процессы развития семантической структуры отдельных цветов, формирование символических значений у цветообозначений, становление лексико-семантических групп цветowych слов. На основании общности значений исследователи таксономизируют цветочные слова, выявляют колоронимы, имеющие прямое и переносное значения; через призму когнитивных конститuentов цветолексем раскрывают специфику воздействия речи автора на читателя. Представители *сопоставительного* вектора исследования (например, В.Г. Кульпина, И.В. Макеенко, Т.Ю. Светличная) изучают сходства и различия цветочных спектров разных языков, национально-специфические особенности цветообозначений, понятийные модели видения мира и модели интерпретации мира в отдельных языках. Данное направление, особенно значимое в условиях современного интеграционного процесса, является «продолжением» когнитивно-семантического подхода. *Лингвокультурологический* вектор в исследованиях по цветолингвистике – это и восстановление смысловых трансформаций, которые отражают соответствующие той или иной эпохе аксиологические константы, и реконструирование ментальных установок этноса, и воссоздание мировоззренческой системы универсума в целом: цветолексемы, инкорпорирующие в своей денотативной структуре комплекс национальных знаний, оказываются важнейшей вербальной единицей для описания процесса языковой концептуализации мира. Представляется, что именно последний вектор (безусловно, с опорой на иные, перечисленные подходы к выявлению категориальной сущности колоронимов) должен определять направление исследовательской мысли лингвистического цветоведения XXI века.

Список литературы

1. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
2. Боженкова Р.К., Баскакова В.А. К вопросу о статусе лингвистики цвета // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. – 2012. – №1. – С. 13–16.
3. Кульпина В.Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002. – 31 с.

УДК 81'22

Т.И. Гаврилова, К.Э. Дудников

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

К ВОПРОСУ О СЕМИОТИКЕ ШАХМАТ

В статье рассматривается проблема шахмат как разновидности игры с точки зрения семиотики. Актуальность данной темы заключается в том, что в дальнейшем применение результатов этого и последующих исследований в этой же области на естественный язык позволит по-новому взглянуть на коммуникацию в принципе. Основная часть работы посвящена доказательству того факта, что шахматы являются знаковой системой и, следовательно, могут служить объектом семиотического анализа. В конце представлен также самый общий анализ рассматриваемой системы, обозначены области для дальнейшего исследования.

Ключевые слова: семиотика, знаковая система, язык, шахматы.

Прежде чем приступить непосредственно к теме настоящей работы, необходимо определиться с терминами, которые будут использоваться в дальнейшем изложении. Основные термины, которыми пользуется семиотика, – «знак» и «знаковая система». Рассмотрим подробнее понятие «знаковая система».

К определению этого понятия разные ученые подходят по-разному. Нельзя отрицать, что знаковая (или семиотическая) система – это частный случай системы вообще, поэтому и определять ее следует через общенаучное понятие «система». Система (от греч. – целое, составленное из частей; соединение) – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство [1, с. 167]. Тогда знаковая система – это система, элементами которой являются знаки. Далее следует дать определение понятию «знак». «Знак (лат. *signum*) – это материальный, чувственно воспринимаемый предмет (вещь, явление, действие, признак), выступающий в качестве представителя (заместителя, репрезентанта) другого предмета, свойства или отношения и используемый для получения, хранения, переработки и передачи информации» – такое определение дается в учебнике Н.Б. Мечковской [2, с. 101]. Структура знака будет описана ниже, здесь делается акцент на своеобразии элементов знаковой системы в отличие от других систем (например, системы знаний, элементами которой являются научные факты).

Данное определение семиотической системы получено с помощью логической операции конкретизации и показывает, что ее уникальность происходит только от уникальности такого явления, как знак. Однако это не единственная точка зрения.

Степанов Ю.С. в своем труде «Семиотика» излагает другой взгляд на определение понятия «семиотическая система»: «Знаковая система есть материальный посредник, служащий обмену информацией между двумя другими материальными системами» [3, с. 79]. Соответственно, какое-либо дополнительное и первоначальное определение знака не требуется; напротив, оно вытекает из данного определения: «...знаком будем называть всякое состояние знаковой системы в каждый данный момент времени, если это состояние отлично от предыдущего и последующего» [Там же, с. 80].

Таким образом, Ю.С. Степанов предлагает совершенно другой, нестандартный подход к рассмотрению основных семиотических категорий, и именно такой подход будет применяться в настоящем исследовании.

Как известно, к семиотическим системам относятся естественные, искусственные языки, мифология, религия, искусства и мн. др. Искусство как знаковая система активно изучалось представителями московско-тартуской семиотической школы: Ю.М. Лотманом, Б.А. Успенским, В.Н. Топоровым, В.Вс. Ивановым и др. Именно они обратили внимание на то, что произведения живописи, музыки, кино, скульптуры и других видов искусства созданы на своем специфическом языке. В ходе ряда исследований были выделены специфические черты данных знаковых систем, а именно: «искусство должно пониматься условно, следовательно, оно требует от участников одновременной реализации и восприятия, а также соответствующего “правилам” поведения» [2, с. 82]. Точно такими же признаками обладает и игра. Например, игра актеров театра. Несмотря на то, что актер должен как можно более натурально и правдоподобно сыграть свою роль, он обязан понимать, что всё это лишь имитация, а обстановка абсолютно формальна. Зритель же не должен слепо верить в то, что происходит на сцене; он постоянно держит в голове информацию о том, что всё происходящее перед ним лишь постановка. Точно так же обстоит дело и с другими видами игры.

В данной работе мы придерживаемся точки зрения представителей московско-тартуской семиотической школы (любая игра относится к знаковым системам). Соответственно, нет необходимости доказывать, что шахматы как разновидность игры являются семиотической системой и вполне могут быть объектом семиотического исследования.

Возвращаясь к концепции Ю.С. Степанова, можно отметить, что шахматы – это своего рода посредник. Две материальные системы, посредником между которыми являются шахматы, – это два игрока. Однако может возникнуть вопрос: какую информацию передает шахматная партия и передает ли вообще? Чтобы ответить на него, приведем аналогию.

Система дорожных знаков, бесспорно, является семиотической системой. Этот факт давно доказан и не вызывает сомнений. Эта система выступает посредником между участниками дорожного движения и передает любую необходимую информацию на оп-

ределенном участке дороги. А теперь постараемся ответить на вопрос: является ли система дорожных знаков семиотической для оленеводов Крайнего Севера, или для грудных младенцев, или для представителей какого-нибудь племени в непроходимых дебрях амазонских лесов? Нет, потому что они ей не пользуются. Некоторые (например, грудные младенцы) даже не знают о ее существовании, для них она вообще не является языком (т.е. для них она не язык, в терминологии Н.Б. Мечковской [2, с. 212]). Точно так же обстоит дело и с шахматной партией: семиотической системой она будет являться только для игроков и наблюдателей, если таковые имеются. Однако и для наблюдателей шахматная партия может быть знаковой системой (или языком) в разной степени. Это зависит от уровня его шахматной подготовки: если наблюдатель – шахматист-разрядник, то он видит больше (иногда, в случае если наблюдатель – более опытный игрок, даже больше, чем сами играющие), чем новичок. Для неумеющего играть шахматная партия – это еще менее язык [3, с. 211], т.е. осознается факт, что это знаковая система, но ни малейшего понятия о том, как она функционирует, не имеется.

Общие черты между шахматами и естественным языком отмечал еще Ф. де Соссюр, говоря о дихотомии внутренней и внешней лингвистики: «Если я фигуры из дерева заменю фигурами из слоновой кости, то такая замена будет безразлична для системы; но если я уменьшу или увеличу количество фигур, такая перемена глубоко затронет “грамматику” игры» [4, с. 182].

В некоторых современных исследованиях шахматы также сравниваются с естественным языком [5, с. 10].

Таким образом, многочисленные источники прямо или косвенно указывают на тот факт, что шахматы – это семиотическая система, подобная языку, а значит, ее можно подвергать семиотическому анализу.

Начнем анализ с общей характеристики. По своей структуре шахматы являются сложной системой, т.к. в ней можно выделить несколько групп: шахматная доска и фигуры (которые, в свою очередь, тоже могут быть разделены на группы). Говоря о взаимозависимости этих групп (подсистем), необходимо указать, образуется

ли знак нового уровня сочетанием знаков одного из них (как в языке сочетание фонем образует единицу нового уровня – морфему). Очевидно, сколько бы мы фигур ни взяли (качественный состав тоже не важен), знака более высокого уровня не получится. Относительно доски можно отметить, что и сама шахматная доска представляет собой сложную семиотическую систему (т.к. она является частным случаем игровой доски вообще, для нее присущи специфические черты, которые отличают ее от других подобных), а сочетание всех ее составляющих (квадратная форма, разделенная на 64 черных и белых более мелких квадратов, расположенных поочередно) дает новый более сложный знак – шахматное поле. Если на него поставить определенным образом фигуры, то также получится новый, более сложный знак – готовность к началу партии. Каждый ход будет менять положение фигур на доске, а значит, каждый раз будет получаться новый знак, естественно, более сложный, чем простое сочетание доски и фигур. Можно обобщить сказанное выше и сделать вывод, что шахматное поле и фигуры на нем – это не просто шахматное поле и фигуры на нем, это ситуация (шахматная) на доске (при условии, что это не просто хаотично расставленные фигуры и в их расположении относительно друг друга есть смысл, но такие правила расстановки касаются синтаксиса). Таким образом, шахматы представляют собой сложную многоуровневую семиотическую систему, чем обнаруживают свою близость с такими знаковыми системами, как язык.

Раз мы доказали, что и в строгом семиотическом смысле шахматы похожи на естественный язык, то логично будет рассмотреть эту игру с точки зрения сосюровской дихотомии «язык-речь». В шахматах набор правил, по которым ведется игра, – это ментальная, нематериальная структура (язык шахмат), которой пользуются игроки, а материальная реализация системы шахматных правил (речь шахмат) – это шахматная партия. Из данного утверждения можно сделать немаловажный вывод: если язык шахмат – это набор простейших правил, пользуясь которыми можно породить потенциально бесконечное число правильных комбинаций (шахматных партий), то грамматика шахмат является порождающей в чистом виде. Вопрос о том, почему шахматы пользуются

именно порождающей, а не грамматикой НС, заслуживает отдельной статьи, поэтому здесь этот факт постулируется без анализа. Отличие ее от системы, которую описал Н. Хомский [6, 7], состоит в том, что набор таких правил намного меньше и они проще по своей природе. Количество этих правил невелико, но здесь мы укажем только их группы:

- общие замечания (например, «партию начинает играющий белыми фигурами» [8, с. 8]);
- правила, по которым ходит каждая фигура;
- замечания, касающиеся механики игры (например, рокировку нельзя делать, если королю объявлен шах).

Подробнее с каждой группой правил можно ознакомиться в любом учебнике шахматной игры [Там же].

Таким образом, ядро шахмат может быть описано конечным набором правил, которыми и будут являться правила игры, но они отнюдь не исчерпывают всю систему, т.к. представляют собой только синтаксический уровень. Обобщая этот вывод, можно сказать, что любая игра пользуется порождающей грамматикой.

Доказав, что шахматы – это знаковая система, приравняв ее к таким явлениям, как естественный язык, и дав самую общую ее характеристику, мы открыли огромное поле для исследования и можем обозначить ключевые направления дальнейшей работы: изучение морфологии шахмат; изучение синтаксиса шахмат; изучение семантической составляющей шахмат; дискурсивные исследования шахматной партии. В будущем не исключено, что продолжив исследование в этой области и интерпретировав шахматную партию как диалог, будет возможно перенести результаты анализа данной знаковой системы на естественный язык и по-новому взглянуть на коммуникацию в принципе.

Список литературы

1. Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 468 с.
2. Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Академия, 2007. – 432 с.
3. Степанов Ю.С. Семиотика. – М.: Наука, 1971. – 162 с.

4. Нелюбин Л.Л. История науки о языке: учеб. – 4-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 376 с.

5. Климов М.Ю. Семиотическая система спорта как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2006. – 22 с.

6. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / под ред. В.А. Звегинцева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 259 с.

7. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. – 1962. – Вып. 2. – С. 412–528.

8. Калиниченко Н.М. Большой учебник шахматной игры. – М.: Эксмо, 2014. – 464 с.

УДК 81'25

Т.И. Гаврилова, Е.В. Киктева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ТОПОНИМИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ)

В статье рассматриваются характерные особенности китайских топонимов как разновидности национального языка. Предпринимается попытка выявления наиболее значимых факторов, влияющих на формирование и развитие китайской топонимии.

Ключевые слова: топоним, диалект, диалектология, этнография.

Учёные отмечают, что топонимия – симбиоз таких наук, как география, история и языкознание, так как географические названия отражают исторические условия и языки народов, природные особенности территорий. Однако, как пишет А.В. Суперанская, «только лингвисты могут и должны анализировать все типы географических названий в их связи друг с другом, с прочими собственными именами и со всей системой языка, в котором они созда-

ются и употребляются. Только лингвистическими методами могут быть проверены гипотезы относительно происхождения ряда географических названий» [1, с. 3].

Объектом нашего исследования являются китайские географические названия. Избрание топонимической системы Китая в качестве объекта исследования объясняется необходимостью научного изучения интересных языковых пластов, содержащих комплекс ценных сведений как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

Предметом исследования являются вопросы происхождения и словообразования китайских топонимов.

Основным для нашей работы является метод лингвистического описания, представленный такими приемами, как сбор, обработка и интерпретация материала.

Источником для проведения исследования послужил фактический материал (50 языковых единиц), собранный в результате прохождения языковой стажировки (Хуацяо, КНР, 05.09.2014-15.12.2014).

Методологической базой нашего исследования является работа китайского учёного ШаоМин-у «Обобщение материала по вопросу происхождения географических названий Китая». ШаоМин-у, подробно проанализировав источник или причину происхождения либо переименования географических названий Китая, выделил 46 типов. Знакомство с работой китайского учёного даёт основание утверждать о доминирующей роли географического фактора в образовании топонимов Китая. Наричательные географические термины лежат в основе многих собственных китайских географических наименований. К ним следует отнести географическое положение конкретного объекта или характеристику самого объекта. Подобные названия констатируют, регистрируют, что данное место находится возле природно-географического объекта (топонимы-регистраторы по А.В. Суперанской) [1, с. 3]. Вышеупомянутый китайский языковед выделяет следующие подтипы:

– имя собственное географического объекта даётся непосредственно от одноименного названия горной цепи, реки или озера,

например г. *Муданьцзян* пров. *Хэйлуницзян* (буквально город на реке Мудань);

– при соединении начальных иероглифов в названиях нескольких гор или нескольких рек; например, древнее китайское поселение *Сяосян* в пров. *Хунань* получило название из-за своего положения на месте слияния двух рек *Сяо* и *Сян*. Название происходит от расположения этого места по отношению к горе или реке (это касается названий многих современных провинций, например пров. *Юньнань* располагается к югу от гор *Юньлин*. Если географический объект располагается к северу или югу от горы или реки, то к названию последних часто добавляются иероглифы *Йи инь* (или *Иян*, например г. Лоян (ЖИ) получил своё название, так как располагается к северу от реки Ло). Больше всего топонимов с иероглифом И;

– в названии отражена близость расположения географического объекта к горе или реке: например г. *Линьхай* пров. *Чжэцзян* (буквально – «город, который находится близ моря»). Кроме лексем *линь* («находиться близ чего-либо»), используются также лексем: *Шэбинь* – «вблизи, возле; побережье», *у! пу* – «берег реки»; название происходит от одноименного наименования устья, поймы реки или от изгиба направления течения реки в данном месте или изменения направления горной цепи (здесь в качестве так называемых суффиксов к названиям гор, рек или даже фамилий выступают следующие иероглифы: *вань*, *Дэюй*, *тао* в значении «изгиб, излучина», *Щцюань* – «пределы, район», *И юй* – «край» и др.). Например, *Шаньси* (буквально «излучина реки») получил название из-за изгиба направления течения реки Хуанхэ в данном месте.

В географических названиях Китая встречаются синонимичные компоненты. Наличие синонимии в терминах весьма разнообразит современную топонимику. Можно отметить следующие, часто встречающиеся номенклатурные термины: «река» в китайских названиях выражена следующими иероглифами: *хэ*, *цзян*, *шуй*, *гоу*, *цюань*.

Особенности рельефа могут стать основанием для наименования; например, *й* уезд *пинюаньсянь* получил свое название из-за ровного рельефа местности (*пинюань* в значении «равнина»). В северо-восточной части Тайваня есть небольшой полуостров *битоуцзяо* (буквально «кончик носа»), который получил название благодаря своим очертаниям.

Многие географические названия метко и образно отражают оценку вод, флоры и фауны, наличие полезных ископаемых и природных ресурсов, особенности метеоусловий. Название может быть дано по месту добычи полезных ископаемых. Например, город *Дае* пров. *Хубэй* (одно из крупнейших современных месторождений железной руды, буквально *город большой металлургии*) получил своё название, так как здесь были обнаружены следы древней добычи меди. Вблизи города *ЖЛайу* пров. *Шаньдун* есть много деревень, в названии которых присутствует иероглиф («металлургия»). После образования КНР геологи-разведчики обратили особое внимание на эти места и, применив современные методы геологической разведки, обнаружили там большие запасы железной руды, меди, золота, алюминия.

В Синьцзян – Уйгурском автономном районе – есть уезд *вэньчуаньсянь*, названный так потому, что здесь много термальных источников (*вэньчуань* – «тёплый источник»). *Город Цзинань* славится своей минеральной водой, эта особенность отражена в его втором, неофициальном названии *чуаньчэн* («город – источник»). В Лхасе круглый год довольно сильное солнечное излучение, поэтому Лхасу ещё называют *жигуанчэн* – «городом солнца». От особенностей географического положения, метеоусловий, наличия природных ресурсов зависит и характер хозяйственной деятельности населения, который, в свою очередь, может стать основой для наименования данного объекта местности. Так, в уезде *Инань* пров. *Шаньдун* есть следующие деревни: *пяолин* («каштановый лес»), *шицзылин* («холм из хурмы»), *та-оуй* («персиковая долина»). Китайцы во всём мире славятся своим умением торговать. Словом *ШЖ цзиси* («ярмарка, базар») ранее обозначалось место проведения торговых сделок. Немало современных географических назва-

ний содержат иероглиф *Ш* или *Ж*. Так, на севере, особенно в приграничных районах провинций *Цзянсу*, *Шаньдун*, *Хэнань*, *Аньхой*, преимущественно использовали иероглиф, а на юге в пограничных районах *Хунань* и *Хубэй* – иероглиф *Ж*. Географическое название могло быть дано по некогда располагавшемуся здесь объекту военного, оборонительного, транспортного значения, почтового сообщения или объекту гостиничного сервиса. В географических названиях этого типа присутствуют иероглифы: *гуань* (застава), *коу* (застава), *мэнь* (ворота), *тунь* (военное поселение), *ин* (лагерь), *чжай* (лагерь), *шао* (застава, пост) и др. Например, иероглиф *пу* в древности служил для обозначения почтовой станции, в современной китайской топонимии встречается в составе географических названий населенных пунктов: *улипу* – небольшой поселок в провинции *Хубэй* (буквально почтовая станция на 5-й версте). Места религиозного поклонения (в древнем Китае было много даосских и буддийских храмов) также служили основанием для слова-топонима. Географические названия приурочены к монастырям или другим населённым пунктам, возникшим первоначально как монастырские центры, или к горным вершинам, почитаемым местным населением или относящимся к «святым» горам. Например, *мяолинчжэн* – посёлок в провинции *Хубэй* (буквально горный хребет, где находится храм).

Немаловажную роль в наименовании топонимов играют исторические факторы. Происхождение одних названий связано с именами учёных, революционеров и других выдающихся исторических деятелей, происхождение же других связано с историческими событиями, происходившими в данной местности, с историей общественного и экономического развития края. Топонимы первой группы могут относиться к группе антропонимов – весьма многочисленная семья географических названий, происходящих от личных имен и фамилий. Например, город *Чжуншань* (ФШЖ) провинции *Гуандун*; ранее это был уезд *Сяншань* – родина известного революционера *Сунь Чжуншаня* (*Сунь Ятсена*). В 1925 г. после его смерти уезд *Сяншань* был переименован в город *Чжун-*

шань. Порт *Хуанхуа Хэбэй* получил название по имени одного из героев антияпонской войны.

К этой же группе можно отнести географические названия, которые давались по фамилии безотносительно к какому-либо конкретному лицу. Например, город *Чжанцзякоу* в пров. *Хэбэй*, порт *Чжанцзяган* в пров. *Цзянсу*.

Фамилия *Чжан* – самая распространённая в Китае, насчитывается свыше 100 млн человек с этой фамилией, поэтому и в географических названиях преобладает именно эта фамилия.

Название могло быть дано и по девизу царствования императора или по месту захоронения древних императоров. Так, в *Шанхае* есть район *цзядинцзюй*, он получил своё название в честь сунского императора *Цзядин*, на десятом году его правления (1217 год).

Немало географических названий связано со значимыми историческими событиями страны или с историей развития края. Например, в 1959 г. было открыто крупное месторождение нефти, в честь 10-й годовщины образования КНР оно получило название *дацин* (буквально «большая годовщина»), в 1960 г. был основан город *Аньда*, в 1979 г. переименован в город *Дацин*. Что касается словообразовательной структуры топонимов, то здесь мы согласны с мнением Ф.В. Соловьёва, который отмечает, что сочетание компонентов в китайском географическом названии происходит в строгом соответствии с основным законом китайского языка, по которому начальный компонент определяет последующий. В составе китайских топонимов всегда присутствуют компоненты, которые раскрывают природу предмета, показывают его принадлежность к географическим объектам. Эти компоненты по своему значению можно отнести к топоформантам [2, с. 8]. В качестве таких топоформантов выступают лексемы «город», «посёлок», «уезд», «порт» и др. Основой для образования топонима могут служить только имена существительные – нарицательные и собственные.

Числительные: г. *Сытин* пров. *Цзилинь* (в составе есть иероглиф «четыре»), г. *Цзюцзян* пров. *Цзянси* (буквально «девять рек»). В образовании географических названий встречаются все числи-

тельные от 1 до 10, кроме того, активно используются (сто), (тысяча).

Прилагательные: наиболее часты слова, обозначающие цвет (красный, белый, чёрный, зелёный и др.). Много эпитетов, восхваляющих места, горы, долины. Подобные названия часто создаются как пожелательные (топонимы-пожелания по А.В. Суперанской) [1, с. 34]. Например, уезд *синлунсянь* (буквально «процветающий»);

Глаголы или глагольные сочетания – такие, как «продвигаться вперед», «создавать».

В Китае, кроме национальности *хань* (по численности, превышающей 90 % от общей численности населения), официально признаны ещё 55 национальных меньшинств, ещё 23 национальных меньшинства ожидают признания их в качестве самостоятельной народности. Поэтому есть немало географических названий, которые имеют некитайское происхождение. Например, г. *Харбин* на маньчжурском языке означало «место для просушки рыболовной сети», г. *Хух-Хото* на монгольском языке означает «зелёный город», г. *Лхаса* на тибетском языке означает «святое место» и др.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы. В составе топонимов можно обнаружить почти любое слово. В основном китайские топонимы создаются на базе слов своего языка в результате их переосмысления и превращения имён нарицательных в имена собственные, из самого класса собственных имён, а также из слов чужих языков, прежде всего из языков этнических групп, проживающих на конкретной территории. Ведущее место принадлежит словам, обозначающим различные особенности ландшафта, их можно назвать «географическими». Больше место среди топонимических слов занимают собственные имена людей, слова, характеризующие условия местности, дающие ей количественную оценку; имена прилагательные с достаточно широким диапазоном значения, слова, отражающие память об имевших место событиях, и др.

В данной статье были изложены лишь некоторые вопросы, которые наиболее характерно отражают специфику китайской географической номенклатуры. Каждый из рассмотренных источни-

ков происхождения заслуживает более всестороннего и тщательно-го исследования.

Особенно интересным, на наш взгляд, является изучение происхождения географического названия в связи с историческими событиями, известными историческими деятелями; изучение географических названий некитайского происхождения.

Географические названия в своей основе оказываются народным творчеством. В них отражаются географические условия, история, экономика, политика, языки, культура и цивилизация. Поэтому изучение топонимов невозможно в отрыве от истории, географии, этнопсихологии. От какого слова образован тот или иной топоним и почему так назван какой-нибудь географический объект – это два разных вопроса. Решение первого вопроса – задача лингвистики, ответ на второй вопрос поможет дать обращение к фактам культуры, истории, географии с учетом особенностей народной психологии создания и восприятия имени.

Список литературы

1. Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1984. 182 с.
2. Соловьёв Ф. В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Академии наук СССР, 1975. – 221 с.
3. Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение. – М.: Наука, 1990. – 256 с.
4. Афанасьев О. Е. Картография и топонимика: методология регионального подхода к изучению [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru>.
5. Зуенко И. Ю. Китаеязычная топонимика Приморского края как результат межкультурного взаимодействия в Дальневосточном регионе // Известия Восточного института Дальневост. гос. ун-та. – 2011. – № 17. – С. 83–89.
6. Мурзаев Э. М. Путешествие в жаркую зиму [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.libok.net>.

УДК 81'25

Т.И. Гаврилова, З.Н. Постникова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ КУРСКИХ ГОВОРОВ КАК РАЗНОВИДНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются характерные особенности курских говоров как разновидности национального языка. Предпринимается попытка выявления наиболее значимых факторов, влияющих на формирование и развитие курских говоров.

Ключевые слова: курский говор, диалект, диалектология, этнография, южновеликоруссы.

В настоящее время диалектологическая наука направлена на исследование живой звучащей речи, что способствует формированию в рамках антропоцентрической парадигмы коммуникативного подхода к ее описанию. По мнению В.Е. Гольдина, объектами исследования коммуникативной диалектологии становятся «коммуникативная структура сельского общения на диалекте, социально-коммуникативные роли традиционного деревенского общения, особенности языковой личности носителя диалекта, состав, специфика, функционирование речевых жанров общения на диалекте, рефлексия диалектоносителей над речью и др.» [1, с. 52].

Русский национальный язык представляет собой весьма сложное, многообразное явление, основными разновидностями которого являются литературный и диалектный языки. Диалектная речь используется как средство общения жителей в пределах одной территории. Большой вклад в русскую этнографию и диалектологию внесли такие исследователи, как Н.А. Волкова [2], В.Е. Гольдин [1], О.А. Казакова [3], А.А. Шахматов [4] и др.

При диалектологии учитывается не только исследование главных структурных свойств говоров, но также и отклонений, новых тенденций, неструктурных свойств, наличие причин и факторов, вызывающих эти особенности.

Курская область входит в *Курско-Орловскую группу* говоров южнорусского наречия. Как отмечается в Курском краеведческом словаре-справочнике, «ее язык включает в себя целый комплекс диалектных явлений, свойственных южно-русскому наречию в целом и в то же время отличающих говор курян от других жителей южно-русских территорий» [5, с. 85].

С востока на запад эта группа граничит с переходными межзональными группами южнорусского наречия, а с севера на юг – с Украиной. В группу входят такие города, как Орел, Курск, Мценск, Щигры, Обоянь, Суджа и др. Южное наречие распространено в пределах Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской и некоторых других областях.

В работе А.А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка» довольно часто можно встретить упоминания о говорах Курской области, таких как обоянские, щигровские, суджанские [4, с. 238]. Курские говоры стали основой некоторых монографий, диссертаций, учебных пособий по диалектологии. Изучением курских говоров занимались не только лингвисты, но и литературоведы, историки, философы. В статье Г.В. Денисевича «Куряне – северяне – севрюки?» есть упоминание о том, что выдвигались даже попытки доказать, будто «курско-орловский диалект» лег в основу национального русского языка: «появляется ряд претенциозных работ, которые получили достаточно критическое освещение. Уже в 1955 г. гипотеза об основополагающем значении курско-орловского диалекта в истории русского национального языка была отвергнута» [5, с. 81].

В связи с тем что на Курской земле расселились две этнические группы – южновеликоруссы и островками выходцы из Украины, определились разные группы диалектной речи: говоры с южновеликорусской основой и говоры с украинской исторической основой, которые делятся на акающие и якающие подгруппы [Там же, с. 81].

Рассмотрим некоторые особенности курского говора. Для Курска характерны тесные взаимоотношения с селом, т.к. в течение десятилетий основным источником пополнения городского на-

селения была деревня. На речь курян оказывают существенное влияние тесные взаимоотношения города и села, вследствие чего формируется городское просторечие, где наряду с литературной речью фигурируют наиболее устойчивые диалектные черты.

Неударный вокализм – это проявление живой речи, или говорения, что является важнейшей отличительной особенностью по сравнению с письменным языком. Как отмечает Г.В. Денисевич, «Он порожден стремлением к ослаблению работы органов речи, к экономии речевых средств и времени для образования того или иного звука или слова» [5, с. 83]. Одним из наиболее простых способов такой «экономии» является ослабление неударных гласных фонем. При этом мы наблюдаем уменьшение силы и длительности звука, понижение тона. Артикуляция такого гласного менее энергична, менее самостоятельна.

Большое значение в формировании говора имеют согласные, которые также придают ему местный колорит, но в более широких границах, в целых массивах говоров. Так, в говорах можно заметить наличие по двум разновидностям [в] (губно-губная твердая и мягкая, губно-зубная твердая и мягкая), двух разновидностей фонемы [г] (фрикативная и взрывная), вариантов фонемы ([хв], [х], [к]) и т.п.

Замена [з] – [ж] и [с] – [ш] (*жубы, шало* – зубы, сало) и утрата затвора аффрикатами (*отес, печшка* – отец, печка) подробно изучаются во многих работах. В работе Г.В. Денисевича имеются следующие данные: «В одной Великой Михайловке отмечена взаимная мена [з] – [ш], [с] – [ш], [ц] – [ч] (*зулик – жамок, у папаси – шабля, чарь – цаю*) с оговоркой: «Вернее, нечто среднее между этими звуками»» [Там же, с. 83].

Для курского говора характерна замена звука [в] на [у] при функционировании в качестве предлога: *у сыру зимлю, у каляску, у павадочьку, у поля*. В современных курских говорах наблюдаем следующие варианты фонетического оформления предлога в: *у Паубжым, у бр'укэх* (Тим.), *у ублад'и, у хблад'и, у раббт'и, у хйту, у трэв'ё, у уэрадб, у анбар'и, у м'ашку, у Курск'и, у ур'аз'й* (Золотухин.), *у ублэву н'а л'ёзлэ, у салбм'и* (Горшечен., Солнцев.), *у д'ён'*

(Глушков.), *н'ёуш'ем, у пэлахбе* (Фатеж.), *у куш'иш'ку* (Коньшёв.), *у пл'атухэх* (Фатеж.).

В связи с тем что в курских говорах наблюдается взаимная мена звуков [в] и [у] в начале слова, отмечается употребление предлогов *ув* – *уво*, которые представляют собой контаминацию двух различающихся в литературном языке предлогов *у* и *в*: [ув] / [ува]: *ув ад'н'е, ув арм'ию* (Золотухин., Фатеж.), *ув эднавб* (Рыльск.), *ув анбар* (Курчатов.), *ув адньц хйт'и, ув ануш'к'и* (Обоян., Суджан.), *ува с'н'ё, ув асббэй вэ хѣт'и* (Суджан.), *ув св'аз'и* (Дмитриев.), *ув ад'йн двор* (Курск.); [ф]: *ф школе* (Курск.), *ф шкбл'и* (Железногор.); [ф']: *ф~ф'иврал'ё* (Щигров.) [2, с. 9].

Характерной чертой курского говора является так называемый фрикативный звук [g] и его чередование с [x] в конце слова и перед согласными: *но[g]а – но[x], сне[g]а – сне[x], бере[g]у – берё[x]*. Фрикативный звук – одна из самых устойчивых особенностей курских говоров. В некоторых случаях звук Г заменен И (*иде* – *где*) или вообще отсутствует: *када* (*когда*), *тада* (*тогда*). К фонетическим диалектизмам также следует отнести такие особенности, как:

– замена звука [ф] на [хв] или [х] и [хв] на [ф] (*в сарахванах* (*в сарафанах*), *телехвон* (*телефон*), *хвамилия* (*фамилия*), *хвартук* (*фартук*), *кохта* (*кофта*), *хверзь* (*ферзь*), *Хведя* (*Федя*);

– протетическое [в] перед [о] и [у]: *во́кна* (*окна*), *ву́лица* (*улица*), *ву́тки* (*утки*);

– отверждение мягких губных [в], [м], [б], [п] на конце слов: *любов, голуп, сем*;

– утрата затвора аффрикатами, «щоканье» и «соканье», когда на месте ц звучит [с], а на месте ч – мягкое [ш']: *лисо* (*лицо*), *сарь* (*царь*), *щай* (*чай*), *уцениса* (*ученица*), *куриса* (*курица*), *нощью* (*ночью*), *щистый* (*чистый*), *руцка* (*ручка*). «Примета [с] вместо [ц] придает говору яркую фонетическую окраску. В ряде селений, например в селе Пристенъ (Пристенский район), можно услышать целый набор слов, характеризующий говор старожилов: «*Куриса снисла яйсо на пагрябисы, а я яго сап и капирасыю*» [5, с. 83];

– смягчение звука [к] после мягких согласных: *Ванькя, Петькя, Санькя, банькя, щайкю* (*чайку*);

– произношение звука [м] вместо [в] перед [н]: *дамно* (давно), *рамно* (равно);

– прогрессивное ассимилятивное смягчение [к] после мягких согласных: *Ванькя, Петькя, Санькя*;

– проявление протетического гласного в начале слова (*ищас, издесь, ильдины, аржаной, игде же тай – то кохта?*) [б].

Для многих районов Курской области характерны «аканье», «яканье», «иканье»: *корова* [карова], *холод* [холат]; *лес* – [л'аса́], *нёс* – [н'асу́], *пять* – [п'ата́к]; *лес, лис* – [л'иса], *нёс* – [н'ису], *пять* – [п'итак].

Диалектные особенности отображены и в морфологической структуре. Так, для морфологических диалективизмов, присущих речи курян, характерны следующие особенности:

– мягкий звук [т'] в формах 3-го лица ед. и мн. ч. глаголов наст. вр.: *идуть, несуть, ведёт, сидять, говорят*;

– инфинитивы типа *несть, плесть, итить, везть*;

– изменение слова *путь* по второму типу склонения: *пуця, путю*;

– деепричастия с суффиксами *-вши, -миши, -ши*: *уехамиши, уехавши, выпимиши, не пивши, не евши, не сказавши, привыкши*;

– утрата категории среднего рода: *тут мой полотенец висел; та собрания долга была; какая моя здоровья*;

– употребление форм: *матерю, матерее, матеря*;

– употребление местоимений: *каё, таё; ты на каё дароге пайдешь – на таё, али по таё?*;

– окончание *-ють* глаголов 3 л. мн. числа 1 спр. вместо *-ят*: *видють, просят, носят, любят, парють*;

– окончание *-тя* глаголов 2 л. ед. ч. вместо *-те*: *вы несётя, вы любитя*;

– окончание *-я* существительных ср. р. в им. и вин. падежах вместо *-е*: *поля, воскресенья*;

– окончания *-и/-ы* им. п. мн. ч. существительных ср. рода вместо *-а/я*: *сёлы, о́кны, по́ли*;

– основа с [ы] в формах наст. вр. глаголов *рыть, мыть*: *рыю, мыю*;

– формы вин. п. ед. ч. с ударением на окончании у сущ. жен. р.: *руку, ногу, гору, воду, борону, сторону*;

– формы с окончанием -ей в косвенных падежах ед. ч. у слова *одна*: *у однэй или однёй, к однэй*;

– формы вин. п. ед. ч. слов *мать, дочь* с суффиксом -ер'- и окончанием -ю: *матерю, дочерю*;

– форма им. п. мн. ч. с ударным окончанием -а у существительных жен. р. с основой на мягкий согласный: *деревня, лошадя, площадь, печа, шинеля, зеленя*;

– постфикс -си после согласных в возвратных формах глаголов: *умылси, бойшси, улыбаишси*;

– ненормативное образование местоимений (*мене, тебе, себе, ихний, ентот, ента, енто, енти*), наречий (*иде, йде, када, тада*) и инфинитивов (*несть, плесть, итить, везть*).

На территории Курско-Белгородского края, как и во многих русских говорах, флексии в родительном, дательном и предложном падежах единственного числа существительных на *А* часто совпадают: в родительном падеже используется флексия *Е*. Например, *против школе стаить памятник; из речке вытащил; Герасим – шел около реке; лазить на травы; к Москвы прадвигаютца; на этой улицы итить; камыш расте на речке; у грязнай хаты жыл; на улицы дождь*.

Еще одной особенностью глаголов большинства курских говоров является отсутствие *ТЬ* в 3-м лице мн. ч. настоящего и будущего времени: *ани сидя. Лутино: дятишки крича; приходють родители и гаваря. Нечаево: двери стучя, каровы мычя, галки галдя* [5, с. 83].

Следует обратить внимание и на некоторые синтаксические особенности курских говоров. По мнению Г.В. Денисевича, природа синтаксиса территориальных говоров по своей внутренней природе мало чем отличается от синтаксиса языка литературного. Синтаксической особенностью всех говоров является слабая син-

таксическая расчлененность, эллиптичность и неполнота. В диалектах присутствуют бессоюзные связи отдельных компонентов и целых речевых отрезков. «Вообще, как ни странно, а в синтаксисе говоров больше трафарета и застывших оборотов, больше скованности, традиций и архаизмов, чем в синтаксисе литературного языка» [5, с. 85].

Довольно часто деепричастие куряне используют в роли сказуемого: *он уже оденши, они давно приходши*. Наблюдается также ненормативное построение словосочетаний типа управления: *пошел в огурцы, дойду до врача, косил по-за лугом*. Для курских говоров характерно употребление в родительном падеже предлога *с* вместо *из*: *с Москвы, с города, с Харькова, с Курска, с Рыльска*. При подлежащем, обозначающем совокупность субъектов – объектов, сказуемое – во множественном числе: *маладеш астаютца у калхозу; нарот ни узлюбили папа*.

В курских говорах присутствует ряд и других синтаксических индивидуальных черт. Многие говоры края по указанным синтаксическим признакам сближаются с говорами Смоленско-Брянской зоны [7].

В лексике говора можно выделить следующие наиболее общие группы диалектных слов:

– собственно лексические диалектизмы: это местные слова, корни которых отсутствуют в литературном языке, или диалектные производные от корней, представленных в литературном языке: *зю'ма*, (*милый, дорогой*), *гаца'ть* (*бегать*), *моргушки* (*ресницы*) и т.д.;

– фонематические диалектизмы: совпадают по значению с соответствующим словами литературного языка, но отличаются от них одной или двумя фонемами, причем фонематические различия не связаны с существующими в говорах фонематическими и морфологическими закономерностями: *кудай-то* (*куда-то*), *складать* (*класть*), *скупаться* (*искупаться*), *заглядать* (*заглядывать*) *жаботный* (*внимательный, заботливый*), *жавронок* (*птенец жаворонка*) и т.д.;

– семантические диалектизмы, имеющиеся и в литературном языке, но употребляемые в территориальном диалекте в другом лексическом значении: *бабка* (коренной, задний зуб), *ге'рбовать* (брезговать), *жид* (воробей. *Жыт – вирабей, п'таму как жадный и нахальный*) и т.д.

На лексику Курской области огромное влияние оказывает соседство с Украиной. «Смешанное русско-украинское население, а также более поздние культурные связи двух восточнославянских народов проявились во взаимодействии русских и украинских черт в жилище, пище и семейных обрядах. В результате этого в Курской области сложилась большая этническая и языковая пестрота» [8, с. 9]. Так, можно выделить три группы заимствованных диалектизмов: семантические, фонологические, словообразовательные. К семантическим относятся такие заимствования, как: *ка-вун – арбуз, клунок – мешок, килим – ковёр, квач – тряпка, клямка – щеколда, квиток – билет, кирпатый – курносый, кошлатый – косматый, коштовать – заботиться, курчать – квакать*; к фонологическим: *косинка – косынка, кастрюля – кастрюля, квет – цвет, колодезь – колодец*; к словообразовательным: *казать – сказать, круг – вокруг, кошенья – котенок, картопля – картофель* [6, с. 85].

Таковы наиболее яркие проявления диалектов в речи жителей Курской области. Курский говор складывался в течение длительного времени в результате сложных процессов, обусловленных историей заселения края (таких, как миграция, колонизация, влияние соседства с Украиной). Тесные взаимоотношения между городским и деревенским населением оказали влияние на формирование специфического языка города, отличительной особенностью которого является наличие наряду с литературными формами наиболее устойчивых диалектных языковых черт. Внешнеязыковые, или экстралингвистические, факторы (такие, как мышление, междиалектное общение, литературная речь, уровень общей культуры и т.п.) сыграли значительную роль в изменении и формировании фонетического облика и тем более других сторон речи курян.

Носителями курских говоров чаще всего являются люди старшего поколения, а также жители области, имеющие невысокий уровень образования. Активными диалектоносителями являются горожане в первом поколении – выходцы из диалектной сельской среды.

Список литературы

1. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. – Саратов, 1997.
2. Волкова Н.А. Фонетика курских говоров в истории и современном состоянии. – М., 2004.
3. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. – Томск: Изд-во ТПУ, 2007.
4. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. – М.: Индрик, 2002.
5. Денисевич Г.В. Говоры Курско-Белгородского края (куряне – северяне – севрюки?): монография. – Курск: ООО «Учитель», 2002.
6. Курск: краеведческий словарь-справочник / под ред. Ю.А. Бугрова. – Курск: ЮМ ЭКС, 1997.
7. URL: <http://feb-web.ru>.
8. Гаврилова Т.И. Этнокультурное наследие Курского края: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2012.

УДК 81'22

М.В. Громенко, В.Г. Борзенкова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В РЕКЛАМЕ

В статье рассматривается реклама как социально-психологическое явление, психологические основы манипулирования в

рекламе. Представлено описание ряда методов манипуляции в рекламе (суггестивные психотехнологии, гипнотический подход в рекламной коммуникации, техника эриксоновского гипноза).

Ключевые слова: реклама, психологическое влияние, манипулирование в рекламе, суггестия, гипноз.

Реклама – двигатель торговли.

Реклама давно уже стала неотъемлемой частью жизни человеческого общества, элементом его культуры. Основная функция рекламы – передача информации о товаре или услуге, знакомство с ним потенциальных покупателей, убеждение его в необходимости приобретения товара

Однако сегодня реклама должна не просто информировать, а приводить к увеличению спроса на тот или иной товар или услугу и обеспечивать прибыль рекламодателю.

Реклама – это система мер целенаправленного воздействия на потребителей, формирующая и регулирующая движение товара на рынке. За свою длительную историю реклама качественно эволюционировала: она добивалась сначала сознательного, обдуманного восприятия покупателем рекламного образа, затем автоматического совершения покупки. Теперь рекламе от покупателя требуется согласие, пусть неосознанное, но тем не менее реальное [1, с. 23].

Реклама – явление социально-психологическое. Это многоплановый товар, затрагивающий самые затаенные участки психики современного человека. С середины XX в. применение массового психоанализа в рекламе стало основой деятельности торговых компаний. Специалисты по рекламе ухватились за психоанализ в попытке найти более эффективные средства для сбыта своих товаров.

Основываясь на том, какое большое место занимает реклама в нашей жизни, какие огромные средства вкладываются в ее разработку, можно утверждать, что рекламная деятельность – это особая наука, где есть свои правила и законы. Эта наука использует исследования психологии, социологии и анализ рынка для решения экономических проблем предприятия. Извлечь максимальную выгоду из рекламы в специфических отечественных условиях можно

лишь при условии глубокого изучения и грамотного осмысления этой науки. Таким образом, создание современной рекламы – это глубоко продуманный и организованный процесс [2].

В Европе реклама уже стала искусством. Рекламный бизнес привлекает лучшие мозги, ведь в нем крутятся огромные деньги. Создание рекламного произведения совмещает в себе глобальные и нередко противоречивые цели: привлечь внимание, заставить купить товар, создать привлекательный образ производителя, стать эстетическим объектом, радующим глаз, интеллектуальным продуктом для ума и сердца, развлечь реципиента. Кроме того, по мнению многих, реклама должна быть нравственной и пробуждать позитивные эмоции.

Люди покупают товары, чтобы удовлетворить многие, в том числе психологические, потребности. Современные рекламные специалисты придерживаются теории психологических состояний:

- человек знает, что с ним происходит, и может объяснить это;
- человек отдает себе причину в своих чувствах и не может объяснить их причину;
- человек ничего не знает ни о своем состоянии, ни о причинах, его вызвавших.

Второе и третье состояния – это область анализа мотивов. Мотивы – это осознанные потребности, вербализованные, достаточно аргументированные и объяснимые. Мотивы питаются желаниями и неосознанными потребностями, которые зачастую выступают в виде труднообъяснимых влечений. Мотивы играют роль двигателя поступков человека, хотя и далеко не всегда осознанно [3].

Рассмотрим некоторые методы манипуляций в рекламе и психологического влияния.

Психологам хорошо известно, что бездумное стремление к достижению цели не всегда помогает достичь ее. Так, лобовая реклама, основанная на прямом призыве «Покупайте! Это хороший товар!», – звучит не очень убедительно, даже если товар действительно хорош. Наше мышление, как правило, отторгает ее. Люди чаще начинают верить рекламе, когда узнают о качествах товара как бы невзначай, когда они как бы само собой подразумеваются.

Эти качества уже не цель нашего анализа, мы не оцениваем и не исследуем их – мы принимаем их как должное. В этом случае «нам не с чем» и не с кем спорить. Мы просто должны пойти и купить то, без чего не может существовать нормальный современный человек. Даже если человеку и не нужна рекламируемая вещь, он не скажет, что она плохая. Ему такая мысль даже не придет в голову.

Наше сознание программируется латерально, т. е. опосредованно, косвенно (латеральный – боковой, поперечный, горизонтальный, побочный, второстепенный, находящийся в стороне) [4, с. 30].

Прочное запечатление в памяти «очевидных» вещей составляет суть латерального программирования психики. Когда человеку убежденно говорят то, что выглядит как само собой разумеющееся, не требующий доказательства факт, он часто теряет способность критически оценить ситуацию. Латеральное программирование воздействует на поведение человека непосредственно, т. е. помимо его сознания, а следовательно, и воли.

1. Гипнотический подход. В рамках изучения гипнотического подхода учеными были сделаны следующие выводы:

- во-первых, человек склонен делать импульсивные покупки;
- во-вторых, реклама не меняет убеждений человека по поводу предпочитаемого им товара, но если этого товара в продаже вдруг не окажется, покупатель возьмет тот товар, который в настоящий момент рекламируется;

- в-третьих, когда человек видит тот товар, который он намеревается сию минуту купить, он замирает, перестает мигать и сглатывать слюну, его дыхание замедляется, зрачки расширяются, взгляд становится расфокусированным. Это не что иное, как типичная картина гипнотического транса;

- в-четвертых, покупатель, будучи зрителем, читателем и слушателем рекламы, склонен отождествлять себя с каким-то из действующих лиц текстового сюжета или фильма (работает феномен идентификации) [5, с. 118].

2. Суггестия, или внушение, – это процесс воздействия на психику человека, связанный со снижением сознательности и критичности при восприятии внушаемого содержания, не требующий ни развернутого личного анализа, ни оценки побуждений к опреде-

ленным действиям. Суть внушения состоит в воздействии на чувства человека, а через них – на его волю и разум. Следует иметь в виду, что разные люди обладают разной степенью внушаемости [6]. Психологи утверждают, что внушаемость зависит от ряда факторов, к числу которых относятся:

- неуверенность;
- робость;
- низкая самооценка;
- впечатлительность;
- слабость логического анализа.

Вот некоторые из приемов суггестии – конкретность и образность ключевых слов: использование слов, смысл которых конкретен, содержание которых легко себе предоставить, существенно повышает эффект внушения, а вот абстрактные понятия резко снижают силу внушения.

Сравним две подборки:

– *блеск, ночь, ножницы, роза, ржавчина, горько, спокойно, сладко, сосна, старик*. Любое из этих слов сразу же вызывает мысленный образ названного;

– или *следовательно, в результате, конъюнктура, реализация, оборудование, компания, эксцесс*. Какие образы могут стоять за этими понятиями [5, с. 120]?

Речевая динамика – одно из сильнейших средств суггестии. Основные приемы речевой динамики, способные повысить суггестию речи:

- мягкость и сила голоса;
- богатство интонаций;
- паузы;
- высокий темп речи. Считается, что он выше у людей с высоким уровнем интеллекта и, следовательно, вызывающих большее доверие.

По наблюдениям психологов, в рекламных целях выигрышнее использовать мужской голос, особенно низкий, «бархатный» [2].

3. Техника эриксоновского гипноза в рекламе. Суть эриксоновского гипноза состоит в том, что в нем практически не отдаются прямых приказов, просто что-то комментируют, о чем-то спраши-

вают, советуются с партнером по общению. Вместе с тем все применяемые речевые стратегии позволяют получать результат (приказ выполняется) и не получать сознательного сопротивления приказу. Это особенно важно, когда приходится иметь дело с людьми, овладевшими техникой сопротивления прямым приказам [3].

Надо отметить, что у многих людей со временем вырабатывается устойчивость к суггестивному воздействию, невосприимчивость к прямым командам. Существуют техники нейтрализации этой способности к сопротивлению внушению.

Среди них:

– *трюизм* (англ. *truism* – общеизвестная, избитая истина). Он же может быть сверхобобщенным высказыванием. Как психотехника, он представляет собой гипнотическую замену команды [Там же].

Например, команда: *Покупайте!* Трюизм: *Все любят покупать. Людям нравится покупать. Люди могут покупать*

Очень много действующих рекламных трюизмов: *Хорошие хозяйки любят «Лоск», Все любят «Чупа-Чупс»* и т.п.;

– *иллюзия выбора*. В рамках этой стратегии клиенту предлагают выбирать между тем, что нужно продавцу, и тем, что продавцу нужно.

Например, команда: *Покупайте!* Иллюзия выбора: *На уличном плакате изображены две огромных пачки сигарет одного сорта. На одной название написано красным по белому, на другой – белым по красному. Внизу – лаконичная крупная надпись «Выбирай».*

Таким образом, можно утверждать, что реклама является достаточно мощным орудием для манипуляции сознанием. Функция рекламы в обществе уже давно, а вероятнее всего изначально, предполагала не только простое информирование людей о товаре или услуге, но и попытку склонить его интерес в сторону предлагаемого товара. Специалисты по рекламе все активнее начинают пользоваться рядом психологических приемов и методов для достижения своих целей и продвижения товара. Мы попытались рассмотреть некоторые из них, а именно суггестию (прямое внушение), гипнотический подход, технику эриксоновского гипноза.

Список литературы

1. Рекламный менеджмент / Р. Батра [и др.]. – М., 2004. 784 с.
2. Горбатюк В.С. Методы манипуляции в рекламе [Электронный ресурс]. – URL: <http://mail.scite.ruteam.ru/68/473/>.
3. Полукаров В.Л. Психоанализ в продажах и рекламе [Электронный ресурс]. – URL: http://www.dvreclama.ru/others/articles/psihologiya_i_reklama/.
4. Экспериментальная психология в российской рекламе / А.Н. Лебедев [и др.]. – М., 1995. – 135 с.
5. Мокшанцев Р.И. Психология рекламы. – М., 2000. – 230 с.
6. Карманов А.Я. Психологический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://azps.ru/handbook/>.
7. Викентьев И.Л. Приемы рекламы. – Новосибирск, 1993. – 140 с.

УДК 345.133

М.В. Громенко, Г.А. Ермакова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ОЦЕНОЧНОСТЬ КАК ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье предлагается описание оценочности как языковой категории в современной лингвистике.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, оценочность, категория оценки, семантическая категория, модальность, экспрессивность, эмоциональность.

Язык как знаково-символьная система, являющаяся результатом человеческой деятельности, представляет собой объект, который отражает субъективное (идущее от человека) начало. Таковым является основной принцип, заложивший фундамент антропоцентрической лингвистической парадигмы.

Постулат о том, что язык есть живая и главнейшая деятельность человеческого духа, высказанный еще в лингвистической концепции В. фон Гумбольдта, способствовал изучению языка в неразрывной связи с человеческим существованием. Таким образом, центром антропологической парадигмы становится человек – создатель языка, субъект речи/мысли, отображающий в языке свое сознание, настроение, состояние, оценки.

Категория оценки в последнее время занимает одно из центральных мест в лингвистических исследованиях. Это связано с переходом лингвистики на антропологическую парадигму исследования объектов и явлений действительности.

Семантическая категория оценки причисляется к одной из семантических универсалий в языке, так как она пронизывает собой буквально весь язык. В связи с тем что каждое слово в языке связано с той или иной степенью, с тем или иным видом оценочной коннотации или с потенциальной ее возможностью, реализующейся в разнообразных конкретных ситуациях, категория оценки оказывается как бы «разлитой» по всему словарному составу языка [1, с. 9]. Ни одно понятие не находит в языке такого разнообразия классификации, таких разнохарактерных подходов к анализу, такого множества трактовок и такой плеяды исследователей в истории лингвистических учений от античности до современности, как оценка. Поэтому проблема оценки стала объектом пристального внимания исследователей в области философии, логики, психологии, лингвистики. А вопросы категории оценки в лингвистическом плане находят отражение в трудах таких ученых, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Н.А. Лукьянова, Т.В. Писанова, М.С. Ретунская, В.Н. Телия, З.К. Темиргазина, В.И. Шаховский и др.

По мнению В.М. Богуславского, языковые оценки «представляют собой специфическую разновидность познавательной деятельности и строятся как на научном знании, так и на фактах обыденного сознания – осмыслении опыта определенной национально-исторической общности» [2, с. 8].

В лингвистике под оценкой понимают чаще всего «результат оценочной деятельности индивида, выраженный вербально, т. е. закрепленное в высказывании или элементах языковой системы отношение говорящего к предмету речи с точки зрения противопоставления – положительное/отрицательное» [3, с. 24].

Ибадильдина З.Х. подразумевает под оценочностью семантическую категорию – компонент, заключающийся в способности языковой единицы характеризовать обозначаемое в рамках оппозиции «хорошо/плохо» [4, с. 36].

Токтамысова Д.Б. интерпретирует языковую оценку как «общественно закреплённое, социально устоявшееся отношение носителя языка к внеязыковому объекту, понимаемому в широком смысле как лицо, предмет, явление действительности и т.п., выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно. Это отношение (субъекта к объекту с точки зрения противопоставления “положительное/ отрицательное”, т.е. “хорошо/плохо”) выступает в качестве узואально или окказионально выражаемого семантического свойства языковых явлений, именуемых оценочностью» [5, с. 20–21].

Во всех приведенных выше определениях оценка связана с выражением положительного или отрицательного отношения говорящего субъекта, которое закреплено, т.е. зафиксировано в языковых средствах. Таким образом, оценочность представлена в языковых единицах и является поэтому фактом языка, сфера функционирования которого – речь.

На современном этапе развития лингвистики оценку рассматривают как логико-семантическую категорию, полагая, что характер оценки, ее природа обуславливают специфику оценочных номинаций, их семантическую структуру и типы отношений между ними (Арутюнова, Вольф, Телия). Семантическая структура оценочного акта включает такие компоненты, как субъект, объект, характер оценки (положительный или отрицательный), основание (аргументацию) и определенные языковые структуры. Вольф Е.М. подчеркивает, что оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который

может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что В (объект оценки) хороший/плохой». Выраженная языковыми средствами оценка как отношение субъекта к объекту становится одним из семантических свойств языкового явления, называемым оценочностью. Свойство оценочности может быть присуще единицам любого уровня языка – аффиксу, слову, предложению, тексту, но она зачастую возникает лишь в целом контексте, который работает на донесение точного смысла слов. В настоящее время, признавая за оценкой статус самостоятельной языковой категории, исследователи по-разному определяют природу данной категории, ее структуру, разграничение видов оценки, систематизацию средств выражения. И действительно, даже в самом определении категории непроясненными в достаточной степени остаются вопросы взаимоотношения этой категории с модальностью, экспрессивностью, эмоциональностью, прагматическим потенциалом, иначе говоря, продолжает оставаться по-особому актуальная проблема ее отграничения от пограничных, т.е. смежных, категорий и определения инвентаря собственно оценочных значений. Близость, а иногда и взаимопроникновение элементов модальности, экспрессивности и эмоциональности обусловлены онтологически, ибо чаще всего оценки сопровождаются эмоциями, а подчёркивание смысла основывается на особом повышенном эмоциональном состоянии говорящего. И для того, чтобы передать своё отношение к объекту, адресант использует различные экспрессивные средства языка. Указанные явления объединяются и в функционально-прагматическом плане: отражают субъективное отношение говорящего, а также выполняют функцию воздействия (влияние на адресата оказывается всевозможными вербальными и невербальными средствами). В результате многие языковые единицы одновременно являются носителями и оценочного значения, и эмоциональности, и экспрессивности, к тому же в условиях речевого контекста приобретают стилистическую окраску.

И все же сами явления модальности, экспрессивности и эмоциональности между собой разделяются, что приводит к следующему выводу: оценка не может быть признана специфической ча-

стью одновременно нескольких разных языковых явлений, соответственно следует признать её самостоятельной категорией, в чём-то пересекающейся, взаимодействующей с другими.

Таким образом, категория оценки занимает особое место в ряду лингвистических исследований, поскольку является неотъемлемой частью процесса отражения действительности. Познание окружающего мира сопровождается оцениванием фактов и явлений, что находит отражение в языке. Категория оценки имеет зависимый от других концептуальных сущностей, релятивный характер и в своей структуре обнаруживает сочетание разных принципов организации.

Список литературы

1. Коноваленко Л.И. Семантико-синтаксические средства выражения оценочной модальности в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 1997. – 23 с.
2. Богуславский, В.М. Типология значений образных средств выражения оценки внешности человека: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1995. – 53 с.
3. Ильюшина Е.С. Лексические средства положительной оценки человеческих качеств: психолингвистический анализ: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 185 с.
4. Ибадильдина З.Х. Эмотивная лексика казахского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 1997 – 223 с.
5. Токтамысова Д.Б. Прагматический компонент лексической оценки лица в современном английском языке (положительная оценка): дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 1996. – 194 с.
6. Кабирова Г.У. Оценка как языковой концепт // Актуальные вопросы филологических наук: матер. Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). – Чита: Молодой ученый, 2011. – С. 85–87.
7. Никитина Л.Б. Антропоцентристская семантика: образ homo sapiens по данным русского языка. – М., 2011.

УДК 81'322

М.В. Громенко, А.А. Пигорева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ СРЕДСТВАМИ ЭВФЕМИЗАЦИИ

В статье дается попытка реализации политической корректности с помощью эвфемизации, выступающей как способ смягчения слов.

Ключевые слова: эвфемизм, политическая корректность, политический эвфемизм, языковое выражение.

Язык политики представляет собой одну из наиболее динамических ветвей языка. Выбор слов для номинации политических реалий определяется экстралингвистическими факторами, которые связаны с изменениями в обществе. Язык неразрывно связан с культурой, традициями и менталитетом его носителей и отражает те процессы, которые происходят в обществе.

К концу XIX века зародилась идея «деревянного языка». В дореволюционной России использовалось выражение «дубовый язык» т.е. язык царского чиновничьего аппарата. Со временем сфера употребления выражения «деревянный язык» расширилась, на смену ему пришел термин «политическая корректность» («политкорректность» калька с англ. *political correctness*) [1, с. 45].

По мнению С.Г. Терминасовой, «политическая корректность выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида», точнее, подобрать для них положительные эвфемизмы [2, с. 96].

«Эвфемизм – эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичного ему слова или выраже-

ния, представляющегося говорящему неприличным, грубым или нетактичным» [3, с. 231].

Расхождения в понимании эвфемизмов проявляются в следующем:

- 1) распространенности эвфемистических наименований (широко распространены или встречаются эпизодически);
- 2) стилевой принадлежности (сферы распространения);
- 3) ведущем критерии (косвенность номинации, требование благозвучности);
- 4) определении признаков эвфемизмов;
- 5) соотношении эвфемизмов со смежными языковыми явлениями.

Язык политической корректности представляется как двухуровневое явление, которое включает:

- 1) политкорректную лексику;
- 2) идеологемы политкорректности.

Политкорректная лексика выступает примером «очищенного» языка, идеологемы политкорректности задают стандарты для оценки различных культурных явлений, к которым относятся как языковые единицы, так и поведение.

Структура языка политкорректности неоднородна. Выделяют два пласта лексики, которые выполняют в языке политкорректности различные функции:

- 1) политкорректная лексика (эвфемизмы), включающая «допустимые» наименования социальных явлений;
- 2) лексика, используемая для непосредственного формирования политкорректной картины мира (идеологемы).

Лексическая группа закрепляет основные ценности политкорректности, а главным отличием политкорректной лексики заключается в том, что она задает и закрепляет установки и принципы. Если идеологемы политкорректности выражают принципы и установки политкорректности, то эвфемизмы непосредственно реализуют их. Характерной особенностью политически корректных эвфемизмов выступает их тесная связь с возникновением современных идеологических установок и переосмыслением культурных

ценностей; на слова, ранее не имевшие негативного оттенка, накладывается коммуникативное табу, в результате чего они заменяются новыми лексическими единицами [4, с. 116].

Политкорректность как языковая категория обладает некоторыми категориальными признаками. Осмонова Д.Э. разграничивает два признака:

1) «интегральный признак – отсутствие в коннотативном значении языковой единицы дискриминации по расовой, национальной, половой принадлежности, состоянию здоровья, возрастному и социальному статусу и др.;

2) дифференциальный признак – способность языковой единицы исключить проявления всех видов дискриминации» [5, с. 58].

Выражение политической корректности в языке не ограничивается лишь эвфемизмами. Политкорректные высказывания в большей степени напоминают эвфемизмы, которые являются стилистически нейтральными словами, употребляются вместо синонимичных им выражений, которые представляются говорящему грубыми и нетактичными, эвфемизмы нередко маскируют суть явления (*компетентные органы* вместо *федеральная служба контрразведки*, *говорить неправду* вместо *соврать*, *скончаться* вместо *умереть*).

Политическая корректность пытается избежать форм языкового выражения, которые могут вызвать чувство обиды у людей в зависимости от их расовой принадлежности, цвета кожи, возраста, пола, а также обозначения пожилого возраста и людей с физически или умственно ограниченными возможностями [6, с. 45]. В приводимых примерах представлены разные группы социально ущемленных людей, где общество пытается оградить их от неприятных чувств, наносимых языком, поэтому взамен этих слов употребляют эвфемистические замены (*незрячий* вместо *слепой*, *неспокойный* – *скандальный*, *недочет* – *ошибка*, *недосбор (урожая)* – *халатность*, *полный* – *толстый*, *некрасивый* – *уродливый*, *неумный* – *глупый*, *слабослышащий* – *глухой*, *poor (бедный)* – *disadvantaged (находящийся в невыгодном положении)*; *cripple (калека)* – *physically different (физически отличающийся)*; *dead (мертвый)* – *the departed*,

biologically challenged (ушедший, биологически изменен) и т.п.) [7, с. 90].

Основным приемом политических эвфемизмов в русском языке является нейтрализация достоверного смысла прямых наименований, которые нежелательны по политическим причинам.

Выделяют наиболее употребляемые политические эвфемистические обороты для обозначения:

1) экономических методов и их последователей (*финансовая пирамида* вместо *финансовая афера*): «Крушение пирамиды ГКО и крах многих коммерческих банков, которые также пытались построить свои собственные финансовые пирамиды, оказались болезненным, но в целом позитивным фактом для российской экономики. Лопнул злокачественный нарыв, который оттягивал на спекулятивный финансовый рынок все излишки валюты и иных средств из реальной экономики» (Рос. газ. 2001. 1 февр.);

2) органов власти и их деятельности (*применить санкции* – этот оборот употребляется в весьма неопределенном смысле: он может означать привлечение к уголовной ответственности, лишение свободы, экономическую или военную блокаду районов и целых государств): «Санкции, применяемые ООН в отношении Ирака, оказываются малоэффективными» (Первый канал «Евразия». 2007. 12 сент.);

3) различных национальных и социальных групп (*этническая чистка*) – уничтожение в том или ином районе (городе, республике) лиц, не принадлежащих к господствующей в этом районе нации; впервые было употреблено применительно к ситуации в Югославии, где сербы уничтожают мусульман, хорваты – сербов на территории Хорватии, а затем стало использоваться по отношению к ситуациям в бывшем СССР): «В Горном Бадахшане хорошо помнят, что, взяв под контроль Душанбе, некоторые солдаты правительственных войск занялись *этническими чистками*, при этом в первую очередь уничтожались памирцы» (НТВ. 2007. 5 июля);

4) военных действий и их участников (*зачистка территории* вместо *физическое уничтожение*): «Американцы, проведя зачист-

ку Югославии и Афганистана, начали зачищать Ирак» (Рос. газ. 2003. 3 апр.);

5) явлений внешнеполитического характера (*однополярный мир вместо диктат США*): «*Однополярный мир* поддерживается искусственно огромным рынком потребления США, на основе их огромного дефицита и на основе валюты, которая рушится» (Независимая газета. 2006. 6 февр.).

Основными способами создания современных эвфемизмов являются [8, с. 55]:

1) слова-определители с «диффузной» семантикой: *некоторый, определенный, соответствующий*: «Как выразился заместитель начальника оперативного управления департамента Владимир Зайцев, *определенный контакт* между нашим подразделением и охраной «Чары» (банка) был, но все живы и здоровы. Просто освободили проход, но освободили так, что надолго им запомнится» (ОРТ. 2006. 6 февр.);

2) номинации с достаточно общим смыслом, используемые для называния вполне конкретных предметов и понятий: *акция, операция, объект, продукт, материал*: «*Операция* Багратион является триумфом советской теории военного искусства из-за великолепно скоординированного наступательного движения всех фронтов и прекрасно проведенной операции по дезинформации противника» (Рос. газ. 2001. 6 сент.);

3) иноязычные слова, употребляемые как обозначения, более пригодные для вуалирования сути явления, чем исконная лексика: *конфронтация – противостояние, иногда с применением оружия; деструктивный – разрушительный; дефолт вместо кризис; сепаратист вместо наемник*: «*Радикальные баскские сепаратисты* в Испании основали новую политическую партию, которая дистанцировалась от насильственных методов функционирования сепаратистской организации ЭТА» (Новости. 2011. 8 февр.).

Многие из эвфемистических оборотов являются наиболее приемлемыми и корректными в российском обществе по сравнению с прямыми наименованиями. Но иногда в современной речи возникают не совсем удачные термины, среди которых можно на-

звать отдельные пейоративные наименования, ложно интерпретирующие смысл некоторых понятий или явлений.

Таким образом, в настоящее время сложилось понимание языка политкорректности как преимущественно эвфемистического. Поэтому преобладающим отражением политкорректности посредством эвфемизации является речевая тактика насыщения речи эвфемизмами, которая, в свою очередь, состоит из речевых действий, т. е. употребления эвфемизмов в речи. Эвфемизмы способны одновременно в рамках одного высказывания выступать средством смягчения номинации и вуалирования смысла языкового выражения. При этом политкорректные номинации, удовлетворяющие коммуникативным потребностям языкового сообщества, впоследствии могут закрепиться в системе языка.

Список литературы

1. Шапина Л.Н. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики. – М.: Либроком, 2002. – 465 с.
2. Терминасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово 2008. – 264 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Либроком, 2013. – С. 576.
4. Мороховский А.Н. Воробьев О.П., Липошерст Н.И. Стилистика английского языка. – Киев: Вица школа, 1991. – 272 с.
5. Панин В.В. Политическая корректность как языковая культурно-поведенческая категория // Межкультурная коммуникация: современные тенденции и опыт. – Нижний Тагил, 2003. – 108 с.
6. Герасименко Д.В. Политическая корректность и стратегия вежливости // Язык, сознание, коммуникация. – 2011. – Вып. 42. – 55 с.
7. Дворникова Т.М. Зудова С.А., Эвфемизм как средство реализации политкорректности в английском языке. – М., 2010. – 59 с.
8. Колаковская Е. Политическая лингвистика. – М.: Пресс, 2012. – 155с.

УДК 81'42

М.В. Громенко, А.А. Поповкина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

МЕСТО КОМПЬЮТЕРНОГО ДИСКУРСА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье развернуто представлено определение дискурса, а также реализована попытка охарактеризовать компьютерный дискурс как важный компонент коммуникации через сеть Интернет.

Ключевые слова: дискурс, дискурсология, компьютерный дискурс, коммуникация, сетевая коммуникация.

Последние десятилетия ознаменовались бурным развитием средств и способов передачи информации. Сегодня никого не удивляет возможность получить нужные сведения из Интернета на сотовый телефон или карманный компьютер, отправить по e-mail письмо или просто пообщаться в чате, находясь в любой точке действия сотовой сети [1, с. 41]. Сотовая и спутниковая связь, спутниковое телевидение, информационные сети и компьютеры – вот основной, но далеко не полный список технологий, обеспечивающих человеку доступ к информации в любой точке земного шара.

Стремительно развивается компьютерная коммуникация. Под компьютерным общением понимается речевая коммуникация между собеседниками, посылающими друг другу сообщения на естественном языке через соединенные в сеть компьютеры. Большая часть компьютерного общения основана на обмене текстовыми сообщениями, т.е. сообщениями, набранными отправителем на клавиатуре, оформленными как текст на мониторе и отправленными получателю, находящемуся на любом расстоянии от отправителя [2, с. 21].

Результаты глобализации инфосферы затрагивают и межличностное общение, отражаясь на функционировании естественных языков в человеческом обществе. Изучение компьютерного дискурса становится одной из приоритетных задач лингвистики XXI в.

Слово «дискурс» (лат. *discursus*, англ. *discourse*, фр. *discours*, итал. *discorso*) происходит от латинского *discurrere* – «обсуждение», «переговоры», даже «перебранка» (букв. «бегать туда-сюда»). Оно означает речевую ситуацию обмена высказываниями между собеседниками. В повседневном языке, или в широком смысле, дискурс выступает синонимом слов «разговор», «диалог», «беседа». В узком смысле (в риторике и теории аргументации) дискурс практически совпадает с особым типом разговора, при котором происходит обмен доводами *за* и *против* чего-то [3].

Карасик В.И. понимает под дискурсом «текст, погруженный в ситуацию общения», допускающий «множество измерений» и взаимодополняющих подходов в изучении, в т. ч. прагмалингвистический, психолингвистический, структурно-лингвистический, лингвокультурный, социолингвистический [4, с. 5].

Арутюнова Н.Д. рассматривает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженную в жизнь» [1, с. 136]. Дискурс – это явление, исследуемое в режиме текущего времени, т. е. по мере его появления и развития и при его анализе необходимо учитывать все социальные, культурологические и прагматические факторы.

Ван Дейк Т. считает, что дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие [5, с. 39].

Кубрякова Е.С. и Александрова О.В. трактуют дискурс как когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, созданием речевого произведения, а текст видится им как конечный результат

процесса речевой деятельности, имеющий определенную законченную (и зафиксированную) форму [6, с. 198].

Дискурсология является мультидисциплинарным образованием, на сегодняшний день прибывающим в стадии начального институционального формирования. Для исследования дискурса используется ряд методов лингвистики и психолингвистики, лингвистического описания, текстуального наблюдения, анализа, систематизации, интерпретации, качественный и количественный контент-анализ и др. Очевидно, что количественный контент-анализ легче поддается реализации в компьютерных программах [Там же, с. 201].

С каждым годом компьютерные технологии все более значительно определяют жизнь современного человека. Сегодня компьютер – это не только рабочий инструмент, но решение различных коммуникативных задач. Общество немислимо без использования новых информационных и коммуникационных технологий, в первую очередь без Всемирной компьютерной сети Интернет. Новые возможности общения в Интернете, их простота и доступность привели к развитию и активному использованию сетевого общества своего диалекта, совершенно нового языка, который отличается от обычного классического языка [7, с. 23].

Несмотря на то, что само понятие «компьютерный дискурс» лишь недавно вошло в лингвистический обиход, уже существуют работы, в которых дается определение этого понятия. Так, А.И. Самаричева под компьютерным дискурсом понимает «всю совокупность текстов, объединенных общей тематикой, связанной с современными информационными технологиями» и анализирует различные виды текста по компьютерной тематике [2, с. 65]. В своих исследованиях она изучает англоязычное влияние на немецкий компьютерный дискурс. Галичкина Е.Н. под компьютерным дискурсом понимает «общение в компьютерных сетях» и в своем исследовании анализирует графические, лексические, текстуальные характеристики компьютерного дискурса в английском и русском языках [Там же, с. 69]. Нельзя не согласиться с Е.Н. Галичкиной и в том, что компьютерный дискурс имеет точки соприкосновения с

массовой коммуникацией, но не совпадает с ней полностью. Компьютерная коммуникация является взаимно направленной, и многие тексты имеют не только институциональный, но и персональный характер .

Компьютерный дискурс интерпретируется как система, характеризующаяся следующими общедискурсивными признаками:

- динамичностью и процессуальностью;
- коммуникативностью;
- персонифицированностью;
- ситуативной обусловленностью;
- коннотативностью;
- социальной и культурологической маркированностью.

В различных типах дискурса эти свойства проявляются по-разному, определяя его как речеповеденческую систему. Кроме того, отмечены такие явления, как коммуникативная близость собеседников, где реальное физическое пространство не имеет значения [8, с. 131].

Существует целый ряд терминов, обозначающих коммуникацию посредством интернет-технологий: виртуальная коммуникация, компьютерное общение, сетевая коммуникация, онлайн-коммуникация и т.п.

По мнению Е.В. Грязновой, интернет-коммуникация «представляет собой единство четырех процессов: в нем создается новая реальность, которая отражает объективную действительность, выражает субъективно-личностный мир... и передает свое духовное содержание всем участникам» [7]. Большой интерес представляет попытка исследовать перечисленные выше процессы, понять, благодаря чему они становятся возможными, как протекают, какие закономерности при этом проявляются, т.е. разобраться в том, как при онлайн-общении создается новая реальность, как она отражает объективную действительность, каким образом выражает субъективно-личностный мир собеседников [Там же, с. 98] .

Во многих исследованиях отмечают общие особенности, которые имеет общение, опосредствованное Интернетом, и которые тесно связаны друг с другом:

1. *Анонимность*. Заключается в отсутствии достоверной информации о собеседнике или в неполноте информации о нем. Анонимность психологически освобождает пользователя от необходимости подлинной самопрезентации, т.е. соответствия в процессе коммуникации своему реальному «Я», и тем самым открывает возможность для конструирования альтернативных самопрезентаций. Отметим, что реализуется такая возможность не столько в деловой, сколько в неформально-развлекательной сфере, где люди нередко скрывают истинную информацию о себе или даже предоставляют ложную.

2. *Физическая непредставленность*. В сочетании с анонимностью открывает простор, с одной стороны, для предоставления о себе недостоверной информации, с другой - для фантазирования по поводу собеседника (опять же, прежде всего, при неформальном общении). В Интернете в результате физической непредставленности друг другу партнеров по коммуникации устраняется целый ряд существующих в общении барьеров, обусловленных, к примеру, полом, возрастом, социальным статусом, привлекательностью или непривлекательностью участников общения, а также степенью коммуникативной компетентности человека, точнее, ее невербальной частью. Нейтрализация в условиях сетевого общения ряда барьеров, которые реально возникают в офлайн-коммуникации (т. е. в «обычном» общении), по нашему мнению, составляет его важнейшую психологическую особенность, которая содержит в себе потенцию психотерапевтических возможностей.

3. *Своеобразие протекания процессов межличностного восприятия в условиях отсутствия невербальной информации*. Как правило, сильное влияние на представление о собеседнике имеют механизмы стереотипизации и идентификации, а также установка как ожидание желаемых качеств в партнере.

4. *Нерегламентированность поведения*. Заключается в отсутствии четких правил онлайн-коммуникации, особенно, разумеется, неформальной, что выражается в полной свободе выбора относительно завязывания и разрыва контактов, стиля коммуникации и т.д. Некоторые пользователи презентуют себя с иной стороны,

чем в условиях реальной социальной нормы, проигрывают не реализуемые в деятельности вне сети роли, сценарии ненормативного поведения.

5. *Снижение психологического и социального риска в процессе общения.* Появляется вследствие его анонимности и полной безнаказанности. Проявляется в виде аффективной раскрепощенности, ненормативности и некоторой безответственности участников общения. Человек в сети может проявлять и проявляет большую свободу высказываний и поступков (вплоть до оскорблений, нецензурных выражений, сексуальных домогательств), так как риск разоблачения и личной отрицательной оценки окружающими минимален. Конечно, это касается, прежде всего, неформального общения. В условиях же психологического онлайн-консультирования та же особенность проявляется по-иному: многим людям легче решиться именно на виртуальный контакт с психотерапевтом, тем более, если это первое обращение за психологической помощью.

6. *Компенсаторная виртуальная эмоциональность.* Подобным образом мы предлагаем обозначить феномен, который выражается в том, что все те ограничения, которые в виртуальном пространстве сопутствуют эмоциональному компоненту общения, компенсируются возможностью активного использования разного рода значков, созданных специально для обозначения эмоций («смайликов»), или описанием эмоций словами.

7. *Использование разнообразных способов сетевой коммуникации (e-mail, чат, форум и др.) и разнообразных способов самопрезентации (самоописание, анкеты, COPI/CellOfPersonalInformation/, собственные интернет-странички и т.д.).*

Таким образом, в последнее десятилетие наблюдается бурный рост средств и способов передачи информации, развивается компьютерная коммуникация. Под компьютерным общением понимается речевая коммуникация между собеседниками через интернет-сеть. Изучение компьютерного дискурса становится одной из приоритетных задач лингвистики XXI в. Компьютерный дискурс имеет точки соприкосновения с массовой коммуникацией, но он не совпадает с ней полностью. Компьютерная коммуникация

является взаимно направленной, и многие тексты имеют не только институциональный, но и персональный характер. Данный тип дискурс интерпретируется как система, характеризующаяся следующими общедискурсивными признаками: динамичностью и процессуальностью, коммуникативностью, персонифицированностью, ситуативной обусловленностью, коннотативностью, социальной и культурологической маркированностью.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под гл. ред. В.Н. Ярцевов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
2. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001.
3. URL: <https://ru.wikipedia.org>.
4. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000.
5. Дейк ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988.
6. Звегинцев В.А. О цельнооформленности единиц текста // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1980.
7. Грязнова Е.В. Компьютерное общение как социальный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Н. Новгород, 2001.
8. Шабшин И. О психологических особенностях общения в Интернете // Московский психотерапевтический журнал. – 2005. – № 1.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2009.
10. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: [пер. с англ.]. – М.: Прогресс, 1989.
11. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию

Т.М. Николаевой / В.Н. Топоров (отв. ред.); Ин-т славяноведения РАН. – М.: Языки славянских культур, 2005.

12. Долуденко Е.А. Англицизмы в русскоязычном компьютерном жаргоне // Лингвистика. – 2000.

УДК 81'371

И.А. Диневи́ч, А.В. Алексеенко

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОСТОЯНИЯ В РОМАНЕ МАРКЕСА ГАБРИЭЛЯ ГАРСИА «СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА»

В данной статье предлагается анализ лексико-грамматических средств выражения состояния (на материале романа Маркеса Габриэля Гарсиа «Сто лет одиночества»).

Ключевые слова: лексико-грамматические средства, слова категории состояния, безличные глаголы, состояние, чувства, эмоции.

Состояние – одна из категорий, которая занимает свое место в ряду общих, фундаментальных понятий, отражающих наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и человеческого познания [1]. Лексемы с семантикой состояния неоднократно привлекали внимание лингвистов, различные аспекты состояния исследовались в работах Н.М. Шанского, А.Н. Тихонова [2], Л.В. Щербы [3], И.П. Матхановой [1], И.А. Диневи́ч [4] и других лингвистов.

Необходимо остановиться на выявлении основных типов состояния. Поскольку человек – существо биосоциальное, а человеческая личность – результат сложного взаимодействия различных систем: физиологической, эмоционально-психической, когнитивной и др., то типы состояний, в которых может находиться человек, определяются самыми разными факторами и, так или иначе, связаны с одной из этих систем или с несколькими одновременно.

Следовательно, обоснованным представляется выделение четырех типов состояния лица:

- 1) физическое;
- 2) психическое;
- 3) интеллектуальное;
- 4) социальное.

Именно эти типы состояний охватывают все сферы человеческой жизнедеятельности. Различают внутреннее и внешнее состояние лица: к внутренним состояниям относятся физическое, психическое, интеллектуальное состояние, к внешнему типу состояний относится социальное состояние [5, с. 95].

Лексико-семантические единицы со значением состояния функционируют преимущественно в художественном, публицистическом и в разговорном стилях речи. Использование в научной, официально-деловой речи эпизодично, что объясняется семантикой рассматриваемых лексем. В художественном стиле речи слова с семантикой состояния употребляются для выражения переживаний, страданий, чувств, эмоций и состояний (как физических, так и психологических) героев и персонажей. Рассмотрим лексико-грамматические средства выражения состояния в романе Габриэля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества». Произведение представляет собой всестороннее исследование проблемы человеческого одиночества, любви, страданий, а слова с семантикой состояния помогают передать читателю всю идею и смысл романа, поскольку с помощью них автор описывает эмоциональные состояния героев. Уже в названии произведения употреблена лексема со значением состояния «одиночество».

Лексические единицы со значением состояния относятся к различным частям речи. Состояние субъекта чаще может быть выражено именем существительным, глаголом, прилагательным, словами категории состояния.

Классифицируем лексические единицы со значением состояния частеречно:

1. *Существительные со значением состояния, выражающие чувства и эмоции:*

Горестные потоки воды низвергались на лежащее поверх гроба знамя, уже и так промокшее насквозь, то самое боевое зна-

мя, покрытое пороховой копотью и кровью, которое вызывало **ненависть** самых заслуженных ветеранов.

Они были счастливые жених и невеста, затерянные в толпе, и даже начали подозревать, что **любовь** может быть чувством более глубоким и спокойным, чем необузданное, но скоропреходящее блаженство их тайных ночей.

Этот разговор, едкая **злоба** против отца и уверенность в том, что уж незаконная-то **любовь** останется ему во всех случаях, внушили Хосе Аркадио спокойное мужество.

На следующий день за завтраком Фернанда вся тряслась, видно было, что она провела бессонную ночь, но воспоминания о былых **обидах**, казалось, перестали ее мучить.

Усилием воли Меме согнала с лица краску **смущения** и, изобразив довольно непринужденную улыбку, попросила его положить пакет на перила галереи, так как у нее руки в земле.

Вслед за ночным туманом рассеялась и его **тоска**, оставив вместо себя безграничное **любопытство** [6].

2. Глаголы со значением состояния:

– безличные глаголы, обозначающие время суток:

*Сборища не замедлили превратиться в еженедельную ярмарку, и как только начинало **вечереть**...*

*Как только начинало **смеркаться**, дом наполнялся желтыми бабочками [Там же];*

– безличные глаголы, обозначающие физическое состояние человека, естественные процессы жизнедеятельности:

*Однажды ночью Урсуле **не спалось**, она вышла попить воды и во дворе около большого глиняного кувшина увидела Пруденсио Агиляра [Там же];*

– безличные глаголы, обозначающие желание чего-либо:

*Ему **хотелось** быть все время с ней, **хотелось**, чтобы она была его матерью, и чтобы они никогда не выходили из кладовой, и чтобы она говорила ему «ух ты!», и снова трогала его, и снова говорила «ух ты!».*

Амаранта засмеялась, но, обучая детей читать, думала с тех пор о нем, и ей захотелось воскресить в себе ради него ту юную страсть, которую она испытывала к Пьетро Кресси [6];

– безличные глаголы, обозначающие стечение обстоятельств:

Однажды утром, после почти двухлетних скитаний, путешникам довелось стать первыми смертными, увидевшими западный склон горного хребта.

Но единственным, что ему удалось извлечь на белый свет, были покрытые ржавчиной доспехи пятнадцатого века – при ударе они издавали гулкий звук, как большая тыква, набитая камнями.

К концу первой недели им посчастливилось убить оленя, они изжарили его, но решили съесть половину, а остальное засолить и оставить про запас [Там же];

– безличные глаголы, обозначающие действие неизвестной силы:

Позже могилу обложили несколькими слоями кирпичей и насыпали все промежутки золой, опилками инегашеной известью, но от кладбища еще много лет разило порохом, пока инженеры банановой компании не покрыли могильный холм железобетонным панцирем.

Меме покорила вульгарность этого приема [Там же].

3. Прилагательные со значением состояния:

– краткие прилагательные, выражающие настроение, эмоциональное состояние:

Ты будешь счастлива.

Фернанда была так довольна покорностью дочери, так горда всеобщим восхищением, вызванным ее искусством...

Он не жалуется на правительство, напротив, он рад, что им не мешали спокойно расти, и надеется, что так оно будет и впредь... [Там же];

– прилагательные, дающие эмоциональную оценку событиям, людям, объектам:

... и в сопровождении **великолепной** похоронной процессии отправит в распоряжение червей.

Дети и взрослые с наслаждением сосали вкусных зеленых петиушков бессонницы, **превосходных** розовых рыбок бессонницы, сладчайших желтых лошадок бессонницы... [6].

4. Слова категории состояния:

– слова, выражающие душевное состояние человека, его эмоционально-психические переживания:

«Больше всего мне **обидно**, – смеялась она, – что мы столько времени потеряли даром» [Там же];

– слова, которые выражают отрицательную или положительную оценку какого-либо состояния или действия:

– **Это плохо**, – заметил полковник Геринельдо Маркес.

По лицу видно – он не жилец на этом свете [Там же].

– слова, имеющие модальное значение:

По убеждению Хосе Аркадио Буэндиа, вступить в соприкосновение с цивилизованным миром **можно** было, только двигаясь на север.

Когда Хосе Аркадио толкнул дверь спальни, она заскребла по неровному полу, и с этим ничего **нельзя** было поделать.

Макондо **нужно** сдать без сопротивления при условии, если будет гарантирована честным словом сохранность жизни и имущества либералов.

Надо его убить.

Действие ее **должно** было основываться на принципе ежедневного повторения всей суммы полученных в жизни знаний [Там же].

Анализ частотности употребления в романе Габриэля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества» лексем с семантикой состояния выявил, что наиболее продуктивной группой слов в рассмотренном произведении являются слова, выражающие физическое и психическое состояние человека. В отобранных примерах с лексемами, обозначающими различные состояния, преобладают слова, имею-

щие положительную коннотацию (*любовь, смущения, счастлива, рад, горда, довольна, великолепный, превосходный*) и отрицательную (*ненависть, злоба, обида, тоска, обидно, плохо*). Активно используются безличные глаголы, обозначающие психические состояния человека (*вздумалось, хотелось, захотелось*), поскольку данные лексемы характеризуют главных героев романа, людей, переживающих трагические, переломные моменты их жизни, моменты одиночества, и иллюстрируют взаимоотношения между людьми.

Достаточно употребимы в произведении безличные глаголы, обозначающие состояния, связанные с представлениями о судьбе, роке (*довелось, удалось, посчастливилось*), которые помогают читателям понять идею произведения. Одной из частотных групп является группа лексем, имеющих модальное значение. Так, например, лексическая единица *можно* имеет в романе 55 словоупотреблений, а *надо* – 25 словоупотреблений.

Таким образом, анализ произведения Габриэля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества» показал, что слова семантического поля «состояния» занимают важное место в данном романе, поскольку помогают выразить идею произведения, передать чувства и эмоции героев. Семантика слов со значением состояния богата и разнообразна.

Список литературы

1. Матханова И.П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2002.
2. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: Словообразование. Морфология: в 3 ч. – М., 1987.
3. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.
4. Диневич И.А. Лингвокультурологическое исследование слов категории состояния: монография / Курск. гос. техн. ун-т. – Курск, 2008. – 140 с.
5. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.
6. Маркес Г.Г. Сто лет одиночества. – М., 1967.

УДК 81` 26

И.А. Диневич, А.А. Бутакова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СОПОСТАВЛЕНИЕ МЕЖДОМЕТИЙ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье предлагается сопоставительный анализ междометий в русском и английском языках, а также предоставлены основные критерии, по которым происходит сравнение.

Ключевые слова: междометие, смысловая наполненность, речевой акт, варьирование, полисемия, раздел, подгруппа, психолингвистическая сторона, междометия-омонимы, семантика.

Междометие – это часть речи, включающая неизменяемые слова и словосочетания, обычно морфологически нечленимые и выступающие в речи как односоставные предложения, служащие для выражения чувств (радость, удивление, возмущение, раздражение, злость, боль, отвращение, недоумение и др.), ощущений, душевных состояний и других реакций, не называя их. Междометия тесно связаны со звукоподражанием и выступают как словасигналы, используемые для выражения требования, желания, побуждения к действию, а также для быстрого реагирования человека на различные события реальной действительности [1].

Междометия представляют собой неотъемлемую часть любого языка. Цель данной статьи – произвести сравнительный анализ употребления междометий в русском и английском языках. Основными критериями сравнения являются: определение смысловой наполненности, семантической составляющей, выявление психолингвистической стороны эмоционального поведения субъекта в момент речевого акта, типология междометий и др.

Как в русском, так и в английском языках междометия разделяются по лексико-грамматическим разрядам в зависимости от эмоционального состояния субъекта, условий, в которых происходит речевой акт (активность или пассивность, позитивная направленность или негативная, страх, удивление, сомнение и др.). Например, *Ok! Oh! Ah! Bravo! Hush! Hurrah!// Ок! Ох! Bravo! Ух! Уах!* выражают чувства радости, восхищения, удовлетворения, гордости. *For shame!// Стыдно!; Well done!// Молодец! Здорово!* в первом случае выражают презрение, чувство стыда, во втором – радость и похвалу [2].

По мнению М.Я. Блоха, междометиям в русском и английском языках присуще одинаковое семантическое тождество, которое отражается в вариантных значениях. Однако рассмотрение междометий должно происходить лишь в узкоограниченном круге инвариантности, поскольку план выражения междометия может допускать как фонетическое, так и морфологическое и синтаксическое варьирование. Например, междометиям *Эй!, Э-э-эй!, Ей!, Э-ге-гей!* в русском языке соответствуют междометия английского языка *Hallo!, Halloa!, Halloo!, Hello!, Hey!, Heigh!, Hegh!, Heh!, Hey-hey!, Ahey!*, однако в английском языке на данную группу междометий приходится большее число их вариативности [3, с. 40–43].

Со стороны семантики инвариантом в междометиях является эмоционально-оценочное значение, а со стороны структурного образа – относительно устойчивый инвариант структуры. Например, в русском языке *Гм...!* и *Нет!* – инварианты; междометия *Гм!, Хм!, Ммм...!, Мм-да...!, Н-да...!*, в английском языке – *Нет!, Нум!, Н'т!, Мт...!, М'yes! etc.* – узуальные.

При стабильной формальной структуре междометия также появляются семантические варианты, которые зависят от полисемии. Например, междометия *Эй!* (русский язык) или *Hey!* (английский язык) имеют общую функцию – стремление говорящего войти в контакт с реципиентом и имеют междометия-омонимы, характеризующие разные эмоциональные окраски: нейтральную, оттенки

удивления-восхищения или удивления-недоумения; негодование, раздражение. Происходит обращение к реципиенту на расстоянии, с целью привлечения его внимание.

Как считал М.Я. Блох, существуют лексико-семантические варианты одной смысловой группы, которые различаются в зависимости от особенности речи говорящих, их социальной принадлежности. Данные утверждения указывают на стилистическую дифференциацию синонимичных междометий. Например, в русском языке – междометия *Боже!* и *Мать честная!* или *Святители-угодники!*; междометие *God!* и *Gosh!* или *Gum!* – в английском языке [4, с. 89–90].

По мнению А. Вежбицкой, в русском и английском языках существуют три группы междометий, отвечающих за разные реакции-оценки на внешний мир: междометия эмоционального состояния, междометия эмоциональной оценки и междометия интеллективно-эмоциональной оценки.

Междометия, которые относятся к группе эмоционального состояния, в момент речевого акта можно подразделить на три подгруппы междометий, передающих эмоции: а) радости; б) негодования; в) страха и тревоги [5, с. 100-104].

Междометия группы эмоционально-оценочного отношения говорящего к предмету речи как в русском языке, так и в английском передают общую эмоциональную оценку фактов, поступков и явлений при положительной или отрицательной реакции у субъекта по какому-либо поводу. Сообразуясь с типом эмоционально-оценочной реакции у субъекта и характером ее проявления (активного или пассивного), группу междометия эмоционально-оценочного отношения можно подразделить в обоях языках на следующие три подгруппы:

1) междометия, передающие положительную эмоциональную оценку (в русском языке междометия *Здорово!*, *Ай да...!* и т.п. и в английском языке междометия *Go it!*, *I tell you! etc.*);

2) междометия, передающие отрицательную эмоциональную оценку (в русском языке междометия *Подумаешь!*, *Нечего ска-*

затя! и т.п. и в английском языке междометия *Hege you are!, Here's a go!, There now!*);

3) междометия, передающие отрицательную эмоциональную оценку при пассивной реакции у субъекта, т.е. в виде сожаления, разочарования, печали, тоски и т.п. (в русском языке междометия *уж – ау!, Увы и ах!, но – ах!* и в английском языке междометия *Tut-tut!, Alack, alack!*).

Междометия, которые относятся к группе интеллективно-эмоциональной оценки, обычно передают модально-логические оценки. В зависимости от типа модально-эмоциональной оценки, даваемой субъектом явлениям, фактам, поступками характера её проявления в речевой ситуации (контексте), группу можно подразделить на три подгруппы:

1) междометия, при которых оценка передается субъектом в виде согласия, подтверждения, утверждения или решительности в конечном ответе (в русском языке междометия *Была не была!, Еще бы!* и в английском языке междометия *Here goes!, I bet!*);

2) междометия, при которых оценка передается в виде несогласия, отрицания, отказа (в русском языке междометия *Вот еще!, Дудки!* и в английском языке междометия *Not likely!, Forsooth!, Not a half!*);

3) междометия, при которых оценка передается с колебаниями, сомнением, нерешительностью в конечном ответе (в русском языке междометия *Кто знает!, Гм!* и в английском языке междометия *God (who) knows!, M'yes!*) [3, с 189-101].

В зависимости от постоянных общих оттенков модальности в русском и английском языках следует выделить три группы междометий:

1) междометия апеллятивно-контактирующие, функция которых заключается в стремлении говорящего войти в контакт с реципиентом;

2) междометия апеллятивно-императивные, которые побуждают реципиента к действию или состоянию;

3) междометия апеллятивно-модальные, побуждающие к совершению или несовершению действия.

Алеллятивно-контактирующими являются междометия, которые служат для привлечения внимания реципиента субъектом в форме обращения, зова, призыва, оклика и т.п. при прямом или непрямом контакте. Междометия данного типа часто можно встретить в книжной речи, особенно в литературе художественного стиля речи. Например, междометия в английском языке *Hey!, Hello!, Hege,...!, eh?* имеют эквиваленты на русском языке *Эй!, Слышь (-ка)...!, а?!.* Заметим, что там также могут присутствовать и алеллятивно-императивные междометия, семой которых являются волевое воздействие и побуждение к действию или состоянию. Например, в английском языке междометия *Come!, Now!, Hushaby!, Behold!, Halloo!* имеют несколько эквивалентов на русском языке *Ну (-ка)!, Бай-бай!, Но-о-о!* [4, с. 103-120].

К группе апеллятивно-модальных междометий относятся междометия, семы которых как в русском языке, так и в английском способствуют появлению воли к совершению или несовершению действия реципиентом; согласию или несогласию с действием (состоянием) реципиента.

В зависимости от оттенков модальностей того или иного междометия, по мнению Г.А. Вейхмана, эту группу можно разделить на две подгруппы: 1) напутствие-ободрение эмоционально-оценочных оттенков одобрения, поощрения (в русском языке *Полно-полно!, Ну-ну-ну!* и в английском языке *Now, now!, Come, come!, Tut-tut!*); напутствие-неодобрение (сожаление) в форме утешения-предостережения с эмоционально-оценочными оттенками неодобрения, осуждения (в русском языке *Тьфу-тьфу!, Боже упаси!* и в английском языке *God forbid!, Fain(s)!*); 2) согласие, смирение, выражение покорности субъекта реципиенту или перед самим собой в форме клятвенного уверения (в русском языке *Ей-богу!, Вот те крест!, Право!* и в английском языке *Begad!, Upon my soul! etc.*); несогласие, отказ, раскаяние субъекта в форме клятвенного уверения, заверения реципиенту или самому себе, часто с эмоцио-

нально-оценочными оттенками неодобрения, возмущения (в русском языке *Убей меня гром!*, *Будь я проклят!* т.п., в английском языке *I'll be damned, if... !*) [4, с. 45-49].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что междометия в русском и английском языках имеют одинаковые лексико-грамматические разряды. Они наполнены семантикой, отвечают идентичным эмоционально-психолингвистическим условиям, могут иметь как положительную, так и отрицательную оценку, проявлять оттенки сомнения, утверждения, согласия или несогласия и др. Междометиям обоих языков характерны семантические варианты, которые зависят от полисемии. Следует отметить, что одной из аналогичных черт является семантическая дифференциация синонимичных групп междометий, которые проявляют себя в зависимости от состояния говорящего, его социального положения и способа передачи речи.

Список литературы

1. Современный русский язык [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-122.htm>.
2. Английские междометия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uchiyaziki.ru/index.php/enslovari/1070-russko-angliyskiy-slovar-megdoimeti-y>.
3. Блох М.Я. Вопросы изучения грамматического строя языка. – М.: МИР, 1976. – 135 с.
4. Вейхман Г.А. Новое в английской грамматике. – М.: Грамма, 2001. – 155 с.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 301 с.
6. Бархударов Л.С., Штеллинг Д.А. Грамматика английского языка. – М.: Грамма, 1973. – 206 с.

УДК 811.111-26

И.А. Диневич, И.С. Цвырова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ДЖЕН ЭЙР»)

В статье предпринимается попытка описать грамматические и лексические средства выражения модальности, характерные для английского языка, на материале произведения Ш. Бронте «Джен Эйр».

Ключевые слова: категория модальности, грамматические средства выражения модальности, лексические средства выражения модальности, категория наклонения, модальные слова, модальные глаголы.

Проблема номинирования категории модальности, несмотря на достаточно глубокую разработанность, по сей день является предметом научной дискуссии, требующим дополнения и уточнения. Поскольку данная категория является многоаспектным феноменом, то в лингвистической литературе высказываются различные мнения относительно лексического и грамматического наполнения и способов ее выражения. Большинство лингвистов, среди которых В.В. Виноградов [1], Н.С. Валгина [2], Е.В. Падучева [3], М.Я. Блох [4], под модальностью понимают отношение говорящего к содержанию высказывания, отношение последнего к действительности. Принято считать, что в понятие модальности входят градации значений в диапазоне «реальность – ирреальность»; противопоставление высказываний по характеру их коммуникативной установки; разная степень уверенности говорящего в достоверности формирующейся у него мысли о действительности. В связи с этим представляется возможным говорить о том, что модальность может реализоваться на грамматическом, лексическом и интонационном уровнях и иметь различные способы выражения.

В данной статье будут рассмотрены грамматические и лексические средства выражения модальности в английском языке. В качестве иллюстративного языкового материала возьмем предложения с модальными словами и конструкциями из романа Шарлотты Бронте «Джен Эйр». Выбор произведения обусловлен тем, что оно написано, что называется, «от первого лица» и содержит большое количество диалогов, которые, так или иначе, отражают субъективное отношение говорящего к высказыванию и действительности.

Грамматическими средствами являются модальные глаголы и формы наклонения. Модальные глаголы передают различные оттенки модальности, начиная с предположения, граничащего с уверенностью, и заканчивая предположением, в котором проявляется сомнение говорящего.

Лексическими средствами выражения модальности в английском языке являются модальные слова, относимые некоторыми лингвистами к самостоятельной части речи [5]. Вопрос о модальных словах был впервые поставлен русскими лингвистами в отношении русского языка [6]. В зарубежной лингвистике данный тип рассматривался в работах К. Аймера, Д. Фриборна, В. Робинсона, Р. Уорнера, М. Халлидея.

Одним из способов выражения модальности являются формы наклонения. По мнению И.П. Ивановой, наклонение – это морфологическая категория глагола, одно из средств выражения модальности. Модальность шире наклонения [7, с. 89].

Согласно трактовке Л.С. Бархударова [8], в английском языке следует различать два наклонения – изъявительное и повелительное, причем оппозиция этих наклонений проходит внутри категориальной формы непрошедшего времени. Форма повелительного наклонения является семантически интенсивной и выражает побуждение к действию. Форма изъявительного наклонения является семантически экстенсивной: ее конкретные значения реализуются только в конкретных контекстных условиях через различное лексико-синтаксическое окружение. Вместе с тем нельзя не отметить, что ведущим модальным значением этой формы является устанавливаемое говорящим соответствие содержания высказывания дей-

ствительности. В романе Ш. Бронте «Джен Эйр» находим такой пример модальной конструкции, выраженной изъявительным наклонением глагола:

Now, I'll teach you to rummage my bookshelves: for they are mine; all the house belongs to me, or will do in a few years / Я покажу тебе, как рыться в книгах. Это мои книги! Я здесь хозяин! Или буду хозяином через несколько лет.

Формы прошедшего времени исключаются из числа форм наклонения на том основании, что особенности их значения определяются синтаксическими условиями их употребления, а не морфологическим строением. Значение нереальности рассматривается как производное значение категориальной формы прошедшего времени [8].

Одну из интереснейших проблем современной лингвистической науки представляет рассмотрение модальных слов как части речи.

Модальные слова – это находящаяся сейчас в процессе оформления и развития часть речи. Она продолжает пополняться новыми словами, развивающимися из наречий, семантика которых может способствовать развитию абстрагированного значения субъективного отношения к высказыванию [9]. Модальные слова могут иметь значение предположения, сомнения, вероятности, уверенности говорящего.

В современном английском языке к модальным словам относятся четыре группы слов, которые подразделены в зависимости от выражаемого ими субъективного отношения к фактам реальной действительности. Многочисленные примеры употребления модальных слов, принадлежащих к данным группам, находим в произведении Ш. Бронте «Джен Эйр»:

1. Модальные слова, выражающие сомнение и предположение, неуверенность в достоверности сообщаемого: *maybe* (может быть), *perhaps* (возможно), *probably* (вероятно):

The refreshing meal, the brilliant fire, the presence and kindness of her beloved instructress, or, perhaps, more than all these, something in her own unique mind, had roused her powers within her / Быть

может, вкусный чай, яркое пламя камина, присутствие и ласка ее обожаемой наставницы были тому причиной, а может быть, сказались еще неизвестные мне черты ее своеобразной натуры, но в ней точно пробудились какие-то новые силы.

2. Модальные слова, выражающие одобрение или неодобрение: *fortunately* (к счастью), *unfortunately* (к сожалению), *luckily* (к счастью), *unluckily* (к несчастью), *happily* (к счастью), *unhappily* (к несчастью):

*Not a moment could be lost: the very sheets were kindling, I rushed to his basin and ewer; **fortunately**, one was wide and the other deep, and both were filled with water / Нельзя было терять ни минуты – уже тлели простыни. Я бросилась к тазу и кувшину. **К счастью**, оба оказались полны воды.*

3. Модальные слова, выражающие усиление: *really* (действительно):

*My heart **really** warmed to the worthy lady as I heard her talk; and I drew my chair a little nearer to her, and expressed my sincere wish that she might find my company as agreeable as she anticipated / Мне стало тепло на сердце от слов этой достойной старушки; я придвинула свое кресло поближе к ней и высказала искреннее пожелание, чтобы мое общество оказалось для нее таким приятным, как она надеялась.*

4. Модальные слова, выражающие уверенность, достоверность сообщаемого: *of course* (конечно), *surely* (конечно), *evidently* (очевидно), *obviously* (очевидно), *no doubt* (без сомнения), *naturally* (естественно):

*«Silence! This violence is all most repulsive:» and so, **no doubt**, she felt it. I was a precocious actress in her eyes; she sincerely looked on me as a compound of virulent passions, mean spirit, and dangerous duplicity / – Молчи! Такая несдержанность отвратительна! Я и в самом деле была ей отвратительна. Она считала меня уже сейчас опытной комедианткой; она искренне видела во мне существо, в котором неумеренные страсти сочетались с низостью души и опасной лживостью.*

В пределах каждой группы модальные слова близки между собой по значению, но в то же время каждое из них выражает свои оттенки или отличается по своему употреблению в речи от других модальных слов той же семантической группы [9, с. 183].

Подсчитав все случаи употребления автором слов, относящихся к числу модальных, получим следующую таблицу:

Слово на английском языке	Перевод на русский язык	Количество случаев употребления слова
certainly	конечно	28
indeed	действительно	99
perhaps	возможно	84
happily	к счастью	4
unhappily	к несчастью	0
of course	конечно	29
evidently	очевидно	20
maybe	может быть	0
luckily	к счастью	0
unluckily	к несчастью	1
no doubt	без сомнения	33
naturally	естественно	17
probably	вероятно	36
fortunately	к счастью	7
unfortunately	к сожалению	2
surely	конечно	14
obviously	очевидно	1
possibly	возможно	8
apparently	по-видимому	12
really	действительно	40
assuredly	конечно	1
actually	на самом деле	10
undoubtedly	несомненно	1
in fact	на самом деле	3
in truth	действительно	6
specifically	в частности	0

Модальные слова стоят в особом отношении к предложению. Они не являются его членами, так как, давая оценку всей ситуации, изложенной в предложении, они оказываются как бы вне предло-

жения. Выполняя функцию вводного члена предложения, модальное слово может занимать место в начале предложения, в середине и иногда в конце предложения [6, с. 164-165].

Модальные глаголы являются одним из основных способов выражения модальности в английском языке. В группу модальных глаголов входит небольшое число глаголов, выделяющихся среди всех остальных целым рядом характерных особенностей в значении, употреблении и грамматических формах. Они не имеют ни одной собственно глагольной грамматической категории (вида, временной отнесенности залога); у них могут быть лишь формы наклонения и времени, являющиеся показателями сказуемого. В силу этого, а также в силу отсутствия у них непредикативных форм (инфинитива, герундия, причастий), модальные глаголы стоят на периферии глагольной системы английского языка [10].

К числу модальных глаголов обычно относят глаголы *can, may, must*. Эквивалентами модальных глаголов являются глаголы *have to, be able to, ought to, shall, will, should*. По роли в предложении модальные глаголы являются служебными. Они обозначают возможность, способность, вероятность, необходимость совершения действия, выраженного смысловым глаголом. Поскольку они выражают лишь модальное отношение, а не действие, они в качестве отдельного члена предложения никогда не употребляются. Модальные глаголы всегда употребляются только с инфинитивом, образуя сочетания, которые в предложении является сложным модальным сказуемым [11].

Модальные глаголы *must, should, ought, will-would, can-could, may-might, need* могут выражать различные оттенки предположения. Зачастую глаголы *can* и *may* специализируются на передаче возможных, предполагаемых действий. Такие случаи употребления модальных глаголов также встречаются в романе «Джен Эйр»:

«*Then I think I shall go to bed, for it is past twelve o'clock; but you may call me if you want anything in the night*» / – Тогда я, **пожалуй**, лягу, уже первый час; но вы меня кликните, если вам ночью что понадобится.

Глаголы же *must, should, might*, помимо значения долженствования, передают и предполагаемые, вероятные действия, тесно со-

прикасясь, таким образом, со значением вводных слов, таких как *perhaps* (возможно), *possibly* (возможно), *probably* (вероятно), *certainly* (конечно):

She must be eight or nine years old / Ей ведь, должно быть, лет восемь или девять?

Примечательно то, что в рассматриваемом произведении модальные глаголы в предложениях переводятся на русский язык модальными словами. Это подчеркивает связь лексических средств передачи модальности с грамматическими.

Таким образом, в современном английском языке существует множество различных способов выражения модальности. На примере романа Шарлотты Бронте «Джен Эйр» нами были рассмотрены некоторые из них. В частности, грамматические средства, к которым относятся модальные глаголы, передающие различные оттенки модальности, и формы наклонения, выполняющие соответствующую функцию, а также лексические средства, в число которых входят модальные слова, выделяемые многими лингвистами в самостоятельную часть речи.

Список литературы

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 53–87.
2. Валгина Н.С. Теория текста. – М., Логос, 2003. – 173 с.
3. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. – 6-е изд., испр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
4. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: учеб. – 2-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2002. – 160 с.
5. Хорнби А.С. Конструкции и обороты английского языка / пер. с англ. А.С. Игнатьева. — М.: АО «Буклет», 1992. – 336 с.
6. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка: учеб. по курсу теоретической грамматики для студентов педагогических институтов (на английском языке). – Л.: Просвещение, 1971. – 366 с.

7. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почечов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1981. – 285 с.

8. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. – М.: Высш. шк., 1973. – 342 с.

9. Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. – М.: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1956. – 350 с.

10. Резник Р.В., Сорокина Т.С., Казарицкая Т.А. Английский язык: 90 основных правил английской грамматики с упражнениями для школьников и поступающих в вузы. – М.: Дрофа, 1999. – 304 с.

11. Dooley J., Evans V. Grammarway 3. – Newbury: Express Publishing, 2000. – 216 p.

12. Бронте Ш. Джен Эйр / пер. с англ. В. Станевич. – М.: Правда, 1988. – 507 с.

УДК 81'22

И.А. Диневич, Е.С. Яковлева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭТИЧЕСКОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье представлен анализ особенностей функционирования эмоциональной лексики (на материале поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка).

Ключевые слова: эмоциональная лексика, эмоции, экспрессивность, эмоциональность, эмоциональная окраска, синонимы, стилистика, национальный корпус.

Антропоцентрическая парадигма мировой науки ставит перед учеными-лингвистами чрезвычайно интересную задачу исследова-

ния сложной и многоаспектной природы эмоций. Эмоции выражают отношение человека к миру, происходящим в нем событиям, как и язык, они являются неотъемлемой частью личности. Действительно, коммуниканты используют в своей речи эмоционально окрашенные слова для придания своей речи особой выразительности и усиления влияния на собеседника. Изучением эмоций занимались такие ученые, как Л.Г. Бабенко, А.А. Зализняк, Е.Ю. Мягкова, В.И. Шаховский и др. Несмотря на то, что в языкознании множество исследований посвящено изучению роли эмоций в языке, все ещё остаются актуальными проблемы классификации, определения, теоретического обоснования функционирования эмоциональных лексем в разных языках.

Как отмечает В.И. Шаховский, «любая языковая личность знает, что такое эмоция, но ее научная дефиниция еще никому не удавалась из-за расплывчатости самого концепта, принадлежащего ряду смежных с лингвистикой наук» [1]. Шаховский В.И. придерживается интуитивного определения эмоций как «...наивного понимания эмоций как специфической формы человеческого отношения к миру и к себе в этом мире, а также его языкового отражения в лексиконе и речевой деятельности человека» [Там же]. Эмоции, как психологические состояния, являются компонентом лексики, они закрепляются за словами и хранятся в памяти носителей языка, обеспечивая эмоциональную функцию языка. «Экспрессивная (эмотивная) функция языка – назначение языка выступать как средство выражения чувств и эмоций человека, его внутреннего состояния» [2].

На лексическом уровне экспрессивность и эмоциональность получают свое воплощение в добавлении к «номинативному» основному значению слова особых стилистических оттенков. Например, вместо семантически нейтральной лексемы *плохо* мы можем употребить следующие эмоционально окрашенные синонимы: *ужасно, скверно, кошмарно, отвратительно* и т.д.

Голуб И.Б. в работе «Стилистика русского языка» в составе эмоциональной лексики рассматривает три разновидности эмоционально-оценочного значения у слов:

1. Слова с ярким оценочным значением, как правило, однозначные слова характеристики и оценки признаков и действий (*пустомеля, нерукотворный, допотопный, лучший*).

2. Многозначные слова, обычно нейтральные в основном значении, но получающие яркую эмоциональную окраску при метафорическом употреблении (*шляпа, пилорама, змея, шипеть*).

3. Слова с суффиксами субъективной оценки, передающие различные оттенки чувства: положительные эмоции (*сыночек, солнышко, бабуля, аккуратненько, близехонько*), отрицательные эмоции (*бородища, детина, казенщина*). Эмоциональную окрашенность этих слов обуславливают не номинативные свойства слова, а словообразование [3].

Объединяя близкие по экспрессии слова в лексические группы, И.Б. Голуб выделяет слова, выражающие положительную оценку называемых понятий, и слова, обозначающие их отрицательную оценку. Однако следует отметить тот факт, что эмоциональная информация не присуща всем типам текстов. Так, например, ее нет в деловых документах, законах, научных текстах. В большом объеме эмоциональная лексика содержится в художественных и публицистических текстах. Актуально в данной связи высказывание В.И. Шаховского: «Вся художественная литература является депозитарием эмоций: она описывает эмоциональные категориальные ситуации, вербальное и авербальное эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоций, в ней запечатлен эмоциональный видовой и индивидуальный опыт человека, способы его эмоционального рефлексирования» [1]. Изображение чувств в художественном тексте требует особых эмоционально окрашенных слов: чтобы подобрать слово, максимально соответствующее замыслу, поэты, авторы часто используют синонимы.

В рамках данного исследования с целью определения тенденции к употреблению слов, имеющих положительную эмоциональную оценку для носителей языка, был выбран синонимический ряд лексемы *веселый*: *ликующий, радостный, жизнерадостный, отрадный, праздничный, живой, резвый, беспечальный, неунывающий, оптимист; весельчак* [4].

В Национальном поэтическом подкорпусе русского языка были рассмотрены лексемы данного ряда, создающие отчетливые и устойчивые образы с положительной стилистической оценкой в подсознании русскоговорящих людей.

Лексема *веселый* имеет 1128 словоупотреблений:

*Пиротехники взрывчатой
Искры, сполохи, звон,
И **веселый**, пупырчатый
С красной пастью дракон!*

(И.В. Елагин. Чайна Таун! Экзотика!.. 1976.)

*А за окном **веселый** детский крик
И колокол по ком-то мерно плачет...*

(Л.А. Алексеева. Из тьмы бездонной на короткий миг... 1920-1980.)

Веселый – главное слово, образующее синонимический ряд, его стилистическая окраска положительна, наибольшее количество примеров обусловлено его центральностью по отношению к другим синонимам.

Лексема *радостный* имеет 360 словоупотреблений:

*Мы / еще / услышим по странам миров
революций **радостный** топот.*

(В.В. Маяковский. Спросили раз меня: Вы любите ли НЭП? 1922.)

*«Пора спать ложиться!»
Радостный хохот
В лице пробежал.*

(В.В. Хлебников. Сумрак серый, сумрак серый... 1921.)

В стиле речи футуристов *радостный* проецируются на стилистически нейтральный синоним, создавая настроение высшей степени веселья.

Лексема *ликующий* имеет 63 словоупотребления:

*Так пьян и нежен летний аромат,
Так сонно-сухи солнечные ветки,*

*Что первых строк ликующий отряд
Летит в пылу лирической разведки*

(Л.А. Алексеева. Полдень. 1971-1980.)

Ликующий относится к торжественному стилю речи, создает торжественно-веселое ритмичное настроение стихотворения.

Лексема *отрадный* имеет 132 словоупотребления:

*Но, отгоняя сумрак жадный,
вот песня вспыхнула в тиши,
гори, гори, костер **отрадный**,
шинели наши осуши.*

(В.В. Набоков. Костер. 1924. 26 нояб.)

Благодаря использованию лексемы *отрадный*, усиливается смысловой и экспрессивный оттенок, нейтральное *веселый* заменяется «домашним» *отрадный*.

Лексема *праздничный* имеет 89 словоупотреблений:

*Я завещаю вам шиповник,
Весь полный света, как фонарь,
Июньских бабочек письмовник,
Задворков **праздничный** словарь.*

(А.А. Тарковский. Шиповник. 1962.)

Праздничный – сделанный для праздника и веселья; лексема описывает состояния веселья и радости.

Лексема *резвый* имеет 139 словоупотреблений:

*Сегодня **резвый** паренек
в каком-то диком состоянье
пустил под самый потолок
то бессловесное созданье.*

(Я.В. Смеляков. За дверью слышен быстрый смех... 1953-1955.)

Резвый воспринимаются как сопоставление с образующей синонимический ряд лексемой *веселый*, в контексте подчеркивает молодость героя.

Лексема *неунывающий* отмечена 3-мя словоупотреблениями:

*А ты, испытанный годами,
Неунывающий боец,
Ты, убеленный сединами,
Венчанный славою певец.*

(К.Р. А.А. Фету. 1887. 29 марта.)

Лексема употребляется преимущественно при характеристике человека, веселого, жизнерадостного, выбранная лексема производит большее стилистическое впечатление, чем нейтральная.

Лексема *живой* имеет 1682 словоупотреблений:

*Это ложная весть, ибо я не погиб,
Я по-прежнему где-то живой,
Но неслышными стали земные шаги
В нерушимой тиши гробовой...*

(В. Блаженный. Рассыпается плоть на частицы души... 1984.)

*Суждены тем минутам приметы
Несказанной живой простоты,
Пред которой немеют поэты,
Говорят облака и цветы...*

(Вс. А. Рождественский. Я сроднился с последней тревогой... 1975.)

Частотность употребления лексемы *живой* обусловлена ее многозначностью; так в первом примере *живой* – «обладающий жизнью», тогда как во втором семантика ближе к центральному слову синонимического ряда *веселый*.

Лексема *весельчак* имеет 32 словоупотребления:

*Вечно трубочкой дымил он,
Говорун и весельчак.*

(А.Т. Твардовский. Ивушка. 1938.)

*Лей да лей, не жалея учености,
Весельчак ты мой, висельченок!*

(М.И. Цветаева. Поскорее бы с тобою разделаться... 1919.)

Лексема *весельчак*, относящаяся к имени существительному, является стилистическим синонимом *веселый*, подчеркивает эмоционально-родственное отношение автора к герою.

У лексем *оптимист* отмечено 7 словоупотреблений:

*Так на небо глядел передвижник,
Оптимист и искусства подвижник.*

(Г.В. Иванов. Летний вечер прозрачный и грузный... 1951.)

*И правы мрачный фаталист
И всем довольный оптимист...*

(А.И. Полежаев. Узник. 1828.)

Оптимист – заимствованное слово – также является стилистическим синонимом, выполняющим функцию противопоставления, раскрывающую значение в контексте с иноязычным *фаталист*.

Итак, многочисленные исследования эмоционально-экспрессивных оттенков лексем, актуальные в последнее время в связи с развитием коммуникативно-когнитивного подхода и антропоцентрической парадигмы в языкознании, породили большой спрос на описание различных эмотивных лексем в лингвистике. Количественный анализ словоупотреблений лексем синонимического ряда к слову *веселый* показал, что наиболее продуктивной является лексема *веселый* (1128); частотность использования лексем *живой* (1162) обусловлена многозначностью слова, употребляемого не только с положительной оценкой радости, но и в значении «обладающий жизнью». Слова *радостный* (360), *ликующий* (63), *отрадный* (132), *праздничный* (89), *резвый* (139), *неунывающий* (3) имеют эмоциональную составляющую удовольствия, и в рамках стилистического редактирования текста автор выбирает наиболее эмоциональный вариант для каждой конкретной ситуации. Некоторые же лексем, например слова *весельчак* (32) и *оптимист* (3), не имеют в сознании носителей русского языка полной синонимической близости и тождества, однако обе лексем несут положительную оценку, являясь функционально-речевыми синонимами.

Стилистически обоснованный отбор лексем синонимического ряда усиливает экспрессию в речи персонажа, делает ее оригинальной, способствует раскрытию психологического образа персонажа, описывая и акцентируя внимание читателя на эмоциях, испытываемых героем. Развитию эмоционально-экспрессивных оттенков в слове благоприятствует метафоризация, т.е. у слова могут наблюдаться дополнительные экспрессивные оттенки, порой противоположные изначальному.

Список литературы

1. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 192 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010.
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Рольф: Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
4. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/>.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

УДК 81'22

К.Д. Зацепина¹, С.Д. Рохманов²

МГТУ имени Н.Э.Баумана¹, школа № 121, Москва²

ПАРОДИЯ В ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»

В статье, посвященной повести М.А.Булгакова «Собачье сердце», пародия рассматривается как прием создания комического. Определены основные предметы пародии и функции пародирования в тексте.

Ключевые слова: комическое, пародия, речевой комизм.

В XX веке проблемой комизма занимались М.М. Бахтин, Ю. Борев, Б. Дземидок, В.Я. Пропп и многие другие. В их трудах были разработаны теории комического и представлены классификации видов комического.

Выделяется несколько видов комизма: комизм сходства, комизм отличий, комизм положений и др. Предметом нашего рассмотрения будет речевой комизм, или языковые средства комизма. Связывая процесс речи с процессом мышления, В.Я. Пропп писал: «Язык комичен не сам по себе, а потому, что он отражает некоторые черты духовной жизни говорящего, несовершенство его мышления» [1, с. 114]. Разновидностей речевого комизма очень много, среди них можно назвать алогизм, каламбур, иронию, обесмысленный звуковой ряд, повторное убожество речи, столкновение разных стилистических пластов и др.

В повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» речевой комизм очень ярок. Это произведение было написано в 1925 году, но впервые появилось в печати только в 1968 году в лондонском журнале «Студент». До этого повесть была запрещена цензурой из-за высмеивания идеологии и реалий советской жизни.

Одним из основных средств создания комического в повести является пародия. В Краткой литературной энциклопедии можно найти следующее определение этого термина: «**ПАРО́ДИЯ** (греч. *παρωδία*, букв. – перепев; комич. переделка) – жанр лит.-худож. имитации, подражание стилю отд. произведения, автора, лит. направления, жанра с целью его осмеяния. Автор П., сохраняя форму оригинала, вкладывает в нее новое, контрастирующее с ней содержание, что по-новому освещает пародируемое произв. и дискредитирует его».

Возникает пародия, прежде всего, во внутреннем монологе бездомного пса Шарика. В данном случае субъект речи не ощущает пародийность и комизм произносимых им монологов, поэтому восприятие этих фрагментов текста как пародии тесно связано с задачей автора.

Голодный и бесприютный пес наделяется автором многими человеческими качествами и мышлением, очень похожим на человеческое. Пес рассуждает, анализирует и часто даже стремится

сделать свою речь изящной. Томашевский Б.В. писал, что «пародичность достигается несоответствием стиля и тематического материала речи» [2, с. 27]. Именно таким образом возникает комический эффект в речи Шарика. Происходит столкновение разных стилистических пластов, и возникает пародия на образный, выразительный язык культурного и образованного человека. Например, в предложении «Бок болит нестерпимо, и даль моей карьеры видна мне совершенно отчетливо: завтра появятся язвы...» [3, с. 92] образное и предполагающее обширную профессиональную деятельность выражение вступает в противоречие с низкой сферой контекста этого высказывания.

Пафосом пронизан внутренний монолог, произнесенный Шариком в ожидании расплаты за разбитые стекла в смотровой: «Спасибо, кончено... Прощай, Москва! Не видать мне больше Чичкина и пролетариев и краковской колбасы. Иду в рай за собачье долготерпение» [Там же, с. 100]. Это прощание, выдержанное в высокой тональности, но содержащее трагедийный перечислительный ряд, становится пародией на величественные моменты прощания с жизнью трагических героев.

Попытки Шарика выразить свои мысли красиво часто находят отражение в описаниях природы или интерьера комнаты. Кабинет Филиппа Филипповича передан через восприятие Шарика: «Прежде всего он весь полыхал светом: горело под лепным потолком, горело на столе, горело на стене, в стеклах шкафов» [Там же, с. 101]. В повторяющемся глаголе прошедшего времени теряется переносное значение, и описание становится нелепым и смешным. Подобное впечатление возникает и в тавтологическом сочетании «завинтило снежным винтом», в котором описывается положение барышни во время метели. Стремление к образности оборачивается речевой ошибкой.

Обширный пласт в повести представляют фрагменты текста, пародирующие процесс мышления человека. Это проявляется в отборе и анализе фактов действительности. Ежедневной задачей Шарика является добывание себе пищи, поэтому все явления он воспринимает с гастрономической точки зрения. Вкусовые ощущения

тесно связаны с обонянием, сильно развитым у собаки. Шарик по своему оценивает вкусовые качества тех или иных продуктов: «Пожарные ужинают кашей, как вам известно. Но это – последнее дело, вроде грибов. Знакомые псы с Пречистенки, впрочем, рассказывали, будто бы на Неглинном в ресторане “Бар” жрут дежурное блюдо – грибы, соус пикан по 3 р. 75 к. порция. Это дело на любителя – все равно что калошу лизать...» [3, с. 92]. Люди оцениваются по качеству их обычной пищи. Незавидное материальное положение машинистки определяется ее неспособностью позволить себе вкусное и здоровое питание: «Дрожит, морщится, а лопают. Подумать только: 40 копеек за обед из двух блюд, а они, оба эти блюда, и пятиалтынного не стоят, потому что остальные 25 копеек завхоз уворовал» [Там же, с. 93]. О Филиппе Филипповиче у Шарика складывается другое впечатление: «Да, да, у этого все видно. Этот тухлой солонины лопать не станет, а если где-нибудь ее ему и подадут, поднимет такой скандал, в газеты напишет: меня, Филиппа Филипповича, обкормили» [Там же, с. 94].

У Шарика есть своя классификация поваров. Вспоминая покойного повара Власа, благодетеля многих голодных псов, Шарик сравнивает его с поварами действующих столовых: «Царство ему небесное за то, что был настоящая личность, барский повар графов Толстых, а не из Совета нормального питания» [Там же, с. 93]. Он ценит щедрость и милосердное отношение Власа к животным.

В рассуждениях пса отражаются представления о людском обществе, намечается образ собачьего общества («знакомые псы с Пречистенки», «говорят старые псы»), делаются выводы, накапливается опыт, формируется мировоззрение. Но глубокомысленные выводы Шарика, сделанные на основе кулинарных пристрастий, становятся пародией на процесс человеческого мышления.

В тексте повести пародируется процесс освоения азбуки самоучкой. Шарика, можно сказать, жизнь заставила освоить грамоту. Из-за цвета вывески пес спутал мясной магазин с магазином электрических принадлежностей. После этого он стал анализировать форму и расположение букв: «... припомнил, что на всех мяс-

ных первой слева стоит золотая или рыжая раскоряка, похожая на санки. Далее пошло еще успешней. “А” он выучил в “Главрыбе” на углу Моховой, а потом и “Б” – подбегать ему было удобнее с хвоста слова “рыба”, потому что при начале слова стоял милиционер» [3, с. 97]. Комический эффект возникает здесь из-за отбора необычных фактов, способствовавших процессу обучения.

Комичен и вывод, пародирующий распространение грамотности в людском обществе: «Из сорока тысяч московских псов разве уж какой-нибудь совершенный идиот не сумеет сложить из букв слово “колбаса”» [Там же, с. 97]. Таким образом, в повести представлены различные типы пародийных контекстов.

Ведущей пародией в тексте «Собачьего сердца» является пародия на формирование нового типа человека при советском строе. Благодаря операции профессора Преображенского появляется новое человекообразное существо. Несмотря на то, что профессор ставил перед собой задачу улучшения природы животного, оно стало агрессивным, тупым человеком, эволюционировавшим физиологически, но нравственно и интеллектуально оказавшимся, возможно, ниже пса. Операция Преображенского является пародией на опыт большевиков, стремящихся сформировать идейного, справедливого, честного представителя пролетариата, но получивших бескультурного, наглого, хамоватого и недалекого человека.

В описании процесса образования и формирования нового человека возникает и христианская, и научная модель. Собака превращается в человеческую особь вследствие операции, происходящей в ночь на 24 декабря и описанной как священнодействие. В смотровой Шарика поражает «невиданное освещение». Филипп Филиппович тоже буквально преображается: «В белом сиянии стоял жрец и сквозь зубы напевал про священные берега Нила... Подстриженная его седина скрывалась под белым колпаком, напоминающим патриарший куколь; божество было все в белом, а поверх белого, как епитрахиль, был надет резиновый узкий фартук» [3, с. 119]. Обилие белого цвета, который является символом чистоты, новой жизни, света, создает ощущение торжественности,

чего-то необыкновенного. Сходство облика профессора с жрецом, священнослужителем подготавливает читателя к дальнейшим тайным и неслышанным действиям в сюжете повести.

Перед операцией профессор говорит: «Ну, Господи, благослови. Нож» [3, с. 121]. В сочетании слов молитвы и орудия убийства возникает комическое несоответствие первых слов, которые произносятся обычно перед совершением благого, богоугодного дела, и слова, семантика которого связана с угрозой миру и покою.

Во время операции Преображенский «одним приемом навел на лбу Шарика красный венец» [Там же, с. 122]. Красный венец содержит важную христианскую символику: он ассоциируется со страданиями Иисуса Христа и святых великомучеников. Шарик как бы готовится к мученической миссии в своей новой ипостаси, но в контексте будущих событий, когда Шариков станет сам во многом мучителем, это превращается в пародию.

Наряду с символикой священнодействия, в описании операции немало и знаков преступления. Торжественность и величественность соседствуют со страхом, подлостью, стыдом перед нечистотой поступка. Шарик ощущает беспокойство еще задолго до операции: «В этот ужасный день еще утром Шарика кольнуло предчувствие» [Там же, с. 117]. Глядя в глаза своих хозяев, Шарик видит в них новое выражение: глаза Борменталья – «обычно смелые и прямые, ныне они бегали во все стороны от песьих глаз. Они были настороженные, фальшивые, и в глубине их таилось нехорошее, пакостное дело, если не целое преступление» [Там же, с. 119]. Позже Шарик замечает, что «у Зины стали такие же мерзкие глаза, как у тятнутого» [Там же, с. 119].

Операция совершается быстро, холодно, напряженно. На лицах профессора и ассистента отражается жестокость и ярость, захватившие их в процессе работы. Движения их напоминают поведение убийц: «Зубы Филиппа Филипповича сжались, глазки приобрели остренький колючий блеск, и, взмахнув ножичком, он метко и длинно протянул по животу Шарика рану... Борменталь набросился хищно, стал комьями марли давить Шарикову рану... Затем оба заволновались, как убийцы, которые спешат» [3, с. 121].

Выражение лица профессора напоминает «вдохновенного разбойника». Несмотря на то, что операция чрезвычайно сложна, драматична, страшна, гиперболизация ярости хирургов свидетельствует о пародийности описания.

С 24 декабря (Католическое рождество) по 7 января (Православное рождество) происходит эволюция пса: он превращается в человека. 8 января, как следует из дневника доктора Борменталья, Преображенский устанавливает полное очеловечение. Становление нового человека соотносится по времени с рождением Христа. Полубожественная и получеловеческая природа Христа пародируется в повести получеловечьим и полусобачьим происхождением Шарикова.

Таким образом, пародия является одним из важнейших комических приемов в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце». Писатель использует пародию в тексте повести, чтобы подчеркнуть сходство и различие восприятия окружающей действительности персонажами повести, выявить истинное и ложное в поведении героев повести, обозначить острый комизм происходящего.

Список литературы

1. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М.: Лабиринт, 1999.
2. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.; Л.: Госиздат, 1931.
3. Булгаков М.А. Дьяволиада: Повести, рассказы. – М.: Радио и связь, 1991.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1965.
5. Борев Ю.Б. Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. – М.: Искусство, 1970.
6. Дземидок Б. О комическом. – М.: Прогресс, 1974.

УДК 800.732: 82-1:882

Т.В. Коростелева

Гуковский институт экономики и права (филиал) ФГБОУ ВПО
«РГЭУ (РИНХ)»

ДИНАМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И АРХАИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

В XX веке из активного словаря русского языка устранялись лексические единицы с актуальным денотативным содержанием, которые не были заменены современными синонимами. В языке происходит регулярный возврат к прежним формам номинации, если они оказываются по какой-либо причине актуальными в новых лингвокультурных условиях.

Ключевые слова: архаизмы, историзмы, языковая система, узус.

В русском языке на протяжении всего XX века происходило устранение из активного словаря лексических единиц с актуальным денотативным содержанием, которые не были заменены современными синонимами. Этот процесс называли «иссушающим обеднением» русского языка.

К устаревшей лексике примыкают слова, обладающие хронологической отмеченностью. В словарях они соответствующим образом маркируются: *аутодафе* – ‘**в средние века**’: публичное сожжение еретиков, еретических сочинений по приговорам инквизиции’. Будучи неактуальными с точки зрения современных реалий, они остаются в языке, во-первых, благодаря своей культурной значимости, во-вторых, благодаря возможности переосмысленных, прежде всего метафорических употреблений [1, с. 30]: *Быть может, заката костер черно-красный / Мне готовит жестокое аутодафе* (Э. Межелайтис. Голос пустыни).

Поскольку носители языка являются свидетелями процесса устаревания культурно значимых слов, в обществе неизбежно формируются идеи «спасения» лексического богатства языка. Кронгауз М.А. ввел в свою книгу «Русский язык на грани нервно-

го срыва» [2] раздел «Спасатели слов», где пишет об опыте Бернара Пиво, который пытается «выследить» уходящие французские слова.

В современной лингвистике для обозначения перехода слов в разряд устарелых используется термин «архаизация». Механизм процесса архаизации заключается в следующем: наблюдается наличие в языке как равноправных вариантов (стадия безразличного варьирования), так и вариантов стилистических. А «...исторически стилистико-вариантное мышление шло не от материала, не от самих вариантов, а от дедуктивных представлений о трех стилях, в основу разграничения которых были положены неязыковые признаки» [3, с. 31].

Затем это варьирование превращается в контрастивное из-за расширения функциональной сферы одного из вариантов за счет сужения сферы другого. У другого меняется его статус в языке: сокращается число употребляющих этот вариант как нейтральный, растет число употребляющих его как осознаваемо устаревший. Данный вариант смещается к периферии языка, сужается круг его потенциальных контекстов. Наконец архаизм закрепляется на периферии языка либо меняет свое категориальное качество. Причем последний этап следует рассматривать как период «консервации», а не «забвения», поскольку у любого архаизма есть шанс вернуться к жизни даже спустя много веков.

Аксиоматичным является положение о том, что лексика есть самый динамичный языковой ярус, наиболее подверженный социальным воздействиям. Эти особенности лексического уровня прекрасно иллюстрируются примерами языка русских писателей-эмигрантов. Так, Г. Газданов использует слово своей молодости (он эмигрировал в 16 лет) – *аэроплан*. Все его герои (даже в 1968 году, когда написан роман «Эвелина и ее друзья») летают на аэропланах, а не на самолетах: *Оказывается местность, где стояла его часть, не подходила для сбрасывания с английских аэропланов оружия. Их можно научить спокойно стоять под артиллерийским или аэроплановым обстрелом, из них можно сделать парашютистов* (На французской земле). В текстах Газданова встречаются грамматические архаизмы – формы типа *фильма, зала* – ж.р. У Г. Газда-

нова, таким образом, это пример выражения, соответствующего системе, но не совпадающего с узусом и нормой. Ср.: «Норма связывается с выбором варианта из тех, что дает система языка» [4, с. 19]. Кроме того, Э.Г. Куликова отмечает: «Тропы и фигуры традиционно образовывали систему полезных отклонений от нормы, “антинорму” античной и средневековой теории» [5, с. 41]. Понятно, что для писателя-эмигранта такие несовпадения неизбежны. Хорошо известно, что социальные процессы оказываются решающим фактором, определяющим судьбы тех или иных пластов лексики.

В неблагополучном состоянии языковой среды и духовной деградации видят глубинные причины оскудения словарного запаса языка. На всем протяжении XX века шло сокращение слов с элементами *бogo-*, *благо-*, *добро-*, получивших в новых словарях помету *дореволюц.* и *иронич.* или изменивших своё значение.

Процессы архаизации словарного состава продуктивно рассмотреть в контексте идей современной лингвистической экологии (или экологии языка).

Ключевые категории языковой экологии – деградация и реабилитация. Необходимо отслеживать опасные симптомы деградации языка, противодействовать им и обеспечивать выживание языка, способствуя его устойчивому развитию и поддерживая разнообразие. Как пишет М.Н. Эпштейн [6], в России в XX веке понесло страшные убытки не только ее население, но и язык: лингвосфера сокращалась одновременно с демосферой и примерно такими же темпами. Поражают масштабы сокращения тех словообразовательных гнезд (**добро** и **зло**), которые веками наращивались вокруг самых «мировоззрительных» корней языка. С основой «**добр**» в СУ осталось 42 слова (195 – у В.И. Даля), с основой «**зло**» – 82 в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова (286 – у В.И. Даля). В последующие советские десятилетия эти гнезда редели и дальше, но уже ненамного: основное богатство было утрачено за двадцать послереволюционных лет. Утрачены были важнейшие слова, связанные с этическими представлениями: *добродумный*, *добродумчивый*, *добромысливый*, *добромысл*, *добромыслие*, *доброплодие*, *доброплодный*, *добродей*, *добродейка*, *добролюбие*, *добротолубие*,

добролюбивый, добролюбец, добромужественный, добропослушный, доброрадство, добрословие, добрословить, добротворение, добротворный, злоимный, злоимчивый, злоумие, злоумный, злоумствовать, зломудрие, зломудрый, зломудрствовать, злострастие, злострастный, злотворный, злотворство, злотворение, злосовестный, злосоветный, злосоветник, злославный, злославить, злообразный, зловольный и мн. др.

Интересно, что образования от этих двух корней асимметрично сохранились: есть слова *злодей, злорадство* и *злословить*, но *добродей, доброрадство* и *добрословить* утратились, хотя очевидно, что *доброрадство* ('способность радоваться чужому добру') передавало чрезвычайно важное этическое понятие (ср. сохранившееся *злорадство*). Как замечает М.Н. Эпштейн [6], самые важные, жизнеобразующие истины язык до нас доносит мгновенно, однословно. От языка мы узнаем, что ум, сердце или радость могут быть добрыми и злыми. А если в языке есть только *злорадство* и нет *доброрадства*, то возникает опасность, что представление общества о нравственных ориентирах этого чувства окажется сильно суженным.

Общий посыл экологии языка – дать объективную картину состояния языка, оценить все ее стороны, указать на опасности и предложить средства сбережения и приумножения богатств языка. Мнение о том, что русский язык переживает период «смуты», нестабильности, кризиса, основано на фактах многочисленных словарных потерь. Совершенно точно известно, что русское языковое пространство сокращается за счет утраты многочисленных производных слов, нюансирующих смысл.

Но наиболее заметны отрицательные последствия архаизации не в разговорном языке, а в таких сферах, как политическое красноречие, державная риторика, апеллирующих к национальному чувству, к гордости за свою страну. Стремительная архаизация советизмов оставила в этих сферах зияющие лакуны. Ср.: М. Соколов, один из ведущих журналистов, сказал как-то у нас в эфире: «10 лет назад выяснилось, что у нас нет не только денег, того, сего, но нет и русского литературного языка. Жестко кодированный в сталинскую эпоху, язык стал мертвым, искусственным. Если взять

газету “Правда” десятилетней давности, то станет понятно, что с помощью языка, которым она пользовалась, нельзя выразить никаких смыслов, нельзя описать ни одной современной ситуации. Новая журналистика столкнулась с языковыми проблемами не отвлеченно, а практически: в газете должны быть статьи, о чем-то внятно рассказывающие».

Современная политическая речь (даже в своих самых успешных реализациях) имеет совершенно очевидные недостатки: вялость, невыразительность, вследствие чего она или не запоминается, или запоминается непреднамеренным комизмом (как известные «афоризмы» В. Черномырдина). «Отсутствие коллективной ответственности за язык скорее осуждено публицистически, чем осмыслено научно» [7, с. 256].

Тем не менее образование прецедентных антиобразцов, которые отражены в анекдотах или киноцитатах (в речи отрицательных персонажей) и непосредственно крылатых словах (вроде *чревата боком* из речи В.С. Черномырдина) свидетельствует о языковой рефлексии (см. подробнее [4, с. 500–509]).

«У нас совершенно нет культуры политических дебатов, культуры публичного красноречия – того, чем славились демократии прошлого, когда победа достигалась силой убеждения. В нашей публичной сфере торжествуют демагогия и манипуляция» [8, с. 152]. Как пишут авторы: «Вследствие большой вариативности семантического содержания местоимения “мы” оно нередко становится средством манипулирования общественным мнением, особенно в предвыборных кампаниях» [9, с. 165].

Общественно-политическое слово сегодня не имеет запаса прочности и солидности, ему явно недостает красоты. Причина этого – общее оскудение языка, неразрывно связанное с примитивизацией мышления, отсутствие общепризнанного идеала речевой культуры. Нам не дается высокий официальный язык, потому что его носители оторваны и от народных корней, и от тех сложных форм культуры, которые были достоянием русской интеллигенции. Как пишут Г.Г. Хазагеров и С.В. Хазагерова, сегодня техническая сложность повсюду соседствует с гуманитарным примитивизмом [10]. Леность ума обуславливает невнимание к деталям, к нюансам, и потому многие слова, способные тонко нюансировать смысл, от-

брасываются за ненадобностью. «Прежде всего, необходимо уяснение современной языковой ситуации. Осознав проблему, надо перейти к планомерному окультуриванию коммуникативного пространства» [11, с. 144]. В этих условиях сбережение языка всеми способами должно стать социальным проектом.

Список литературы

1. Брусенская Л.А. Словарь неизменяемых иноязычных слов русского языка. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. пед. ун-та, 1997. – 236 с.
2. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 229 с.
3. Куликова Э.Г. Культура и парадигматическое мышление: экстралингвистические способы получения вариантов // Философия права. – 2014. – №3. – С. 29–32.
4. Куликова Э.Г. Языковая и правовая норма в современной России: функциональное и структурное сходство // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 8. – С. 500–509.
5. Куликова Э.Г. Прецедентные тексты: лингвистика и право, категория вариантности и отклонение от нормы // Философия права. – 2013. – №3 (58). – С. 39–43.
6. Эпштейн М.Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. – 2006. – № 1. – С. 196–207.
7. Куликова Э.Г. Языковая небрежность и неадекватные образцы в культурном пространстве современной России // Европейский журнал социальных наук. – 2014. – Т. 2, №3. – С. 253–259.
8. Брусенская Л.А. В чем состоит экологический подход к языку? // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2012. – № 3. – С. 149–156.
9. Ласкова М.В., Резникова Е.В. Личные местоимения в политическом дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – Вып. 4(90). – С. 163-167.
10. Хазагеров Г.Г., Хазагерова С.В. Культура-1, культура-2 и гуманитарная культура // Знамя. – 2005. – № 3.
11. Куликова Э.Г. Социальный проект «Культура речи» как объединительная идея современной России // Формирование российской идентичности как фактор национальной безопасности: ма-

тер. Всерос. науч.-практ. конф. – М.; Майкоп; Ростов н/Д, 2014. С. 141–146.

12. Куликова Э.Г. Норма в лингвистике и паралингвистике. монография. – Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2004. – 300 с.

13. Куликова Э.Г. Культурная парадигма эпохи постмодерни-
ти: языковая норма // Философия права. – 2010. – №3 (40). – С. 37–42.

УДК 070.15

О.В. Лагутина, Е. М. Петрякова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

КОРПОРАТИВНАЯ ГАЗЕТА КАК СРЕДСТВО ВНУТРЕННЕЙ КОММУНИКАЦИИ УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

В статье на примере газеты Юго-Западного государственного университета «Импульс» рассматривается специфика корпоративной прессы, ее роль в построении системы внутренней коммуникации образовательного учреждения.

Ключевые слова: корпоративная пресса, коммуникация, типология СМИ, жанры.

В настоящее время корпоративная пресса является одним из активно развивающихся сегментов отечественного рынка печатных СМИ. С каждым годом число изданий неуклонно растет. Если раньше собственные газеты или журналы могли позволить себе только крупные корпорации, то сейчас ими начали обзаводиться и более мелкие участники рынка. О динамичном развитии рынка корпоративной периодики, на наш взгляд, свидетельствует и тот факт, что еще в 2004 году было создано сразу две организации, координирующие этот рынок: Гильдия корпоративной прессы и Ассоциация корпоративных медиа России.

Чем обусловлена такая популярность корпоративных СМИ? В первую очередь, осознанием руководства компаний того, что корпоративные газеты и журналы являются, по сути, эффективным

инструментом менеджмента, способным мгновенно решить целый ряд вопросов и задач: проинформировать сотрудников о решениях руководства, сформировать определенную корпоративную культуру и этику, создать положительный имидж предприятия и др. Корпоративные СМИ как способ распространения информации о базисном PR-субъекте выгодно отличаются, например, от рекламных буклетов или листовок. Прежде всего, способом «потребления» информации: газеты читают, а не просматриваются бегло и быстро. Известный исследователь деловой печати Дмитрий Мурзин [1] рассматривал корпоративную прессу как инструмент управления корпорацией, обладающий всеми признаками средства массовой информации. Корпоративная пресса – это газеты и журналы, издания любого удобного формата, которые работают на компанию, рассказывают о её успехах, достижениях, новинках, помогают найти новых клиентов и поддержать связь с существующими, т. е. это особый, инструментальный вид деловой прессы; средство коммуникации как с сотрудниками, так и с людьми, имеющими к компании косвенное отношение: партнерами, потенциальными клиентами или даже конкурентами.

Сегодня корпоративные издания являются неотъемлемым элементом системы коммуникации как малого и крупного бизнеса, так и государственных учреждений, силовых структур, образовательных заведений и пр. Рассмотрим специфику функционирования корпоративной прессы как инструмента внутренней коммуникации на примере газеты Юго-Западного государственного университета «Информационный Молодежный ПУЛЬС» (сокращенно «ИМПульс»). (Отметим, проблема роли вузовской газеты в обеспечении эффективной деятельности вуза достаточно подробно анализируется в работах О.В. Сидельниковой [2–5].)

Общеуниверситетская газета ЮЗГУ «ИМПульс» была создана в 2004 году; издание является преемником периодического издания Курского политехнического института «Политехник». В настоящее время газета выходит на 8 полосах, тираж 7000 экземпляров. Периодичность выпуска – 1 раз в 3 недели.

«ИМПульс» – это некоммерческое, выпускаемое внутри вуза издание, призванное поддерживать контакты, прежде всего, с сотрудниками и студентами. Газета является своеобразным зеркалом

жизни и деятельности всего вуза. На ее страницах находят свое отражение все основные направления деятельности ЮЗГУ – учебная, научная и воспитательная работа, организация культурно-массовых и спортивных мероприятий, международные связи, информатизация и пр. Основная цель издания – освещать жизнь коллектива, информировать об основных событиях в вузе и в образовательной отрасли, поднимать интерес к учебному процессу и научной деятельности. Ее главная задача – решение проблем внутреннего круга: установление взаимопонимания между членами коллектива и руководством, разъяснение политики вуза, поиск и выявление конструктивных путей решения разнообразных проблем. Перед газетой также стоят следующие задачи: ознакомление внутренней аудитории с целями, задачами, планами на будущее; поддержание благоприятного и корректировка нежелательного внутреннего имиджа среди сотрудников; предоставление оперативной информации о принятии важных решений, реализации новых проектов. Кроме того, вузовская газета является своеобразной площадкой, которая дает возможность для проявления литературного творчества как студентов, так и сотрудников.

Отметим, «ИМПульс» входит в структуру пресс-службы ЮЗГУ, в связи с этим газета выполняет задачу, которая традиционно ставится перед PR: формирование положительного общественного мнения о работе вуза как внутри коллектива, так и за его пределами.

Главный принцип вузовской газеты – не поднимать слишком острых проблем, а позволить читателям узнать как можно больше интересного о вузе, его студентах, выпускниках и сотрудниках, о новых разработках и достижениях в области образования, науки и культуры, сделанных в стенах альма-матер. Таким образом, информируя внутреннюю общественность о деятельности различных структур внутри учреждения, вузовская газета непосредственно участвует в формировании корпоративной культуры: помогает добиться сплоченности коллектива, а также, давая возможность раскрыться сотруднику не только в непосредственной деятельности, но и как творческой личности, позволяет членам коллектива больше узнать друг о друге.

Что касается жанрового своеобразия вузовских изданий, то здесь хочется отметить следующее. Подавляющее большинство материалов, появляющихся на страницах университетских газет, относится к информационным жанрам. В частности, *заметка* (небольшое сообщение о произошедшем в вузе событии), *корреспонденция* (наиболее часто встречающийся жанр), *отчеты* по итогам прошедших в стенах альма-матер конференций, симпозиумов, заседаний Ученого совета и прочие.

Достаточно часто в вузовских газетах появляются типы текстов, которые относят к художественно-публицистическим жанрам. Наиболее популярные здесь – *очерк, зарисовка, эссе*.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что одним из важнейших составляющих имиджа любого учреждения, в том числе и образовательного, является корпоративная политика его руководства. От того, насколько грамотно выстроена система информирования и влияния на восприятие коллективом и студентами своего учреждения и руководства, зависит эффективность деятельности вуза в целом. Владение информацией в необходимом объеме позволяет каждому члену коллектива чувствовать свою причастность к общему делу, ощущать свою значимость, а руководству дает возможность не только донести до общественности результаты совместной работы, но и узнать мнение рядового сотрудника о деятельности как руководства, так и коллектива в целом. Это так называемая «обратная связь», для которой необходимы средства внутренней коммуникации. К таковым, в первую очередь, относится вузовская пресса.

Список литературы

1. Мурзин Д.А. Феномен корпоративной прессы. – М., 2005.
2. Сидельникова О.В. Медиарилейшнз в системе PR-технологий: на примере высшего профессионального образования России: дис. ... канд. филол. наук / Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2008.
3. Сидельникова О.В. Основные направления PR-деятельности высших учебных заведений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2007. – № 2. – С. 228–239.

4. Сидельникова О.В. Под грифом университета // Акценты. Новое в массовой коммуникации. – 2007. – № 1-2 (64-65). – С. 94–96.

5. Сидельникова О.В. Вузовская газета как составляющая корпоративной культуры учебного заведения // Корпоративная культура: способы формирования, патенты и возможности совершенствования: сб. ст. студентов и аспирантов. – Курск: Изд-во Курского института менеджмента, экономики и бизнеса, 2008. – С. 19-20.

УДК 070

Т.В. Летапурс, М.И. Зимина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СОВРЕМЕННЫЕ МИФЫ В ИНТЕРНЕТЕ

В статье рассматриваются мифы, распространённые в социальных сетях и воздействующие на молодёжную аудиторию, некоторые особенности процесса мифологизации в Интернете, его причины и последствия в молодежной культуре.

Ключевые слова: манипуляция сознанием, иллюзорные модели действительности, Интернет СМИ, социальные сети, шоу-публицистика.

В 2014 году мировая общественность отмечала печальную дату – столетие со дня начала Первой мировой войны. Множество публикаций в печатных и электронных СМИ, художественные и документальные фильмы, восстановленные пленки с хрониками вековой давности представили события истории. Сегодня мы находимся на пороге очередного важного юбилея – 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Наряду с многочисленными материалами о героическом прошлом, пресса сообщает о современных мировых процессах: о политике мультикультурности, мировом экономическом кризисе, революциях и войнах, терроризме и противостоянии Запада и Востока. Мировые тенденции развития непо-

средственно влияют на духовную сферу каждого человека и общества в целом. Многие учёные говорят о расколе общественного сознания, кризисе мировоззрения, о разрушении системы ценностей и проблеме идентичности всего общества и индивидов [1]. Отдельные издания СМИ, являясь средством формирования сознания, используют широкий арсенал методов влияния на читателей, зрителей и слушателей. Во-первых, воздействуют эмоционально (сенсационность, медианасилие, метод запугивания). Во-вторых, изменяют коммуникативно-содержательную часть информации (искажение, утаивание информации, манипуляция со временем и местом ее подачи, мистификация). В-третьих, используют лингвистические приемы (фрагментация, упрощение, повторение, эвфемизация, метафоризация). Именно эти обстоятельства заставляют людей размышлять: «А существует ли настоящая история? Или все мы находимся в потоке мифологизированного бытия, далекого от реальности или искаженного по меньшей мере наполовину?»

Действительно, мифологизация – целенаправленное внедрение в общественное сознание иллюзорных моделей действительности – является эффективным приёмом воздействия. Кара-Мурза С.Г. следующим образом описывает принцип действия мифа: «Введённый в сознание людей и глубоко там укрепившийся, миф способен длительное время (при наличии определенных предпосылок) подменять собой реальность. В результате реципиент воспринимает ее в соответствии с трактовкой мифа и действует, исходя из этого восприятия. Миф (...) снимает с реципиента необходимость напряжённо думать и осмысливать мир вокруг себя. Человеку уже не нужно познавать мир – он берет готовую заготовку, миф, и о мире» [2]. Отличие современных мифов от мифа-предания, религиозного или бытового, заключается в том, что «миф», возникающий в Интернете, направлен на манипуляцию обществом и представляет собой псевдоинтеллектуальный продукт. Способов распространения мифов немало: от материалов официальных СМИ до банальных слухов и сплетен. У Интернета в этом смысле особые возможности. Его печатные тексты можно читать с монитора (и при необходимости распечатывать на принтере), гиперссылки обеспечивают быстрый доступ к справочной информации, в текст нередко вклю-

чают звуковые и видеофайлы, а цветовая палитра более разнообразна в сравнении с полиграфической. Кроме этого, нынешняя среда Интернет сети перегружена информацией в разных областях. Одним из самых эффективных каналов являются социальные сети: их аудитория – люди разных интересов, социальных положений, национальностей, в большей мере молодёжь, которая активно воспринимает новую информацию.

Процесс создания мифов в современных СМИ и в Интернете породил жанр шоу-публицистики. Публицистика (от лат. *publicus* – общественный) в традиционном понимании – это способ организации и передачи социальной информации, материалы об актуальных общественно-политических проблемах. Но тексты, написанные в жанре шоу-публицистики, являются развлекательными. Темы и проблемы, лежащие в основе статей, рассматриваются упрощённо: противоречия сглаживаются, факты, ситуации и проблемы воспринимаются легко, подчас поверхностно; мнение оппонентов не учитывается. Язык авторов отличается доступностью, часто – иронией или агрессией. Шоу-публицист рассказывает истории, используя аргументы из разных, не соответствующих друг другу сфер жизни, жонглирует, как фокусник, фактами и стереотипами, подгоняя их в угоду выбранной схеме. Подобный способ особенно эффективен в пореформенное, нестабильное время, когда аудитория наиболее внушаема. Шоу-публицисты, среди которых встречаются непрофессиональные журналисты, с лёгкостью творят и укрепляют мифы в сознании читателей, так как Интернет обеспечивает анонимность и безнаказанность, до некоторого времени почти абсолютную. Здесь не место аналитической публицистике, аналитическому стилю, напряжению мысли и осмыслению прочитанного.

Большинство трагических событий, которые происходят в мире, моментально становятся гласными в силу единого глобального информационного пространства. Тем не менее трактовка этих событий во многих случаях существенно понижает процент объективности: грандиозные и действительно страшные последствия землетрясений, цунами, техногенных катастроф, террористических актов превращаются в апокалипсис, или наоборот, описываются как вполне контролируемая и «нестрашная» действитель-

ность. Примером может послужить современный «миф о лихорадке Эбола».

Вспышка этой страшной болезни, случившаяся в 2014 году и переросшая в эпидемию, породила массу мифов, вызвавших панику в обществе. Выступая в ООН, президент Барак Обама назвал лихорадку Эбола главной угрозой для человечества. На фоне сдержанной реакции Всемирной организации здравоохранения резко возросло число сюжетов в СМИ, в которых лихорадку Эбола называют не иначе, как «чумой XXI века», рисуя картины апокалипсиса в духе голливудских фильмов-катастроф о вымирании человечества. Одновременно в Интернете появились диаметрально противоположные мнения о том, что пресловутый вирус – это не более чем пиар врачей-заговорщиков или опыты иностранных спецслужб, что угрозы для планеты эта болезнь не представляет, что её вспышка в Африке имеет рукотворное происхождение и т.п. Нельзя недооценивать ситуацию: это действительно опасная болезнь (смертность до 90%), но заразиться можно только при непосредственном контакте с уже заболевшим человеком или при употреблении мяса больного животного. Однако, видя в новостной ленте новую статью, необходимо не слепо доверять тому, что написано в ней, а полагаться на проверенные факты и мнение компетентных людей. Вспышки вируса лихорадки Эбола происходили и ранее, но они не были столь масштабны. Кроме того, при намеренном, неприродном заражении человека вирусом Эбола поражается лёгочная ткань; при естественном протекании болезни лёгкие не поражаются [3].

В современном Интернете на наших глазах не только развивается новое противостояние США и России, но и происходит муссирование известного мифа о мировом заговоре против нашей страны. Накал страстей в комментариях по поводу санкций Европы, украинских событий, присоединении Крыма, выступлений В.В. Путина, последствий экономического кризиса говорит о том, что оппозиционная часть молодежной аудитории Интернета не совсем свободна в оценках и суждениях и находится в плену мифа, давно известного как «американская мечта». «Американский образ жизни», «американская свобода», «американская демократия» также воспринимаются идеалистически. Многие десятилетия США

буквально транслируют всему миру посыл: «Штаты – страна возможностей! Присоединяйся к нации-гегемону, родине демократии, исконным предпринимателям и свободным людям!» [4]. Америка привлекает огромное количество молодых, амбициозных, умных, талантливых людей. А в России на этом фоне появляются суррогаты западных ценностей, понятие «патриотизм» для некоторой части молодежи становится немодным, фраза «свалить куда-нибудь из этой Рашки» не звучит оскорбительно и унижительно. Жизнь в США преподносится как жизнь в «государстве всеобщего благоденствия», при этом подчёркивается динамичность образа жизни, действий (распространённость фаст-фуда), деловитость американцев (что приводит к образованию обширного среднего класса). Даже те, кто никогда не был в США, поддерживают мысль: там намного лучше, чем здесь. Характерной чертой американского образа жизни является «жизнь в кредит», автоматизация и компьютеризация быта. Эмигрантов, среди которых немало этнических русских, в Америке «неприлично много» [5]: практически во всех городах есть районы для русских (например, часто упоминаемый в Интернете Брайтон-Бич), открывают русские школы и детские сады, бани и магазины, слышна русская и украинская речь. Миф о «прекрасной жизни в Америке» прочно укоренился в мышлении не только россиян, и избавиться от него будет очень сложно. Лишь на фоне последних событий, произошедших на Украине, в Южной Осетии, Америка подверглась острой критике. Однако в большинстве случаев критикуется действующая власть, а желающих отправиться на покорение заокеанского Олимпа, опираясь на скудные, а иногда и ложные знания о традициях и жизни в этой стране, остаётся немало.

Миф в современном обществе выполняет ряд функций. Прежде всего, он иллюзорно восполняет дефицит знаний при объяснении непонятных явлений общественно-политической жизни. Помимо этого, он выполняет аксиологическую функцию (ориентация на ценности, транслируемые мифом), интегрирующую (объединение индивидов в социум), компенсаторную (функция утешения), мировоззренческую (формирование миропонимания), нормативно-регулятивную (воздействие на поведение). Реализация этих функ-

ций в обществе может носить как положительный, так и отрицательный характер.

Внедрению мифов в сознание масс и индивида способствуют: определённая политическая культура, нехватка знаний об общественно-политическом устройстве, информационные перегрузки, нежелание критического осмысления событий, оперативность при передаче информации в Интернете. Возможность мифологизации также обусловлена низкой медийной грамотностью населения, в частности в нашей стране. Медиакритика, призванная «наводить мосты» для благотворного контакта журналистики и общественности, контролировать современное состояние публикаций в Интернете, не очень озабочена процессом создания ложных «псевдомodelей» жизни. Разобщённость современного общества заметно препятствует восстановлению и развитию исторической памяти, мешающей чрезмерной мифологизации массового сознания.

Список литературы

1. Средства массовой информации и современные мифы: к вопросу об основании социально-политического мифотворчества [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.moluch.ru/archive/46/5601/>.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляции сознанием [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul121.htm#hdr_169.
3. Супотницкий М.В. Биологическая война. Введение в эпидемиологию искусственных эпидемических процессов и биологических поражений [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.supotnitskiy.ru/book/book8-3-9.htm>.
4. Россия ТМ – национальная идея как бренд [Электронный ресурс]. – URL: <http://sputnikpogrom.com/russia/13910/brand-of-russia/>. – .VJZ4gZANCA.
5. «Русская Америка» [Электронный ресурс]. – URL: <http://lifeusa.ru/zhizn-v-ssha/russkaya-amerika>.
6. Американский образ жизни [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Американский_образ_жизни.

7. Краткий курс в историю возникновения журналистики [Электронный ресурс]. – URL: <http://17.59209s046.edusite.ru/p2aa1.html>.

8. Лапицкий М. От «плавильного котла» к «салатнице» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=1764&issue=46>–.

9. Миф [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%CC%E8%F4> –.

10. Мифология современности» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lookatme.ru/>.

11. Пропаганда [Электронный ресурс]. – URL: http://bookzie.com/book_1175_glava_60_7.3.2._Propaganda.html.

УДК 81'27

Т.Е. Мирзаева, Е.С. Кулабухова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ТОН И УДАРЕНИЕ В КИТАЙСКОМ ОБЩЕНАРОДНОМ ЯЗЫКЕ ПУТУНХУА

В статье предлагается анализ проблемы существования ударения в китайском общенародном языке путунхуа.

Ключевые слова: ударение, просодические характеристики слова, ритмико-интонационные особенности, китайский язык.

Китайский общенародный язык путунхуа (普通话 pǔ tōng huà) принадлежит к числу тональных языков. Его основной фонетической единицей является слог, характеризующийся не только определенным звуковым составом, но и тем или иным тоном. Наличие в китайском языке такой просодической характеристики не вызывает сомнения ни у отечественных, ни у зарубежных исследователей. Однако их взгляды на такую ритмико-интонационную особенность, как ударение, довольно сильно различаются.

Начиная с 1920-30-х гг. отечественные и зарубежные лингвисты рассматривают китайские многосложные слова в двух аспектах:

1) некоторые ученые говорят о том, что **тон** в китайском языке является определяющей фонологической категорией, и рассматривают китайские слова в аспекте тонов и правил их комбинаторики;

2) другие исследователи считают, что основным фактор, обуславливающий проявление тона, – **ударение**, и рассматривают китайские слова именно в этом аспекте.

Ряд отечественных лингвистов экспериментальным путем подтвердили отсутствие в китайском языке ударения как просодической характеристики и доказали важность тона как фонологической категории. Так, М.К. Румянцев писал: «Слог тонального языка (в пределах полного стиля произнесения) нельзя сокращать сверх определенного минимума, ибо требуется время для реализации линейного контура слогового тона» [1, с. 58]. Невозможно представить, что, например, в русском тексте словесные ударения перемещались бы в зависимости от темпа речи. Однако вполне оправдано изменение степени редукции слогов в зависимости от темпа речи. В китайском же языке степень редукции слога обычно и есть степень редукции тона. Другими словами, чем короче слог, тем больше вероятность неполной реализации просодического контура, который и является, прежде всего, акустическим коррелятом тона.

В ряде статей, посвященных ритмической структуре звучащего китайского текста, подвергается критике в связи с наличием нулевого тона выделение трех просодических градаций: сильноударность, слабоударность, безударность. Данное выделение считается необоснованным, так как сравниваются категории, которые принадлежат разным системам – тональной и акцентной.

Фонологичность словесного ударения была также поставлена под сомнение В.Б. Касевичем, который отрицает реальное сосуществование тона и ударения в китайском языке. Ссылаясь на эксперимент М.К. Румянцева, он делает вывод о том, что «...если характеристики, которые считаются реализацией ударности-безудар-

ности, в действительности не различают и не могут различать пары слов идентичного сегментного состава, то утрачиваются основания для признания соответствующих характеристик манифестацией ударения как особого фонологического средства» [2, с. 183].

К представителям группы лингвистов, считающих ударение основным фактором, обуславливающим проявление тона, можно отнести таких отечественных исследователей, как Н.А. Спешнев, Т.П. Задоев, Е.Д. Поливанов и др. Последний из них считал, что тон – это факультативная характеристика слога: «В двусложных или многосложных словах с ясностью “тона” произносится (и слышится) в виде обязательной нормы только один – и именно ударенный слог. В неударенных же слогах “тон” нивелируется и при нормальном темпе речи – просто не осуществляется» [3]. Схожие взгляды были и у американского лингвиста П. Кратохвила, полагающего, что слова в китайском языке дифференцируются только различным распределением ударных и безударных слогов. Например, в одной модели ударным является первый слог, второй – безударный, а в другой модели – наоборот.

Словесное ударение в китайском языке лингвисты также связывают со слогами, составляющими двусложные, трехсложные и четырехсложные слова (или словосочетания), и по силе ударения, с которым они произносятся, распределяют на три основных типа: сильноударные, слабоударные и безударные. Сильноударный слог отличается от слабоударного (и тем более, от безударного) большей длительностью и более напряженной, четкой артикуляцией звуков, составляющих слог. Безударный слог – краткий, его финаль звучит слабо и нечетко. В безударном слоге происходит утрата основного тона [4].

В большинстве *двусложных* слов сильноударным бывает второй слог, а первый – слабоударным. Например: 汉语, 英语, 地图 и др. Существуют и двусложные слова с сильным ударением на первом слоге и слабым – на втором. В большинстве *трехсложных* слов последний слог является сильноударным. Например: 咖啡馆, 图书馆 и др. У *четырёхсложных* слов или именных словосочетаний существует определенная модель чтения: «слабоударный – безудар-

ный – слабоударный – сильноударный» (外语学院, 汉语 词典 и др.) Так, и Н.А. Спешнев, и Т.П. Задоев приходят к выводу о том, что ударный слог в слове является самым длительным. Однако исследователи расходятся во мнении относительно роли интенсивности в образовании китайского ударения. Н.А. Спешнев, в отличие от Т.П. Задоева, считает эту характеристику несущественной при выделении ударного слога.

Таким образом, вопрос о существовании такой просодической характеристики, как ударение, в китайском общенародном языке путунхуа до сих пор остается открытым. Мнение ряда лингвистов об отсутствии ударения как одного из средств выделения китайских слогов представляется более обоснованным. Однако не стоит отрицать того, что в китайском языке действительно существует некая степень выделенности слогов в словах, а этот процесс не следует называть ударением в том понимании, какое существует в классической фонологии.

Приравнивать китайский тоновый язык к таким языкам, как русский или английский, где наличие ударения не вызывает никаких сомнений, неразумно. Тон и ударение, как правило, в одном языке несовместимы. В том случае, если же их совмещение наблюдается, то следует говорить о переходе языка от тонального типа к акцентному, чего нельзя сказать о китайском языке.

Список литературы

1. Румянцев М.К. О словесном ударении в современном китайском языке (путунхуа) // Вопросы фонологии и фонетики: тез. докл. советских лингвистов на VII Междунар. конгрессе фонетических наук (Монреаль, 1971). – М., 1971.
2. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. – М.: Наука, 1983. – 301 с.
3. Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. – М.: Либроком, 2012. – 306 с.
4. Чжао Юйцзян. Лингводидактические основы этноориентированного обучения русскому языку и тестированию (на примере китайских учащихся): дис. ... канд. пед. наук. – М., 2008. – 310 с.

5. Румянцев М.К. К проблеме ритмической организации китайской речи // Филологические науки. – 1981. – № 6.

6. Румянцев М.К. Тон и интонация в современном китайском языке. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 186 с.

УДК 470.323

Г.Б. Полякова, М.В. Босова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются две основные проблемы языковой культуры в современном обществе – использование сленга и неоправданное использование заимствованных слов, которые ставят под угрозу чистоту и уникальность русского языка.

Ключевые слова: русский язык, языковая культура, глобализация, сленг, заимствование, неоправданное заимствование, СМИ.

Даль В.И. писал: «Язык есть вековой труд целого поколения». Действительно, язык – это феномен, которое нация формирует с момента начала своего существования. На него влияют все аспекты существования народностей: и география места проживания, и климат, и традиции, и, конечно, история развития страны. В XXI веке, когда происходит процесс глобализации и стираются рамки языковых барьеров, к нам приходят заимствованные слова, а при убыстрении темпа самой жизни литературный язык начинает уступать сленгу.

Сленг (англ. *slang*) – набор особых слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых в различных группах людей (профессиональных, общественных, возрастных и т.д.) [1]. В английской лексикографии термин «сленг» получил широкое распространение приблизительно в начале XIX века. Гриноу Дж. Б. и Киттридж Дж. Л. охарактеризовали сленг следующим образом:

«Сленг – язык-бродяга, который слоняется в окрестностях литературной речи и постоянно старается пробить себе дорогу в самое изысканное общество». Понятие «сленг» смешивается с такими категориями, как «диалектизм», «жаргонизм», «вульгаризм», «разговорная речь», «просторечие» [2].

Проникнув во многие сферы языка, сленг становится средством создания своеобразной экспрессии в литературе и кино и, главное, существенной частью повседневного языкового общения, а также языком передачи информации в средствах массовой коммуникации.

Одним из источников появления такого явления, как сленг, являются, несомненно, СМИ. Стараясь угодить своей целевой аудитории, они не пытаются отойти от использования данного пласта языка, но активно его навязывают. Например, телеканалы *ТНТ*, *СТС*, которые направлены на более молодую аудиторию зрителей, используют сленг в своих передачах, эфирах и рекламных роликах. Нельзя отказать молодежному сленгу в живости и образности. Молодежные издания, стараясь привлечь подростков и юношей, активно используют его в публикациях. Зачастую употребление сленга в языке СМИ добавляет экспрессии материалу, бывает очень удачным и эффективным. Но злоупотребление сленгом, а вернее популяризация сленгизма, существенно снижает средний уровень языка, что особенно недопустимо в печати и литературе. В данном случае сленг выступает как индикатор культуры сегодняшней молодежи. Данная тенденция прослеживается в материалах не только печатных, но и интернет- и теле-СМИ, современных радиостанций: «Европа плюс», «Энерджи». В эфирах последних, относящихся к европейской медиагруппе, используются большое число заимствований.

Заимствование – это процесс усвоения одним языком слова, выражения или значения другого языка, а также результат этого процесса – само заимствованное слово. Заимствование является одним из важнейших факторов развития лексической системы языка. Язык всегда быстро и гибко реагирует на потребности общества. Заимствования становятся результатом контактов, взаимоотношений народов, государств. Основной причиной заимствования

иноязычной лексики признаётся отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора [1, с. 15]. Другие причины привлечения иноязычной лексики: необходимость выразить при помощи заимствованного слова многозначные русские понятия, пополнить выразительные средства языка и т. д. По характеру и объёму заимствований в русском языке можно отследить пути исторического развития языка, т. е. пути международных путешествий, связей и научного развития и, как следствие, скрещение русской лексики и фразеологии с другими языками.

Этот процесс уходит далеко в века, ведь страны развивали свои торговые отношения с самого становления государства, и для того чтобы понимать друг друга, языки разных народов влияли друг на друга. Первый серьёзный «толчок» заимствования получили во время правления Петра I, когда тот открыл «окно в Европу» [2, с. 52]. Огромное влияние на язык того времени оказало проникновение целого ряда иностранных слов, преимущественно военных и ремесленных терминов, названий некоторых бытовых предметов, новых понятий в науке и технике, в морском деле, в администрации, в искусстве и т.д. С Петровских времен существуют в русском языке такие заимствованные иностранные слова, как *алгебра, амуниция, ассамблея, оптика, глобус, апоплексия, лак, компас, крейсер, порт, корпус, армия, капитан, генерал, дезертир, кавалерия, контора, акт, аренда, тариф* и многие др. Известно, однако, что сам Пётр негативно относился к засилью иностранных слов и требовал от своих современников писать «как можно вразумительней», не злоупотребляя нерусскими словами [3, с. 159–162].

В современном же обществе процесс заимствования иностранных слов вышел на новый виток: развитие сети Интернет и социальных сетей стирает географические и политические границы между странами, облегчая общение между национальностями. Лингвист Л.П. Крысин в своей работе «О русском языке наших дней» анализирует поток иноязычной лексики на стыке XX и XXI веков [4]. По его мнению, распад Советского Союза, активизация деловых, научных, торговых, культурных связей, расцвет зарубежного туризма – все это вызвало интенсификацию общения с носителями иностранных языков. Таким образом, сначала

в профессиональной, а затем и в иных областях появились термины, относящиеся к компьютерной технике (например, *компьютер, дисплей, файл, интерфейс, принтер* и другие); к экономике и финансам (например, *бартер, брокер, ваучер, дилер* и другие); к названиям видов спорта (*виндсёрфинг, скейтборд, армрестлинг*); к менее специализированным областям человеческой деятельности (*имидж, презентация, номинация, спонсор, видео, шоу*). Многие из этих слов уже полностью ассимилировались в русском языке.

Конечно, этот процесс невозможно прекратить, не для всех заимствованных слов можно найти русский аналог. Но в современном мире СМИ слишком часто используют слова, пришедшие к нам из заграницы, и часто неоправданно. Ненужные английские заимствования употребляют сейчас все: политики, дикторы радио и телевидения, предприниматели, ученики. В современной речи можно насчитать около 1000 неоправданно-используемых популярных английских слов (таких, как *прессинг, никнейм, голкипер, делит, логин, тренинг* и т.д.) [5, с. 34–35]. Даже иностранцы, хорошо владеющие русским языком, удивляются огромному количеству иноязычных слов в нашей прессе, журналах, книгах, рекламе. В настоящее время наблюдается процесс «варваризации» русского языка, т. е. проникновения в речь иноязычных слов, имеющих в русском языке эквиваленты.

К основным чертам, характерным для языка СМИ сегодня, относят:

1) количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации в СМИ (прежде всего, Интернет, в котором развиваются новые виды текста и диалогических форм);

2) разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, свойственное современной речевой коммуникации, которое находит отражение в языковой действительности СМИ;

3) демократизацию публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации;

4) следование речевой моде;

5) «американизацию» языка СМИ.

Поэтому особенно остро встает сейчас вопрос о формировании высокой информационно-языковой культуры в обществе, о сохранении национальных языковых традиций и культуры речи. И пусть сейчас невозможно обойтись без использования сленга для молодежного издания или, например, полностью подобрать русский аналог для заимствованных слов, дикторы, корреспонденты и просто ведущие должны ясно осознавать, что их речь воспринимается реципиентами как образец грамотности русского языка, поэтому пренебрегать правилами нельзя.

В заключение хотелось бы отметить, что проблема воздействия языка на человека, его способ мышления и его поведения – все это напрямую связано со средствами массовой коммуникации. Информировав человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня. Слово в массовой коммуникации обладает повышенной престижностью. Общеизвестна магия печатного слова и особенно слова, звучащего по радио или телевидению [5, с. 2]. Именно средства массовой информации должны служить общественным интересам, стоять на страже общественного благосостояния и, конечно, сохранности русского языка.

Список литературы

1. Калита И.В. Стилистические трансформации русских субстандартов, или книга о сленге. – М., 2013.
2. Виноградов В.В. Основные этапы истории русского языка. Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1978.
3. Якубинский Л.П. Реформа литературного языка при Петре I. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М., 1986.
4. Крысин Л.П. О русском языке наших дней. – Пермь, 2012.
5. Степанов Г.В. Стихия языка в стихии споров // Литературная газета. – 1984. – 27 июня. – С. 2.

6. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов-русистов. – Владивосток: Диалог-МГУ, 2013.

7. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Г. Н Складневской. – М., 2001.

8. Кудрявцева Л.А. Язык города: общий сленг [Электронный ресурс]. – URL: <http://russian.kiev.ua/material.php?id=9000598>.

УДК 81.2Рус-9

Г.Б. Полякова, И.А. Ермакова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

К ВОПРОСУ О РОЛИ СТЕРЕОТИПОВ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье предлагается анализ роли стереотипов речевого общения в обеспечении полноценной коммуникации с носителями иной лингвокультуры.

Ключевые слова: языковая личность, социокультурная компетенция, национально-культурная специфика речевого общения, стереотип, национальный социокультурный стереотип, стереотип речевого общения.

Особое значение для формирования языковой личности приобретает формирование социокультурной компетенции. Социокультурная компетенция в этом случае становится способом общения к другой языковой реальности, когда субъект изучения иностранного языка выступает в качестве субъекта отражения другой национальной культуры, является носителем этой культуры.

Таким образом, возникает проблема определения национальной специфики социокультурных знаний носителей языка, их роль в организации и содержании речевого общения на этом языке [1].

Необходимость создания эффективных методов приобщения изучающих иностранный язык к другой культуре посредством языка привела к разработке теории национальных социокультурных стереотипов.

Понятие «стереотип» в работах различных специалистов (социологов, лингвистов, психологов, этнографов и т.д.) можно отнести как к категории наиболее часто используемых, так и к категории наиболее дискуссионных. Каждый из специалистов стремится выделить в определении стереотипа те основные черты, которые отражают его роль в их области исследования.

Впервые понятие стереотипа использовал У. Липпман еще в 1922 г. Исследователь считал, что стереотипы – это упорядоченные, схематичные детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира [2]. При таком понимании стереотипа выделяются две его важные черты – детерминированность культурой и быть средством экономии трудовых усилий и, соответственно, языковых средств.

В национально-культурной специфике речевого общения представителей этноса проявляются социальные стереотипы, речевые стереотипы, ментальные стереотипы и т.д., что приводит к необходимости рассмотрения понятия стереотипа с разных сторон и выявления тех элементов этого понятия, которые характеризуют специфику речевого общения носителей определенного языка [3]. Именно использование стереотипа упрощает социальные контакты, что, в свою очередь, облегчает процесс овладения новой лингвокультурой в целях общения с представителями другой этнической и социальной общности.

Для обеспечения процесса обучения общению необходимо, во-первых, определение самого понятия – национальный социокультурный стереотип, так как это связано с потребностями отбора определенных национально-специфичных элементов речевого общения представителей одной культуры для обучения носителей другой культуры. Во-вторых, необходим анализ роли и места вы-

бренных элементов как собственно в межкультурном общении, так и в структуре обучения этому общению.

Обратимся к определению речевого стереотипа, данного Ю.Е. Прохоровым. По его мнению, это «социокультурно маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» [3, с. 98].

Национальные социокультурные стереотипы представляют собой определенные нормы поведения и деятельности, традиционные формы реакций на окружающий мир; определяют межэтнические отношения и эмоциональные аспекты этнической идентичности [4].

Новый словарь методических терминов и понятий дает следующее определение стереотипа: «Стереотипы речевого общения – социокультурно маркированные единицы языка, реализуемые в речевом общении в виде определенной, выраженной в речи ассоциации со стандартной в данной культуре ситуацией общения» [5].

Итак, стереотип – это некоторый фрагмент концептуальной картины мира, ментальная «картинка», устойчивое культурно-национальное представление (по Ю.Е. Прохорову – «суперустойчивое» и «суперфиксированное») о предмете или ситуации. Он является собой некоторое культурно-детерминированное представление о предмете, явлении, ситуации. Но это не только ментальный образ, но и его вербальная оболочка. Принадлежность к конкретной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в данном обществе, поэтому стереотипы считаются прецедентными именами в культуре. Стереотип – это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой – проявить себя среди «своих» и одновременно опознать «своего».

В основе формирования этнического сознания и культуры в качестве регуляторов поведения человека лежат как врожденные,

так и приобретаемые в процессе социализации факторы – культурные стереотипы, которые усваиваются с того момента, как только человек начинает идентифицировать себя с определенным этносом, определенной культурой и осознавать себя их элементом.

Однако процесс стереотипизации поведения (общения) подразумевает не только организацию своего, но и стереотипность восприятия другого поведения – как представителя своей семиотической модели, так и другой, т. е. восприятие и оценку поведения представителей другого этноса. В ситуации общения представителей разных культур знание поведения друг друга, стандартов этого поведения не может быть соотносимо в полной мере – равно как и в полной мере расходиться (что приводит к прекращению общения). Таким образом, стереотип должен иметь, при всей своей жесткости установки и конструкции, возможность определенной адаптации к иному стереотипу, реализуемому в данной ситуации общения.

Роль стереотипов в коммуникации имеет двунаправленную природу. Особенность интегративной направленности заключается в том, что стереотип обращен к собеседнику, это приводит к сближению собеседников. Если же роль стереотипа заключается в дифференциации, то стереотипы выступают в качестве коммуникативного средства отчуждения.

Такая двойная направленность позволяет говорить о возникновении «квази-образов», которые могут стать стереотипами восприятия явления действительности, стать типичными ассоциациями к этому явлению.

Например, «мы-образ» (соответствие нового явления стереотипу «свой») строится по принципу выявления частного дифференциального признака, который и становится стереотипной ассоциацией к данному явлению. При этом выбирается лексическая единица, которая контрастирует с ее стандартным использованием в речи [3]. Прозвище «фриц» по отношению к представителям фашистской армии Второй мировой войны связано с частотностью этого имени и частотностью общения в это время с немцами. Это привело к выделению имени как стереотипной ассоциации с данным этносом.

«Не-мы-образ» строится на основе выделения интегральных признаков, т. е. выбирается менее отличный от «мы-стереотипа» дифференциальный признак [3].

Например, у М.А. Булгакова: «Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно, разные учреждения представили свои сводки с описанием этого человека. Сличение их не может не вызвать изумления. Так, в первой из них сказано, что человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Во второй – что человек был росту громадного, коронки имел платиновые, хромал на левую ногу. Третьи лаконично сообщают, что особых примет у человека не было»; «...ни на какую ногу описываемый не хромал, и росту был не маленького и не огромного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой – золотые. Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду – лет сорока с лишним. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом – иностранец»; “Немец” – подумал Берлиоз. “Англичанин, – подумал Бездомный”, ишь, и не жарко ему в перчатках» [6, с. 15-18].

В связи с этим следует разделять понятие стереотипа по крайней мере на внутриэтнокультурный и внешнеэтнокультурный стереотипы коммуникативного поведения. Под первым действительно может пониматься «коммуникативная единица данного этноса, способная, посредством актуальной презентации социально санкционируемых потребностей, оказывать побуждающее типизированное воздействие на сознание личности – социализируемого индивида, формируя в нем соответствующую мотивацию» [7, с. 15-16], т. е. как коммуникативный и социально-регулятивный компонент социализации личности. Внешнеэтнокультурный стереотип коммуникативного поведения, связанный с инкультурацией участников общения, может рассматриваться как национально-специфический образ (концепт, модель) коммуникативной стратегии, основанный на учете национально-культурной стереотипиза-

ции процесса общения каждой этнической общности и используемый с целью достижения межкультурного общения. Причем этот процесс имеет двойную направленность: как на учет стереотипов своего коммуникативного поведения с точки зрения возможности их принятия другим участником коммуникации, так и на учет стереотипов коммуникативного поведения партнера с точки зрения возможности принятия его условий коммуникации.

Национальные социокультурные стереотипы речевого общения (поведения) реализуются двумя сторонами – стереотипом организации речевого общения в данной национально-культурной общности и стереотипными языковыми единицами, моделями или конструкциями, которые используются носителями языка для стандартных ситуаций реализации речевого общения [3, с. 85].

Стереотип речевого общения может быть реализован и в форме речевого клише (традиционно к этим единицам относятся все виды устойчивых словосочетаний и фраз – фразеологизмы, поговорки и поговорки, идиомы, литературные цитаты и т.п.), и в форме вербализованного/невербализованного штампа сознания, выступающего сигналом принадлежности участников общения к одному социокультурному пространству.

Обобщая все вышесказанное, можно выделить следующие характеристики национального социокультурного стереотипа речевого общения:

– стереотип рассматривается нами как единица ментально-лингвального комплекса представителя определенного этноса, реализуется в стандартных ситуациях общения (деятельности) этого этноса, являясь устойчивой социокультурно маркированной локальной ассоциацией к данной ситуации;

– стереотип является нормативной социокультурной единицей речевого общения представителей определенного этноса;

– стереотип может проявляться в форме речевого клише или вербализованного/невербализованного штампа сознания.

Важными составляющими в обеспечении полноценного общения с носителями иной лингвокультуры является не только владение структурой языка, знание элементов обслуживаемой им

культуры, речевых образцов, но и знание национально-культурной специфики организации речевого общения, которая реализуется в стереотипных для данного этноса ситуациях общения. Результатом упущения одного из названных элементов могут стать коммуникативные шумы, помехи, затрудняющие общение, а это, в свою очередь, может привести к негативному восприятию всей межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Гончарова В.А. Методика преодоления национальных социокультурных стереотипов в обучении иностранным языкам (языковой вуз, английский язык): дис. ... канд. пед. наук / Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2008.
2. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова; под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
3. Прохоров Ю.Е. Национальные и социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 2003.
4. Бороноев А.О., Павленко В.Н. Этническая психология: учеб. пособие для вузов. – СПб., 1994.
5. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Изд-во ИКАР, 2009.
6. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Москва. – 1966. – № 11; 1967. № 1.
7. Рыжков В.А. Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации. – Куйбышев, 1985. – С. 15-21.
8. Милосердова Е. В. Национально-культурные стереотипы и проблемы межкультурной коммуникации // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 3. – С. 80–85.

УДК 81'22

Г.Б. Полякова, В.А. Лукьянчиков

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА НА ПРИМЕРЕ СУБТИТРОВ

В статье предлагается описание и анализ перевода в субтитрах. Представлена классификация и особенности исследуемых субтитров в фильмах и сериалах.

Ключевые слова: переводческие процессы, субтитр, субтитры, встроенные субтитры, программные субтитры.

В лингвистике уже становится практически общепринятым понятие кинотекста, хотя его границы по-прежнему остаются совершенно неопределенными и открытыми. Эмпирически к кинотекстам правомерно относить киносценарий, «бумажные» скрипты, или запись речи всех действующих лиц на языке оригинала, субтитры на киноплёнке, названия фильмов, их аннотации, т. е. все реально текстуальные объекты, которые входят в общую систему кинопроката как взаимодополняющие материалы относительно аудио-, видеосодержания данного фильма и восприятия кинозрителя.

Для исследования переводческих процессов в этой связи представляет особый интерес анализ параллельных субтитров и названий фильмов на языке оригинала и языка перевода. Эти лингвистические объекты широко доступны в самом большом разнообразии и четко верифицируемы, их можно легко и однозначно соотнести с конкретным и общим «натуральным» контекстом [1, с. 253].

Термин «субтитры» (от франц. *titre* – качество, характеристика, БСЭ), заимствованный из английского *subtitles* (дословно – *подписи снизу*), в русском языке означает законченную дорожку текстового сопровождения к видео, дублирующего или дополняющего звуки фильма или передачи. Преимущественно в субтитрах отражена речь персонажей.

Обычно субтитры оформляют как текст, написанный шрифтом среднего размера и расположенный в нижней части экрана при просмотре видео. Субтитры полезны людям, плохо слышащим звук в фильмах или изучающим язык. Однако субтитры часто используют и для просмотра фильма (часто – аниме) с оригинальным аудио без звукового перевода. (В некоторых странах, например в Израиле или Болгарии, это обычный способ просмотра, а голосовой перевод используется только в фильмах для детей и в сериалах [2, с. 217]).

Субтитры иногда содержат дополнительную информацию о происходящем на экране (например, режиссерские комментарии к фильму и (или) объяснение сложных для понимания мест). Слово «субтитр» в единственном числе используется для выделения одной строки из субтитров.

Субтитры различаются по степени детализации событий. Обычно субтитрируются только реплики персонажей. Если субтитры служат для перевода фильма, то в них комментируются и надписи, появляющиеся в кадре. В том же случае, когда субтитры создают для людей с ограничениями слуха, часто в них фиксируют и важные звуковые события (например, в тот момент, когда герой фильма ужасов слышит зловещий скрежет, может появиться субтитр *скрежет*).

Субтитры могут быть включены в видеоряд, наложены поверх изображения или получены из отдельного файла с их текстом. Обычно DVD-диски с фильмами содержат субтитры к ним. Распространено создание субтитров поклонниками фильмов и сериалов – так называемый «фансаб». Такие субтитры распространяются либо вместе с видео (вшитые субтитры, часто также жесткие, от англ. слова *hardsubs*), либо в виде отдельных файлов (внешние и отключаемые).

Субтитры к видео в цифровой форме (DVD-video, MPEG-2, MPEG-4) могут быть:

– вшитые (от англ. *Hard subtitles*, также называются жесткими) – изображение с текстом субтитров накладывается на исходное видео в процессе создания итогового файла (кодировании). Такие субтитры не накладывают никаких дополнительных требований на

плееры, но их невозможно отключать, и они ухудшают качество кодируемого видео из-за увеличения мелких контрастных деталей в кадре. Качество и сложность вшитых субтитров могут быть максимальными, поскольку их создание может происходить значительно дольше и скрупулезнее, чем их просмотр;

– пререндерные (от англ. *prerendered subtitles*) – субтитры представляют собой уже готовые изображения, хранящиеся отдельно от видео (хотя могут быть и в одном файле с ним). Такие субтитры требуют поддержки со стороны плееров, обычно не слишком высокого качества (из-за того, что для хранения таких субтитров используются растровые форматы с малым количеством цветов, что не позволяет выполнять настройку шрифтов), однако не имеют проблем с представлением текстов на разных языках и не создают чрезмерной нагрузки на плеер. Именно в таком виде находятся субтитры на DVD-video;

– программные (также называемые мягкими – жарг. от англ. *soft subtitles*) – субтитры, представляющие собою текст, зачастую с элементами разметки (размер, цвет, гарнитура, положение на экране). Предъявляют, по сравнению с остальными вариантами, более высокие требования к воспроизводящему оборудованию (программе) в связи с необходимостью отрисовывать шрифты (обычно векторные) и возможные эффекты в реальном времени. Также у некоторых форматов существуют проблемы с представлением текста на нескольких языках из-за использования одной однобайтной кодировки [3].

Одним из главных преимуществ пререндерных и программных субтитров является возможность наличия нескольких переводов (например, для нескольких языков), а также возможность отключать субтитры (что невозможно для вшитых субтитров).

Субтитры также подразделяются на две категории по форме, в которой хранятся:

- 1) встроенные – находятся в одном файле с видео;
- 2) внешние – представляют собой один или несколько отдельных файлов, обычно с именем, полностью или частично совпадающим с именем видео-файла, но с другим расширением: SRT, SUB, TXT.

Популярные форматы внешних субтитров:

– srt – текстовый формат субтитров программы SubRip. Изначально не поддерживал элементов оформления текста, в дальнейшем был расширен поддержкой цветов и начертаний символов (курсив, жирность текста);

– smi (smil) – текстовый формат субтитров, основанный на SGML. Предусматривает практически все возможности для оформления текста, поддерживаемые стандартами HTML и CSS;

– ssa – текстовый формат субтитров программы Sub Station Alpha. Предусматривает задание цвета, положения символов, размер букв, гарнитуру; позволяет применять сложные видео-эффекты в отношении символов (затенение, движение, повороты и т. д.); может содержать текст в нескольких различных кодировках;

– ass – текстовый формат субтитров Advanced Sub Station Alpha (впервые реализовано в программе Medusa), дальнейшее развитие формата ssa [3];

– sub/idx – двоичный формат пререндерных субтитров для программы VobSub. Иногда называются «субтитрами формата Vobsub», хоть это и не очень верно. Представляют собой графические субтитры, извлеченные из DVD (например, при помощи DVD-Decrypter-a) [4].

Подводя итоги, можно сказать, что развитие субтитров как особого вида дискурса является важным звеном переводческого процесса. С их помощью человек, не владеющий языком оригинала, может понять смысл сказанного и происходящего на экране. Сочетание таких видов речевой деятельности, как аудирование и чтение, способствует развитию коммуникативной компетенции, укреплению знаний изучаемого языка.

Список литературы

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты): учеб. – М.: ВШ, 1990.
2. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). – Киев, 1972.
3. Программа редактирования субтитров Aegisub [Электронный ресурс]. – URL: <http://subs.com.ru/page.php?al=aegisub>.

4. Каталог субтитров – Предложение по стандартизации субтитров в Европе [Электронный ресурс]. – URL: http://subs.com.ru/page.php?al=eur_subtitling_standards.

5. Архив субтитров группы YakuSub Studio [Электронный ресурс]. – URL: <http://yakusubstudio.home-forum.com/>.

УДК 81'25

Г.В. Попова, Ю.А. Полхова, К.С. Бикмаева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В РОМАНЕ ДЖ. ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

В статье обосновывается актуальность и необходимость рассмотрения различных способов перевода имен собственных.

Ключевые слова: имя собственное, ономастика.

Имена собственные занимают значительное место в составе лексики любого языка. Они служат для наименования людей, животных, географических и космических объектов материальной и духовной культуры. Специфика имен собственных давно привлекала внимание исследователей. Их своеобразие привело к тому, что имена собственные стали изучать в особой отрасли языкознания – ономастике (от греч. – «искусство давать имена») [1]. Термин «оним» (онома, собственное имя) обозначает «слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации» [2]. Перевод иноязычных имен собственных – сложная и многогранная проблема. Она связана с многочисленными недоразумениями и ошибками, причиной которых является не только недостаточное знание о языке, но и причины так называемой специфики наименований значимых объектов действительности, отражающей, как правило, сущностные характеристики предмета. Стремление

сохранить за объектом уникальное имя подразумевает целый ряд задач. Рассмотрим подробнее эти задачи и связанные с ними проблемы на примере произведений Дж. Толкина. В данной работе мы попытаемся выявить некоторые специфические особенности существующих переводов романа Дж. Толкина «Властелин колец».

Особенно интересным представляется рассматривание техники перевода имен собственных в контексте художественной литературы, ведь каждый автор старается создать свой ономастический мир. Имя собственное в художественном тексте функционирует в качестве системообразующего единства, которое неразрывно связано с сюжетом повествования, а также с личными предпосылками автора. Значение и внутренняя форма имен собственных в художественных текстах часто настолько важны для содержания текста в целом, что заставляют переводчиков искать разные способы их перевода. В произведениях Дж. Толкина наименования различных волшебных существ имеют очень большое значение, так как указывают на характер их происхождения и фэнтезийную «национальность».

Нет сомнений в том, что выдуманный мир Дж. Толкина привлекает к себе внимание многих, часто можно слышать различные суждения об этике и идеологии этого мира. Мнения людей совершенно полярны, что является причиной многих споров мировоззренческого характера. Подтверждением популярности этого произведения служит немалое количество переводов романа, каждый из которых, по словам специалистов, имеет свои достоинства и недостатки. Наиболее известными являются переводы В. Муравьева и А. Кистяковского, Н. Григорьевой и В. Грушецкого, М. Каменкович и В. Каррика, В. Маториной, А. Немировой, В. Волковского и В. Воседого. В романе «Властелин колец» множество «говорящих» имён, которые являются новой, дополнительной гранью образа каждого персонажа, неся в себе информацию о его внешности и характере. Подобные имена очень важно перевести, не потеряв при этом первоначального смысла, вложенного автором, в противном случае нарушается тщательно составленная система имен собственных в созданной Дж. Толкиным лингвистической истории этого народа.

В данной статье мы попытаемся провести сравнение особенностей перевода некоторых имён собственных, имеющих высокую значимость для романа в целом.

В первую же очередь обратимся к фамилии основных героев романа – Бильбо и Фродо Бэггинсов (англ. *Baggins*, *bag* – сумка). Большинство переводчиков сошлись на Торбинсе (В. Маторина, В. Муравьев и В. Кистяковский, А. Немирова). В переводе М. Каменкович и В. Каррика фамилия не претерпевает никаких изменений, а вот Н. Григорьева и В. Грушецкий решили сохранить присутствующий в оригинальном варианте корень *bag*, и хоббиты из Бэггинсов превратились в Сумниксов, т. е. фамилия полностью русифицировалась. Удивительнее всего звучит эта фамилия в варианте В. Волковского и В. Воседого – Бэббинсы, которые при переводе, по их словам, отталкивались от диалектизмов. Однако от этого фамилия не перестает звучать несколько непривычно, создается впечатление, что исконно английская фамилия получает иное, непривычное звучание, перевирается. Самым удачным представляется вариант «Торбинс», поскольку переводчикам удалось одновременно и передать замысел автора, и сделать фамилию как можно более «благородной» для русского читателя. Данный перевод даёт понять, что в оригинальном названии имеется в виду не просто заурядная сумка, а торба, как мешок для хранения всего важного в походе.

Название усадьбы Бильбо и Фродо, их *Bag-End Under Hill*, тоже очень по-разному представлено. Самый известный вариант, отталкиваясь от ранее переведённой фамилии Фродо и Бильбо, придумали переводчики В. Муравьев и А. Кистяковский – Торбана-Круче, следом за ними его повторила и А. Немирова. Немного переименовала это название В. Маторина – Торба-в-Холме. Григорьева Н. и Грушецкий В. тоже решили отталкиваться от ими же переведённой фамилии хозяев усадьбы (Сумниксы), и у них *Bag-End Under Hill* превратился в Засумки. У В. Каменкович и М. Каррика появляется такой вариант, как Котомки, что, учитывая тот факт, что фамилию *Baggins* они оставили без изменений, является несколько странным, поскольку читатель, незнакомый с оригинальным произведением, не сможет понять первоначальной задумки

автора, заключающейся в совпадении корней в фамилии хозяев и их усадьбы. Название страны Хоббитов (*The Shire*) у В. Муравьева и А. Кистяковского переведено как *Хоббитания*, что представляется достаточно удачным, потому что содержит само слово «хоббиты». Маторина В. тоже придумала довольно запоминающийся и звучный вариант – Хоббитшир, так как соединила английский первоисточник со словом «хоббиты». Немирова А. последовала за В. Муравьевым и А. Кистяковским и употребила вариант *Хоббитания*, хотя у неё проскакивает и альтернативный вариант – *Край*. У В. Каменкович и М. Каррика появляется такой перевод, как *Заселье*, а у В. Волковского и В. Воседого *The Shire* превращается в *Удел*. Все представленные варианты являются достаточно удачными альтернативами, поскольку, так или иначе, передают задумку автора.

Довольно интересны и варианты перевода имени, которым люди и все прочие существа называют хоббитов. В английском варианте это слово звучит как *Halfling* (англ. *half* – половина). Муравьев В. и Кистяковский А. переводят его словом «невеличек», у А. Немировой и В. Каменкович и М. Каррика это слово появляется в варианте «невысоклик». Больше всех удивили варианты В. Волковского и В. Воседого, которые привели английское слово *halfling* в русской транскрипции, что совершенно лишает читателя возможности понять значение этого слова. Однако у этих переводчиков появляется и другая альтернатива – «недоросток», которую никак нельзя назвать удачной, поскольку она звучит как оскорбление.

Также существенные различия встречаются и при переводе названия местечка, откуда родом Леголас – один из главных героев романа. В английском варианте – *Mirkwood* (англ. *mirk* – темнота, *wood* – лес). Этим названием автор хотел показать всю опасность и жуткость данной территории, которая, по его замыслу, является одной из самых пугающих областей во всей фэнтезийной вселенной Дж. Толкина. Ближе всех к оригиналу подошла В. Маторина, переведшая это название как *Темнолесье*. Однако, несмотря на удачность этого варианта, самым известным является перевод В. Муравьева и А. Кистяковского, а также А. Немировой – *Лихолесье*.

У В. Каменкович и М. Каррика, а также у В. Волковского и В. Воседого появляется своя альтернатива – *Чернолесье*, что тоже весьма близко к оригинальному названию. Григорьева Н. и Грушецкий В. сошлись на варианте «Сумеречье», который немного неудачен тем, что из перевода уходит важная составляющая – корень *лес*.

Дом Элронда, в оригинальном названии – Rivendell (англ. *riven* – расщеплённый, *dell* – лощина), также переводился несколькими вариантами. Каменкович В. и Каррик М. (Ривенделл), а также Маторина В. (Райвендел) решили оставить это слово без изменений, а вот Муравьев В. и Кистяковский А. перевели его как *Раздол*, что является довольно благозвучным вариантом. Григорьева Н. и Грушецкий В. пришли к выводу, что стоит перевести *Rivendell* как *Дольн*, а вот В. Волковский и В. Воседой решили воспользоваться переводом *Разлог*, что хоть и несёт в себе смысл оригинального названия, не является самым лучшим вариантом для обозначения эльфийского места обитания.

В результате проделанной работы мы выяснили, что имя собственное действительно играет немаловажную роль в художественном пространстве текста, и его системообразующая функция зачастую является одним из главнейших компонентов в создании целостного образа вымышленного автором мира. Можно сделать вывод о том, что перевод имён героев художественных произведений осложняется тем, что имя героя несёт большую смысловую нагрузку, которую не всегда можно передать путем использования традиционных переводческих приемов. При выборе перевода следует руководствоваться многими факторами, начиная с верного написания и звучания, если это возможно сохранить с учётом фактора благозвучия.

Список литературы

1. Леонович О.А. В мире английских имён. – М.: АСТ, 2002.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1978.
3. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р.Валент, 2001.

4. Чевпезцова С.В. Функции личных имен собственных в английском художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989.

УДК 811.161.1

Г.В. Попова, А.Н. Клименко

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ «БОГ» И «ДЬЯВОЛ» В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В статье рассматриваются особенности функционирования библейских метафор в современных публицистических текстах, посвященных спорту.

Ключевые слова: когнитивная (концептуальная) метафора, библейская метафора, метафорическая модель.

Метафора имеет длительную историю изучения. Как объект философской и теоретической рефлексии метафора была вычленена еще в античности, с тех пор теоретическое знание постоянно возвращается к осмыслению этого феномена языка и сознания человека. В современных лингвистических разработках для обозначения данного феномена используются два равнозначных термина – *концептуальная метафора* и *когнитивная метафора*. Первый ориентирован на связь с терминами *концептуализация* и *концепт*, второй сопряжен с понятием *когнитивизм* [1].

При восприятии и осмыслении мира человеческим сознанием значительна роль аналогии. Человек осознает неизвестное через известное, абстрактное – через конкретное, т.е. происходит перенос знаний из одной содержательной области в другую. Метафора «отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов... Эта способность играет громадную роль как в практическом, так и в теоретическом мышлении» [2, с. 15].

Метафору в современной когнитивистике принято определять как (основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [3]. Основоположниками теории концептуальной метафоры по праву считаются Дж. Лакофф и М. Джонсон, труд которых «Метафоры, которыми мы живем» [4] стал базовым для большинства исследователей феномена метафоры.

Новизна подхода Лакоффа и Джонсона заключается, прежде всего, в переосмыслении понятия метафоры, обычно рассматривавшейся либо как фигура речи (в риторике со времен античности), либо как способ семантического развития слова (в исторической семантике), либо как один из типов переносных значений (в синхронической лексикологии и лексикографии). Для Лакоффа и Джонсона метафора – это метафорическое понятие, или концептуальная метафора. Это не только и не столько образное средство языка, сколько феномен мышления и культуры. Метафоры как языковые выражения возможны именно благодаря тому, утверждают авторы, что они заложены в понятийной системе человека [5, с. 33-34]. Так, согласно концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «...метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути» [4, с. 387].

В современной науке исследования различных метафорических моделей чрезвычайно частотны и разнообразны. В данной статье предложено исследование когнитивных метафор на примере библейских метафор.

Религия, являющаяся одной из важнейших сфер человеческого бытия, представляет собой источник образования метафорических моделей, описывающих явления внутреннего мира человека [6, с. 99]. Религия пронизывает все сферы человеческой жизни, что отражается в текстах СМИ. В рамках данной статьи нами было рассмотрено функционирование библейских метафор в сфере спорта.

Правомерность использования библейских метафор в сфере спорта становится очевидной, поскольку спортивным комментато-

рам и спортивным журналистам необходимо достаточно выразительно, ярко и точно отразить происходящие на поле события либо иные реалии спортивной жизни. Библейские метафоры, обладающие высоким экспрессивным потенциалом, глубокой прецедентностью, в данном случае отражают динамику, постоянное движение и эмоциональность спортивной сферы.

Модели «Спорт – это Бог» и «Спорт – это диавол» становятся своеобразными полюсами, характеризующими противоборствующие стороны, в спортивной сфере оказываются чрезвычайно распространёнными, приобретая особую коннотацию.

Обратимся к моделям **метафорической области «Бог»**. В данную модель мы отнесли все компоненты метафоры (слоты), которые, так или иначе, характеризуют Бога как идеал человечества, достойный поклонения.

Метафорическая область «**Бог**» раскрывается следующим образом:

Марадона – это счастье и свет, что снизошли на нашу грешную землю, дабы усладить тяжкую жизнь аргентинского народа. Он – Бог! Единственный и непогрешимый [7].

*Так вот, эта сторона жизни **Великого** ничто по сравнению с его...*

*Именно в этот день в 1986 году **наш Бог** явил миру свои два шедевральных гола, оба в ворота сборной Англии [Там же].*

*Ну а священнослужители обязательно должны носить в левой руке мяч с терновыми шипами – символ счастья и мученичества **святого Марадоны** на футбольном поле [Там же].*

*Не только потому, что 48-летие отмечает легендарный футболист, но еще и потому, что **футбольный идол** может возглавить сборную Аргентины [Там же].*

*Пусть Роналдо никогда не причислят к великой когорте избранных **футбольных идолов** планеты: Пеле, Марадона, Кройф, но статус «легендарного бомбардира» он себе заработал [8].*

Но верующие «Церкви Марадоны» считают, что этим критикам не хватает веры в бога аргентинского футбола, или DIOS,

как называют Марадону. *Dios* в переводе с испанского означает Бог, 10 – номер на футболке футболиста [7].

При первой встрече против «Аякса» «красно-белые» голову боялись поднять и победили лишь благодаря тому, что **футбольный бог** в тот день был спартаковцем, то в домашнем матче их преимущество было уже огромным [9].

Рассмотренные компоненты метафорической сферы «Бог» представляют футбол не просто как одну из множества игр в истории человечества, а как религию, где есть свой Бог, святые, церковь. Такое обозначение придает футболу особо значимый статус в системе общечеловеческих ценностей. Выдающийся футболист Диего Марадона становится иконой, причисление его к лику святых говорит о божественной безгрешности футболиста с точки зрения его фанатов. Слоты *футбольный идол* и *Великий* представляют Марадону как *Божественную сущность*, вместе с тем слот *Наш Бог* приближает аргентинского футболиста к своим фанатам, делает его родным и любимым для поклонников.

Компоненты рассматриваемой метафорической модели могут быть выражены путем прямого соотношения с обращением к Богу, когда личные местоимения пишутся с заглавной буквы:

*Но когда я рассказал **Ему**, что наша, точнее, **Его**, церковь во все не претендует на звание единственной в сердце и душе человека, что можно совмещать **веру в Марадону** и быть при этом католиком или, к примеру, протестантом, **Он** улыбнулся и пообещал, что когда-нибудь лично возглавит мессу [7].*

В данном примере слоты метафорической модели «Бог» придают тексту оттенок глубочайшего уважения перед мастерством, создают эффект недостижимости идеала.

Обожествление Диего Марадоны подтверждается следующими лексическими единицами: *с помощью нашего Диего непременно спасемся, уверовать в истинное учение о Божественном Марадоне, пообщаться с Божеством вживую божественную сущность, ведома самим Богом:*

*Так вот, эта сторона жизни Великого ничто по сравнению с его **Божественной деятельностью** на футбольном поле. Ведь когда он играл, **мы все молились на него** [7].*

*Мы же с помощью нашего **Диего непременно спасемся** [Там же].*

*И тогда я все понял: это **божественное провидение, знак свыше**. Указывающий на то, что **Марадона и есть Бог!** [Там же]*

*У меня не осталось никаких сомнений: надо рассказать людям правду, они обязательно должны **уверовать в истинное учение о Божественном Марадоне!** [Там же]*

*Официально нет, но мне однажды удалось **пообщаться с Божеством вживую** [Там же].*

*И теперь в матче с Бразилией 5 сентября докажет всему миру свою **божественную сущность!** [Там же]*

*Ведь **Аргентина ведома самим Богом!** [Там же]*

Употребление имени футболиста внутри устойчивого выражения в данных примерах придает тексту благословляющий и обожествляющий характер: *с помощью нашего Диего непременно спасемся, уверовать в истинное учение о Божественном Марадоне.*

В выражениях же *мы все молились на него, пообщаться с Божеством вживую, божественная сущность, Аргентина ведома самим Богом* метафоричное отождествление Диего Марадоны и Бога проявляется лишь в контексте.

Особого внимания заслуживают слот «**Рука Бога**», функционирующий в качестве самостоятельной метафоры:

*Любопытно, что важнейшая религиозная дата в Церкви Марадоны приходится на 22 июня, когда «**Рука Бога**» забила гол в ворота Англии, и через 22 года трагически прервалась жизнь академика и Патриарха Трезвости Ф.Г. Углова... [7].*

*Назначение Диего на пост почти совпало с Рождеством, и многие верующие стихийно исполнили молитву «Мы снова будем чемпионами, **Божья рука** нас к этому ведет» [Там же].*

Рождество последователи Церкви Руки Господней отмечают 30 октября – в день рождения Марадоны [Там же].

Диего Марадона отнял руку у бога [Там же].

Метафорическая модель «Рука Бога» в компонентах метафорической модели *Церковь Руки Господней, Рука Бога, Божья Рука, отнял руку у Бога* образовалась в результате переноса реальных событий в религиозный контекст. Так, на 51-й минуте четвертьфинала 13-го Чемпионата мира по футболу 1986 года против команды Англии Диего Марадона забил рукой один из самых знаменитых футбольных голов, вошедший в историю под названием «рука Бога». Арбитр матча посчитал, что мяч был забит головой, и несмотря на возмущение английских игроков, гол засчитал. На послематчевой конференции Марадона заявил, что спорный мяч был забит «отчасти его головой, а отчасти рукой Бога».

Название церкви варьируется в зависимости от метафор, употребленных по отношению к Марадоне:

В этом я вижу мистический завет академика, его указующий перст на Церковь Марадоны [7].

Апофеозом народной любви стала церковь имени великого игрока, которую больше 20 лет назад основал страстный фанат звезды Марсело Амис из аргентинского города Росарио [Там же].

Но верующие «Церкви Марадоны» считают, что этим критикам не хватает веры в бога аргентинского футбола, или D10S, как называют Марадону. Dios в переводе с испанского означает Бог, 10 – номер на футболке футболиста [Там же].

Рождество последователи Церкви Руки Господней отмечают 30 октября – в день рождения Марадоны [Там же].

Итак, на основе данных примеров употребления модели метафорической области «Бог» в публицистических текстах, посвященных спортивной тематике, можно заключить, что компоненты этой сферы свидетельствуют о чрезвычайной популярности футбола в современной жизни, где фанатичное поклонение футбольным героям приобретает характер религии.

Контраст с беззаветной любовью поклонников составляет функционирование на фоне моделей метафорической области «Дьявол», компоненты которой демонстрируют чувства болельщиков к командам и конкретным игрокам футбольных противников.

Необходимо отметить значительно меньшее количество библейских метафор метафорической области «дьявол». Интересно, что в анализируемых примерах понятие «дьявол» приобретает как отрицательную, так и положительную коннотацию.

Отрицательная коннотация возникает при характеристике команды противника, побеждающей с завидной регулярностью:

Они утверждают: на футболках ведущих западных клубов поселился дьявол. Мусульмане не должны поклоняться дьяволу, а также символам других религий [10].

Известный футбольный писатель – кстати, наполовину голландец – Саймон Купер так характеризовал ванн Гала: «Суций дьявол с плоским носом, фальшивыми зубами и странными телодвижениями» [11].

«Дьявольская месть Адвокату» – с таким заголовком вышла вчерашняя газета Het Nieuwsblad [12].

В данных примерах дьявол фигурирует как зловещее омерзительное существо (суций **дьявол** с плоским носом, фальшивыми зубами и странными телодвижениями, **поселился дьявол**, **дьявольская месть**) в соответствии со своим библейским смыслом.

Напротив, метафора *красные дьяволы*, ставшая неофициальным названием команды «Манчестер Юнайтед», является характеристикой практически сверхъестественного мастерства, отражая восхищение игрой английской команды: **«Красные дьяволы»** смогли на время забыть обо всех трудностях, которые случились с командой перед матчем, и отлично провели встречу против сильной сборной России [Там же].

Кстати, в Лиге чемпионов (она проводится с 1992 года) ближе всех к финалу на домашнем стадионе был «Манчестер Юнайтед» – в 2003 году «красные дьяволы» не смогли преодолеть стадию четвертьфинала [13].

Итак, употребление метафорической модели «Спорт – это дьявол» в описании внешности футбольного тренера необычайно ярко и эмоционально показывает отвращение к Луи ван Галу. Высочайший уровень игры команды «Манчестер Юнайтед» заслуживает восхищения и уважения, что показывает правомерность сравнения мастерства игроков с умением дьявольским, т.е. почти недоступным обыкновенному человеку. Присутствие именно красного цвета в этом слоте объясняется цветом эмблемы команды «Манчестер Юнайтед».

Таким образом, в публицистических текстах, посвященных спортивной тематике, превалируют модели метафорической области «Бог». Употребление библейских метафор в публицистических текстах позволяет наиболее ярко и выразительно отразить ярое поклонение спортсменам – легендам футбола, сравнимое лишь с поклонением Богу. Употребление же библейских метафор метафорической области «Дьявол» в газетных статьях отражает как очевидную ненависть, так и восхищение мастерством игроков.

Список литературы

1. Маслова В.А. Теория концептуальной метафоры и ее роль в современных лингвистических исследованиях // *Лінгвістика. Лінгвокультурологія: збірник наукових праць / за редакцією д-ра філол. наук, академіка АН ВО України, проф. Ю. О. Шепеля.* – Днепропетровск, 2012.

2. Арутюнова Н. Д. Метафора // *Лингвистический энциклопедический словарь.* – М., 1990.

3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2006.

4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

5. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.

6. Пименова М.В. Библия как источник метафор сердца в русской языковой картине мира // *Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Маенако.* – Краснодар, 2008.

7. Обросков А.А. Maradonian Church. Церковь Диего Армандо Марадоны [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.proza.ru/2009/10/26/358>.

8. Тарасенко И. «Голова хочет играть, тело – не может». Вчера легендарный зубастик Роналдо завершил профессиональную карьеру // Стадион. – 2011. – 17 февр. (№ 6 (212)). – С. 12.

9. Беляева Д. Убить «драконов» хочет московский «Спартак» // РБК Daily. – 2011. – 21 марта.

10. Чекушкин А. (Куала-Лумпур). Дьявол на футболке // Известия. – 2010. – 26 июля.

11. Шуваев Е. Луи ван Гал и Жозе Моуриньо. Двое из ларца // Советский спорт. – 2010. – 18 мая.

12. Ляпин М. Дьявольская месть. Бельгийские СМИ смакуют победу над бывшим тренером своей сборной // Советский спорт. 2010. – 19 нояб.

13. «Черт, а где Кубок?» // Советский спорт. – 2010. – 16 марта.

14. Видич: «Наша цель – победа в Премьер-лиге и Лиге чемпионов, к которой мы будем стремиться в следующих сезонах». – URL: <http://www.euro-football.ru/news/shownews.php3?num147453>.

УДК 372.881.1

Г.В. Попова, М.А. Романова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ОБЩНОСТЬ УМЕНИЙ В РЕЦЕПТИВНЫХ И ПРОДУКТИВНЫХ ВИДАХ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА ВЗАИМОСВЯЗАННОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье рассматриваются основные характеристики видов речевой деятельности, подчеркивается общность структурной организации, предметного содержания и механизмов, которая позволяет теоретически более полно обосновать возможность и целесообраз-

ность взаимосвязанного обучения видам РД как взаимодействующего целого на основе общности его частей.

Ключевые слова: речевая деятельность, слушание, чтение, говорение, письмо.

Речевая деятельность (РД) есть специфическая форма человеческой деятельности, ее самостоятельный вид. Она представляет собой процесс активного, целенаправленного, опосредствованного языком и обусловливаемого ситуацией общения приема или выдачи речевого сообщения во взаимодействии людей между собой.

Признание РД объектом обучения связано с появлением ряда работ, основанных на новейших данных психолингвистики и лингводидактики и получивших экспериментальную проверку в ходе опытного обучения на подготовительных или основных факультетах в вузах нашей страны (работы Л.С. Выготского, П.П. Блонского, А.Н. Леонтьева, Л.В. Занкова, П.И. Зинченко, П.Я. Гальперина и др.).

Как и другая деятельность человека, его РД определяется целым рядом характеристик, и прежде всего, структурной (внешней и внутренней) организацией и предметным (психологическим) содержанием. РД человека обусловливается сложным взаимодействием функционирования внимания, восприятия, мышления, памяти, которые выступают в качестве общефункциональных психологических механизмов этой деятельности. РД характеризуется также единством внутренней и внешней стороны и единством содержания и формы реализации этой деятельности.

В статье была предпринята попытка провести сопоставительный анализ продуктивных и рецептивных видов РД в соответствии с трехуровневой структурой РД:

1. Мотивационно-побудительный уровень (формирование мотивов, запускающих деятельность).
2. Аналитико-синтетический уровень (внутренняя организация РД).
3. Исполнительский уровень (выполнение деятельности).

Общность структуры рецептивных видов РД выявляется уже при анализе первого, мотивационно-побудительного уровня. Из-

вестно, что в качестве общей для слушания и чтения выступает познавательная потребность. Она находит себя в предмете – мысли. Это означает, что материал для рецепции должен быть информативным, интересным, соответствующим интеллектуальным возможностям, возрасту, профессиональной ориентации и т.д., т. е. удовлетворяющим познавательную потребность.

Второй уровень – ориентировочно-исследовательский (аналитико-синтетический) – в слушании и чтении представлен полно и развернуто. Он предполагает как бы несколько этапов аналитико-синтетической обработки поступающего на слух (в процессе слушания) или зрительным путем (в процессе чтения) речевого сообщения. В схеме смыслового восприятия таких этапов четыре:

1) смысловое прогнозирование (актуализация семантического поля, соотносимого с общим смыслом гипотезы);

2) вербальное сличение (опознавание звуковых и графических образов);

3) установление смысловых связей между словами и между смысловыми звеньями;

4) смыслоформулирование (обобщение всей проделанной перцептивно-мыслительной работы, уяснение смысла сообщения для реципиента и его перевод на внутренний код).

Рассмотрение ориентировочно-исследовательского уровня слушания и чтения показывает, что одной из основных общих для этих видов РД особенностей является единство перцептивного и смыслового звеньев.

Общность рецептивных видов РД выявляется и при анализе их механизмов. Характеристика работы речевых механизмов показывает, во-первых, что и слушание, и чтение представляют собой активный процесс, требующий интенсивной мнемически-мыслительной деятельности человека; во-вторых, что механизмы памяти, вероятностного прогнозирования и осмысления функционируют одинаково в обоих видах рецепции, но более напряженно в слушании.

Общность механизмов чтения и слушания определяется:

1) общей схемой смыслового восприятия текста, являющегося внутренней стороной рецепции;

2) аналогичным характером предмета, продукта и результата деятельности при чтении и слушании;

3) общностью функционирования механизмов, в качестве которых выступают память, вероятностное прогнозирование и осмысление [1, с. 27-34].

Рассматривая продуктивные виды РД, можно сказать, что проблема их взаимодействия менее изучена, чем проблема взаимодействия рецептивных видов. Анализ структурной организации говорения и письма показывает, что сходство между ними обнаруживается также уже на первом, мотивационно-побудительном уровне. И говорение, и письмо как виды РД обуславливаются коммуникативной потребностью, которая находит свою определенность в предмете деятельности – мысли, становится внутренним мотивом, т. е. тем, что конкретно побуждает деятельность говорения или письма. Этот уровень в продуктивных видах РД представляет собой сплав мотива и коммуникативного намерения. При этом мотив объясняет характер данного речевого действия, а коммуникативное намерение отражает коммуникативную цель, которую преследует говорящий или пишущий, планируя ту или иную форму воздействия на слушающего или читающего (т.е. спрашивает ли он, утверждает, призывает, одобряет, осуждает и т.д.). На этом уровне смысловыражения говорящий или пишущий знает только общий предмет или тему своего высказывания, т. е. то, о чем он будет говорить или писать, и форму взаимодействия со слушателем или читателем, т. е. нужно ли ему получить, запросить информацию или выдать ее.

Второй уровень речеобразования – это уровень смыслообразования и формулирования, собственно формирования мысли посредством языка. Смыслообразующая фаза речепроизводства образует и развертывает общий замысел говорящего или пишущего, формируя смысловую и логическую канву высказывания. На смыслообразующей фазе формирующего уровня проявляется весь лингвистический опыт говорящего или пишущего, чувство языка и знание условий и правил употребления его единиц.

Третий – реализующий уровень речеобразования в анализируемой схеме; будучи внешне выраженным в обоих видах РД, име-

ет, однако, разные характеристики для говорения и письма. Если в говорении реализующий (исполнительный) уровень связан с артикуляцией и интонированием и для него важно, прежде всего, развитие произносительных навыков, то в письме, предполагающем сформированность произносительных навыков, он выражается в графической записи высказывания, возможность которого обусловлена знаниями и навыками орфографического и синтаксического порядка, т. е. сформированностью у индивида системы звукобуквенных связей и моторных навыков буквописания. На развитие этих навыков (произносительных и интонирования в говорении, орфографических и синтаксических в письме) и должны быть направлены упражнения, являющиеся специфическими для каждого из продуктивных видов РД.

Итак, рассмотрение психологических характеристик продуктивных видов РД позволяет сделать вывод, что общие черты говорения и письма, обеспечивающие возможность их взаимосвязанного развития, определяются:

- 1) идентичностью схем речепорождения;
- 2) аналогичным характером предмета, продукта и результата деятельности при говорении и письме;
- 3) общностью действия механизмов памяти, осмысления и упреждающего синтеза [1, с. 34-39].

Определение общих для рецепции и продукции умений, связанных с формированием механизма осмысления, представляет важную и достаточно трудную задачу. Умения, связанные с формированием механизма осмысления, относятся к основным умениям рецептивных видов РД:

- 1) определять тему речевого сообщения;
- 2) членить речевое сообщение на смысловые части;
- 3) определять главную мысль смысловой части и мысли, детализирующие главную;
- 4) устанавливать логику смыслового сообщения;
- 5) определять общее содержание смыслового сообщения.

Отметим, что эти умения, не контролируемые сознанием в процессе симультанного восприятия, могут четко осознаваться и вербализоваться в учебной деятельности, когда перед студентом

поставлены соответствующие этим умениям учебные задачи (например, ответить на вопрос, о чем текст, расчленить его на смысловые части и т. д.). Эти умения, как и всякое другое сложное действие, базируются на целом комплексе простых действий и операций. В то же время эти умения направлены на осознание предмета РД – смыслового содержания.

Определение умений, основанных на осмыслении в продуктивных видах РД и, соответственно, направленных на формирование этого механизма в иноязычной учебной деятельности, представляет не только практическую, но и самостоятельную теоретическую трудность. Это объясняется, во-первых, тем, что эти умения, нерасчленимые и сознаваемые говорящим (или пишущим) в процессе речепорождения, до сих пор не являлись предметом объективизации в учебной деятельности. Во-вторых, разграничение этих умений достаточно условно, так как процесс речепорождения представлен в единстве всех реализующих его умений. Немановой Р.П. были вычленены следующие умения, связанные с функционированием механизма осмысления в продуктивных видах РД [2]:

- 1) осознавать исходный замысел высказывания;
- 2) объединять сверхфразовые смысловые части в целое речевое сообщение (определять структурно-смысловое единство речевого сообщения);
- 3) удерживать в памяти и упреждать основную мысль каждой смысловой части и определять структурно-смысловое единство целого текста;
- 4) устанавливать логику развертывания сообщения;
- 5) планировать и вербализовать предикативную структуру изложения (текста).

Очевидно, что перечисленные умения при разном их наименовании в рецепции и продукции имеют в основе общее смысловое действие, направленное на осмысление (осознание, объективизацию) предмета говорения или письма. Важно отметить, что если в рецепции развитие соответствующего умения должно быть соотносено с формой учебного задания, то в продукции развитие соответствующего умения связано с опосредующим это умение заданием

выразить мысль на различном уровне высказывания. Так, для первого умения соответствующим уровнем является номинативное высказывание студента в ответ на задание выразить замысел высказывания, второе умение формируется в объединении отдельных ситуативных высказываний в микротемное и т. д.

Выявление общих для рецепции и продукции умений дает возможность определить и серию упражнений, направленных на формирование этих умений [1, с. 39, 40].

Таким образом, рассмотренные характеристики основных видов РД – слушания, чтения, говорения и письма – и намеченная для рецептивных и продуктивных видов РД общность структурной организации, предметного содержания и механизмов позволяют теоретически более полно обосновать возможность и целесообразность взаимосвязанного обучения видам РД как взаимодействующего целого на основе общности его частей. Особенно велика роль механизма осмысления, что позволяет выделить в качестве основы взаимосвязанного обучения первостепенное развитие умений, основанных именно на этом механизме, и определение комплекса упражнений, направленных на формирование этих умений [3, с.133].

Список литературы

1. Взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности / В.П. Григорьева, И.А. Зимняя, В.А. Мерзлякова [и др.]. – М.: Рус. яз., 1985. – 116 с.
2. Неманова Р.П. Методика взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности на начальном этапе языкового вуза: дис. ... канд. пед. наук. – М., 1981.
3. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. – М.: Рус. яз., 1989. – 219 с.
4. Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления. // Вопросы философии. – 1974. – №4.
5. Жинкин Н.И. Механизмы речи. – М., 1958.

УДК 81'22

Г.В. Попова, Я.М. Чаплыгина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

В статье рассматривается манипулятивное воздействие в современном рекламном тексте. Предпринята попытка анализа основных составляющих манипулятивного воздействия.

Ключевые слова: манипулятивное воздействие, манипулятор, мишень.

Исследование манипулятивного воздействия берет свои истоки в работах многих психологов, социологов, политологов (Беглов, 1981; Берн, 1992; Бессонов, 1971; Власов, 1982 и др.). Из работ этих ученых можно вывести следующее определение манипуляции: «воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо (сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение) неосознанно или вопреки его собственному желанию, мнению, намерению» [1].

Следует отметить, что успешность манипуляции напрямую зависит от количества используемых в ходе ее средств психологического воздействия. Проанализировав научную литературу по манипулятивному воздействию, мы выявили набор основных составляющих манипуляции. К ним можно отнести цель и потребность манипулятора, пусковой механизм, мишень манипулятора, технологию манипуляции, владение и оперирование информацией, вуалирование манипуляции, степень и средства принуждения, роботообразность адресата воздействия.

Итак, под целью манипулятора обычно понимают необходимое манипулятору – то, что должен сделать объект манипуляции. Потребность же манипулятора заключается в том, ради чего осуществляется воздействие. Далее следует пусковой механизм,

т. е. контекст манипуляции, – то, что помогает запустить манипуляцию.

Под мишенью манипулятора обычно подразумевают те психические структуры, на которые оказывается влияние со стороны субъекта воздействия. Однако все чаще в различной литературе по манипуляции можно встретить слово мишень применительно к отдельному человеку или даже группе людей [2].

Можно выделить три типа мишеней. К первому относятся потребности, желания, мотивы (желание спать, потребность в деньгах или в эмоциях, желание нового или развития). Второй тип включает в себя убеждения, установки и ценности манипулируемого. Например, установка «я – патриот». Вследствие данной установки позитивно воздействует призыв «Поддержи отечественный автопром!». И наконец, третий тип – это самооценка человека.

Многие ученые отмечают, что воздействие строится в расчете на низменные чувства и потребности человека (например, чувство собственности, расизм, корысть, любовь к деньгам и т. п.). Отмечается, что, как правило, манипуляторы эксплуатируют влечения, которые должны действовать безотказно: потребность в безопасности, в пище, в чувстве общности и т. п.

Следует отметить, что чем шире манипулируемая аудитория, тем универсальнее должны быть используемые мишени. Точная направленность массового воздействия возможна лишь в том случае, когда субъекту воздействия известны специфические качества интересующего его слоя населения или группы людей. Соответственно, чем уже предполагаемая аудитория, тем точнее должна быть подстройка под ее особенности.

В случае когда такая подстройка по каким-либо причинам не производится, в ход приходят универсальные побудители: гордость, стремление к комфорту, желание иметь семейный уют, продвижение по службе, известность – вполне доступные и понятные большинству людей ценности [1].

Мишени манипулятора можно разделить на следующие виды:

1. Побудители активности: потребности, интересы, склонности, идеалы. Если в манипулятивном воздействии встречаются эти мишени, то вся деятельность манипулятора направлена на создание

искусственных побудителей активности. Основную задачу здесь манипулятор видит в создании потребности у человека.

2. Регуляторы активности: смысловые, целевые установки, нормы, самооценка, мировоззрение, верования. В данном случае манипулятор необходимо внушить объекту, что так надо.

3. Когнитивные структуры: знания о мире, людях, сведения, которые обеспечивают информацией человеческую активность. Создание манипулятором необходимых когнитивных структур – обучить, убедить, известить, проинформировать. Простой слух способен изменить многое в отношении одного человека к чему-либо, а информация о том, что все безнаказанно, может толкнуть на правонарушение.

4. Состав деятельности: способ мышления, стиль поведения, привычки. Формирование необходимого способа мышления, стиля поведения, квалификации. Основная задача – обучить, натренировать, отработать. Начиная с малого, манипулятор добивается того, чтобы за ним повторяли.

5. Психические состояния: фоновые, функциональные, эмоциональные, т. е. приведение объекта в определенное психическое состояние: дестабилизация, усталость, нетерпеливость, подавленность, растерянность, эйфория.

Средства, с помощью которых оказывается влияние на объект, общая стратегия и главная идея манипуляции носят название «технология манипуляции». Обычно под этим понимается создание неожиданного контекста, информационная перегрузка, демонстрация соучастия – все это разные технологии манипуляции. Технология манипуляции реализуется не только через общую стратегию, но и через конкретные манипулятивные фразы и действия.

Все разнообразие производимых над информацией операций А.Д. Васильев предлагает разделить по нескольким параметрам (таким, как искажение или утаивание информации, способ и момент подачи, подпороговая подача информации) [3].

Под искажением информации можно понимать как открытую ложь, так и приукрашивание фактов либо их подтасовка.

Вайткунене Л., описывая особенности имиджа как средства воздействия, отмечает, что в имидже «главное не то, что есть в ре-

альности, а то, что мы хотим видеть, что нам нужно». Этот образ представляет результат «искажения отдельных явлений природы, общественной жизни» [4].

Помимо искажения в манипуляции также часто используется утаивание информации, т. е. сокрытие фактов. Этот способ оперирования информацией подразумевает введение в заблуждение путем искажения смысла за счет умалчивания важной информации.

Немаловажную роль в воздействии играет способ подачи информации. Допустим, неотформатированная информация подается сплошным потоком без интонирования и паузации, осложняясь избыточной бесполезной информацией. Все это приводит к искажению смысла сообщения адресатом. Рассмотрим еще один пример, когда информация выдается порционно с длительными перерывами во времени. В таком случае человеку проблематично связать все части воедино для принятия правильного решения.

Момент подачи также влияет на человека. К интересным выводам в своем исследовании пришел В.Х. Рикер. Ученый отметил, что в зависимости от того, в каком порядке ставятся на голосование вопросы или обсуждаются пункты повестки собрания, итоговый исход голосования или обсуждения будет разным в силу влияния результатов предыдущего голосования или обсуждения [5].

Еще один распространенный прием – подпороговая подача информации. Такая подача информации влияет на наше подсознание, поскольку произвольная реакция зрителей на смену фона повышает пропускную способность смыслового канала. Например, такой прием используется на радио или телевидении – смена музыкальной темы в фонограмме в момент, когда в дикторском тексте подается материал, на который необходимо обратить внимание аудитории. Нередко встречается также параллельное транслирование двух сообщений, что искажает смысл основного сообщения, т. е. помеха вместе с сообщением.

Список литературы

1. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М.: Алгоритм, 2002.

2. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. – М.: Политиздат, 1977.

3. Васильев А.Д. Некоторые манипулятивные приемы в текстах телевизионных новостей // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. – Вып. 20.

4. Вайткунене Л. Психотехнические средства буржуазной пропаганды. – Вильнюс, 1984.

5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999.

6. Баранов А.Н. Что нас убеждает? // Знание. Лекторское мастерство. – 1990. – № 1.

7. Борисова Е.Г. Алгоритмы воздействия. – М.: Международный институт рекламы, ИО «Московия», 2005.

УДК 372.881.1

Н.Н. Романова¹, И.О. Амелина², М.А. Глебова²

МГТУ им Н.Э. Баумана¹

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск²

КРИТЕРИИ ОТБОРА ЛЕКСИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена выявлению методических критериев и принципов для отбора лексического материала при обучении иностранных студентов-экономистов деловому общению. Представлена отобранная согласно данным критериям на материале советских и российских фильмов актуальная лексика, служащая основой для соответствующего аспектного курса и сопровождающего его учебного пособия в рамках вузовской дисциплины РКИ.

Ключевые слова: профессионально-коммуникативная компетенция, лингвистический компонент, лексика, деловая коммуникация.

Освоение лексического уровня изучаемого языка является одной из ключевых составляющих иноязычного образования, базой для развития у учащихся коммуникативной и профессионально-коммуникативной компетенции, лингвистический компонент которой подразумевает овладение «определенной суммой формальных знаний и соответствующих им навыков, связанных с различными аспектами языка» [1, с. 6], «узнавание и использование лингвистических единиц, способность оперировать ими для производства грамматически и лексически правильной речи» [2, с. 724].

Теоретико-методологические основы и практические приемы работы с лексикой в курсе русского языка как иностранного (РКИ) находятся в поле зрения многих ученых: Е.Н. Солововой, Т.М. Балыхиной, Л.С. Крючковой, Н.В. Мощинской, И.П. Лысаковой, Н.Л. Никульшиной, Н.А. Гуниной, О.М. Батраевой и др. Исследователи подчеркивают тот факт, что коммуникация в профессиональной области требует постоянного пополнения словарного запаса, а с учетом изменений, происходящих в мире на всех уровнях жизни (экономическом, политическом, социальном, культурном), появления новых реалий и ситуаций общения, проблема профессионально ориентированного обучения лексике остается неизменно актуальной. В данной статье представлены результаты исследования, которое направлено на выявление и отбор лексических единиц, релевантных для освоения деловой коммуникации в аспектах специального и общего владения РКИ [3, с. 9].

Для организации успешного изучения лексического материала необходимо придерживаться определенных методических ориентиров. Вепрева Т.Б., рассматривая стратегии обучения иноязычной лексике, номинирует принципы, выделяемые зарубежными учеными:

- принцип минимизации языка;
- принцип дифференцированного подхода в зависимости от цели усвоения лексики;
- принцип взаимосвязанного обучения лексике и видам речевой деятельности;
- принцип сознательности, включающий в себя рефлекссию [4, с. 106].

Данные принципы применимы и к российской образовательной системе, однако в высшей школе к ним добавляется принцип профессиональной направленности обучения, который служит отражением приоритетных целей вузовской лингводидактики. В этой связи Н.Ю. Федорова при рассмотрении специфики отбора учебного материала закономерно акцентирует внимание на развитии профессионально значимых навыков (прагматический аспект), а также постулирует важность учета уровня владения языком, фоновых знаний и мотивации учащихся [5, с. 191].

Общепризнано, что обучение лексике – это не механическое заучивание новых слов, а их целенаправленно организованное усвоение, в основе которого лежит отбор лексических единиц. Критериями для такого отбора служат следующие количественно-качественные характеристики слова:

- семантическая ценность и необходимость для общения;
- частотность употребления;
- ситуативно-тематическая отнесенность;
- способность сочетаться с другими словами;
- словообразовательные возможности;
- учебно-методическая целесообразность введения;
- профессиональная необходимость введения [6, с. 121].

Проанализируем данные критерии в их соотношении с принципами обучения лексике и в целях подготовки пособия по деловому общению:

1. Критерий частотности, коммуникативной ценности и языковой функциональности объединяет критерии семантической ценности слова, его необходимости для общения, частотности употребления, словообразовательных возможностей и сочетаемости с другими словами. Приоритетные прагматические цели обучения определяют значимость формирования у иностранных студентов умений адекватно задачам общения реагировать на вербальные стимулы с опорой на введенный минимум лексического материала (*принцип минимизации языка*). В помощь преподавателям подготовлены такие лексические минимумы, которые содержат наиболее частотные и необходимые в общении слова для каждого уровня владения РКИ (*принцип учета уровня владения язы-*

ком). При составлении списков ученые также обращали внимание на лингвистический потенциал единиц, их функциональность.

2. Критерий тематической отнесенности к профессиональной области объединяет критерии ситуативно-тематической отнесенности слова и профессиональной необходимости его введения. Прагматические цели обучения также требуют определенной логики процесса, что обеспечивается структуризацией материала, его разбиением на определенные темы; при этом семантизация лексических единиц осуществляется эффективнее благодаря реализации *принципов сознательности и дифференцированного подхода в зависимости от цели усвоения лексики*. Курс деловой коммуникации в системе высшего образования может включаться в программу преподавания РКИ студентам разных специальностей, поэтому лексика каждой темы должна соответствовать профессиональной сфере учащегося (*принцип профессиональной направленности обучения и принцип мотивации и фоновых знаний*).

3. Критерий учебно-профессиональной целесообразности объединяет критерии учебно-методической целесообразности и профессиональной необходимости введения слова. Обучение языку деловой коммуникации в конкретной профессиональной области подразумевает ознакомление с лексическими единицами разных категорий (терминов, профессионализмов и т.п.) с целью их последующего узнавания и использования в письменной или устной речи, при чтении или аудировании (*принцип взаимосвязанного обучения лексике и видам речевой деятельности*). Безусловно, в экономической сфере превалирует профессиональная лексика, системное усвоение которой достигается посредством толкования значения с помощью общеупотребительных лексем. Такой прием создает основу для запоминания термина и помогает избежать «привязки» к эквиваленту на родном языке. «Студенты систематически обучаются вдумчивой аналитической работе над иноязычным словом, которое предстает перед ними не как изолированная единица, а как структурный элемент иноязычной лексической системы, ориентированной на его речевое использование» [7, с. 119]. Среди рассматриваемого вокабуляра определенное внимание следует уделять лексемам, отражающим национально-культурную специфику,

несущим коннотации для облегчения абилитации студентов в новом лингвосоциуме (*принцип мотивации*). Необходимость этого обусловлена тем, что «эффективная деловая коммуникация зависит не только от знания общепринятых речевых формул или умелой техники речевого воздействия, но также и от фоновых знаний о культуре страны, культуре носителей языка – участников деловой коммуникации» [8, с. 63].

Рассмотрим в качестве примера методику отбора актуальной лексики для обучения иностранных студентов-экономистов деловой коммуникации в рамках дисциплины «Русский язык как иностранный» на начальной ступени бакалавриата / специалитета (1-2 курсы) с учетом вышеназванных критериев. Для иллюстрации обратимся к материалам отечественных художественных фильмов и сериалов («Не родись красивой», «Служебный роман», «Служебный роман. Наше время», «Папа для Софии», «Петя Великолепный», «Всё ради тебя», «Некст-2», «Три полуграции») как аудиовизуальным средствам, которые считаются наиболее привлекательными для повышения мотивации и активизации учащихся благодаря совмещению зрительных образов и лингвистического кода в представлении реальной социокультурной обстановки, что стимулирует интеллектуальную и эмоциональную деятельность обучающихся.

Критерий частотности, коммуникативной ценности и языковой функциональности диктует отбор профессионально ориентированной лексики, т. е. «терминологии профильных научных дисциплин в объеме терминологического лексического минимума (в рамках базовых учебников по специальности)» [9, с. 34], а также для реализации интенций, описанных в Государственном образовательном стандарте по русскому языку как иностранному [Там же].

Примеры профессионально-ориентированной лексики:

1. Экономическая теория, деньги, кредит, банки: *перспектива, стабильный, инвестиционный фонд, рейтинговое агентство, аналитик, акция, опека, брокер, торговая марка, биржа, спекулятивная цена, маржа, убыточный, стратегия, прибыльный, накопления, обесценивать, удорожание.*

2. Экономика предприятия: *отчетность, план закупок, перебои, коммерческий директор, производитель, заключить контракт, поставщик, сотрудничество, социальный план, бизнес-план, оборотные средства, сырьё, пакет акций, банкрот, ИП (индивидуальный предприниматель), заявка, тендер, расчёт, долг, соглашение, совет директоров, дискредитировать, приказ.*

3. Маркетинг: *имидж, рекламная акция, скидка.*

Данные примеры полностью соответствуют лексике базовых учебников по экономическим дисциплинам (по экономической теории, экономике предприятия, менеджменту и др.).

Примеры профессионально значимых интенций:

– сообщить о наличии объекта/ов и дать их классификацию: *служащий, коммерческий директор, банкрот, поставщик, аналитик, главбух, брокер социальный план, бизнес-план, акция, оклад, постановление, свидетельство, оборотные средства;*

– дать определение, различного рода характеристики объекта, описать его состав, строение, структуру, устройство: *внеочередной, прибыльный, безынициативный, одиозный, убыточный, стабильный, пунктуальность, преимущество, должность, оригинал, перспектива, выгодные;*

– описать процесс, явление, функции, применение, использование, назначение объекта: *дезориентировать, дискредитировать, отвлекать, обесценивать, погасить (долг), рекламная акция распродажа, указание, заявка;*

– описать движение, перемещение, взаимодействие объектов, выразить связь и зависимость между объектами: *сотрудничество, обслуживать, продвижение, ладить с кем-то, «сарафанное радио», сговориться, обратиться, заключить контракт, совещание;*

– описать изменение состояния объекта: *перебои, удорожание, обесценивать, разморозить деньги;*

– описать местонахождение, положение объекта: *травмопункт, совет директоров, испытательный срок, биржа.*

Соответствие критерию тематической отнесенности в рамках профессиональной области выполняется путем разделения лексики в рамках следующих тем:

1. Деловая коммуникация. Особенности общения: *должность, ходатайство, отчетность, совещание, служить верой и правдой, коммерческий директор, производитель, заключить контракт, поставщик, сотрудничество.*

2. Речевой этикет: *имел честь ознакомиться (с чем-либо), придётся подождать, присаживаться, что Вас ко мне привело, позвольте представить.*

3. Портрет делового человека: *субординация, пунктуальность, обслуживать, служащий, аналитик, собранный, кандидатура, это мой конёк, безынициативный, идти на дно, нерадивый, дискредитировать, дезориентировать, банкрот, оклад, участь.*

4. Деловая беседа. Собеседование. Резюме: *впечатлить, претендовать, отслеживать, ладить с кем-то, сарафанное радио, репутация, одиозный, карьерной рост, девочка / мальчик на побегушках, главбух, испытательный срок, любить и жаловать, штраф, ИП, травмопункт, прогул.*

5. Деловой телефонный разговор: *соединить, истекать, обратиться, расчёт, набивать цену, заявка.*

6. Деловые переговоры. Деловое письмо (официальный характер): *соглашение, без моего ведома, разморозить деньги, пакет акций, совет директоров.*

7. Деловые переговоры. Расписка: *стратегия, сговориться, рекламная акция, распродажа, скидка, имидж, убыточный, стабильный, биржа, оборотные средства, акция, указание, компенсация, опека, брокер.*

8. Деловые переговоры. Деловое письмо (полуофициальный характер): *преимущество, предварительный, продвижение, торговая марка, знать до молекул, сырьё, добровольно, постановление, бизнес-план.*

Критерий учебно-профессиональной целесообразности реализуется путем введения лексических единиц, характерных для устной и письменной деловой коммуникации, т. е. лексики официально-делового (профессиональной лексики, терминов, нейтральной лексики) и разговорного (где актуализируется лексика с национально-культурной спецификой) стилей. Далее приведены примеры названных лексических групп:

1. Профессиональная лексика: *главбух, выходное пособие, должность, кандидатура, ИП, капиталовложение, сырьё, брокер, коммерческий директор, контракт, производитель, поставщик, штраф, прогул, рейтинговое агентство, служащий, накопления, приказ, карьерной рост, испытательный срок, заявка, обслуживать, аналитик, дезориентировать, дискредитировать, расчёт, ходатайство, отчетность, свидетельство, субординация, стратегия, постановление, совет директоров, продвижение, соглашение, совещание, отсрочка, банкрот, акция.*

2. Термины: *маржа, опека, торговая марка, план закупок, тендер, оборотные средства, бизнес-план, социальный план, инвестиционный фонд, пакет акций, рекламная акция, биржа, спекулятивная цена, компенсация, план закупок.*

3. Нейтральная лексика: *оформить паспорт, выгодные условия, прибыльный, оригинал, пунктуальность, перспектива, сотрудничество, внеочередной, отпуск, отвлекать, соединить, путёвка, загранпаспорт, совместный, ознакомиться, разочаровать, собранный, перебои, безынициативный, обесценивать, удорожание, оклад, впечатлить, претендовать, отслеживать, ладить с кем-то, репутация, одиозный, истекать, обратиться, распродажа, скидка, имидж, стабильный, указание, преимущество, предварительный, добровольно.*

4. Разговорная лексика: *участь, нерадивый, покрывать, разморозить деньги, травмопункт, провал, идти на дно, сговориться.*

5. Разговорная лексика с национально-культурной спецификой: *служить верой и правдой, это мой конёк, сарафанное радио, любить и жаловать, девочка/ мальчик на побегушках, без моего ведома, разморозить деньги, набивать цену, знать до молекул.*

В целом было отобрано более 100 лексических единиц, овладение которыми в системе общей организации курса содействует обучению деловой коммуникации и развитию профессионально-коммуникативной компетенции иностранных студентов-экономистов.

Таким образом, задача повышения качества языковой подготовки специалистов успешно решается благодаря прагматическому подходу к отбору содержания этой подготовки и ее учебно-

методическому обеспечению посредством создания профессионально ориентированных дидактических материалов, в частности пособия по деловому общению. Основой такого пособия служит представление лексических единиц, отобранных в соответствии с методическими критериями и принципами, семантизация и закрепление этих единиц в ситуативных упражнениях и заданиях, развивающих лингвистический компонент в составе общей профессионально-коммуникативной компетенции будущего специалиста, необходимой ему для решения административно-производственных задач, осуществления плодотворного делового общения как на региональном, так и на международном уровне.

Список литературы

1. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: пособие для студентов пед. вузов и учителей. – М.: Просвещение, 2005. – 239 с.

2. Никульшина Н.Л., Гунина Н.А. Обучение лексическому аспекту профессионального общения в экономическом контексте // Вестник ТГТУ. – 2013. – №3. – С. 724–727.

3. Батраева О.М. Профессиональная лексика на уроках РКИ // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: матер. III Междунар. науч. конф. / Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2012. – С. 9–14.

4. Вепрева Т.Б. Лексика в обучении иностранным языкам // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 6. – С. 104–107.

5. Федорова Н.Ю. К вопросу об отборе и организации профессионально ориентированного учебного материала. Лексический аспект // Вестник СПбГУ. Серия 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2010. – №1. – С. 186 – 196.

6. Крючкова Л.С., Мощинская Н.В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 480 с.

7. Усова А.В., Бобров А.А. Формирование у учащихся учебных умений. – М.: Знание, 2003. – 191 с.

8. Романова Н.Н., Амелина И.О. Лингвокультурная интерпретация концепта «работа» при обучении русскому языку иностранных студентов-экономистов (на материале художественных фильмов) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. – 2014. – № 1. – С. 62 – 68.

9. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Профессиональные модули. Первый уровень. Второй уровень / Н.П. Андриюшина [и др.]. – М.; СПб.: Златоуст, 2000. – 56 с.

УДК 372.881.1

Н.Н. Романова¹, И.О. Амелина², Е.Б. Кудрявцева²

МГТУ им Н.Э. Баумана

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

МЕТОДЫ АКТИВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Статья посвящена рассмотрению основных методов стимулирования и мотивации учебно-познавательной деятельности иностранных студентов-экономистов, выявлению дидактического потенциала данных методов для обучения деловой коммуникации в рамках занятий по РКИ.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, деловая коммуникация, активные методы обучения, дидактический потенциал.

Происходящее в наше время многоплановое реформирование российской образовательной системы ознаменовано сменой приоритетов и социальных ценностей: научно-технический и информационно-технологический прогресс все больше осознаются как средство достижения такого уровня общественного развития, который в наибольшей мере отвечает удовлетворению постоянно рас-

тущих потребностей личности в раскрытии духовного богатства и творческого потенциала. На первый план в системе высшего профессионального образования выходит не просто ретрансляция накопленных общенаучных и специальных знаний, а формирование целого комплекса компетенций, обеспечивающих выпускнику вуза успешную самореализацию в выбранной им социальной сфере. Компетентностная образовательная парадигма в подготовке специалистов требует системной модернизации вузовского обучения, в т. ч. языкового, для максимизации его практико-ориентированной, коммуникативно-деятельностной направленности. В этой связи дидактика и лингводидактика высшей школы находятся в постоянном поиске новых путей, эффективных методов стимулирования учебно-познавательной деятельности студентов на занятии.

Рассмотрению сущности и особенностей применения указанных методов в образовательном процессе занимались многие ученые: Ю.К. Бабанский, Т.И. Капитонова, Л.В. Московкин, А.Н. Щукин, М.М. Бирштейн, Т.П. Тимофеевский, Р.Ф. Жуков, И.Г. Абрамова, Ю.С. Арутюнов, Б.Н. Герасимов, В.Ф. Комаров, А.Л. Лифшиц, А.П. Панфилова, В.Я. Платов, Ю.М. Порховник, В.И. Рыбальский, А.М. Смолкин, И.М. Сыроежин, А.В. Хуторской и др.

Существует множество определений понятия «метод». Само это слово в переводе с греческого означает исследование, способ, путь к достижению цели. Методы обучения – это «способы совместной деятельности педагога и учащихся, направленные на достижение ими образовательных целей» [1, с. 352]. Стоит отметить, что данное понятие является одновременно методической и дидактической категорией. В методике сложилось понимание метода в соотношении с целостным образовательным процессом, обуславливающим его. Дидактическая же литература описывает метод как «способ взаимосвязанной деятельности преподавателя и учащихся, направленной на решение задач образования, воспитания и развития учащихся» [2, с. 5]. Именно в таком семантическом контексте Ю.К. Бабанский предлагает получившую широкое распространение классификацию методов обучения, которая приводится в рабо-

те Т.И. Капитоновой, Л.В. Московкина и А.Н. Щукина [Там же, с. 5–6]:

1) методы организации и осуществления учебно-познавательной деятельности;

2) методы стимулирования и мотивации учебно-познавательной деятельности;

3) методы контроля и самоконтроля эффективности учебно-познавательной деятельности.

Тематическими рамками настоящего исследования обусловлено фокусирование нашего внимания на раскрытии методов стимулирования и мотивации учебно-познавательной деятельности, поскольку именно они в большей мере способствуют достижению целей современного образования – формированию общекультурных и профессиональных компетенций будущего специалиста, подготовке знающего, инициативного, предприимчивого, самостоятельного работника, чем и определяется актуальность изучения указанных методов. Рассмотрим возможности их использования в курсе обучения студентов-экономистов (начальная ступень бакалавриата) деловой коммуникации на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ). Основой курса послужили материалы советских и российских художественных фильмов и сериалов («Не родись красивой», «Служебный роман», «Служебный роман. Наше время», «Папа для Софии», «Петя Великолепный», «Всё ради тебя», «Некст-2», «Три полудня»).
Данное обозначения методов стимулирования и мотивации учебно-познавательной деятельности может быть использован функционирующий в дидактике и более общий по содержанию термин «активные методы обучения» (АМО), под которым понимают «методы, характеризующиеся высокой степенью включенности обучающихся в учебный процесс, активизирующие их познавательную и творческую деятельность при решении поставленных задач», или термин «интерактивные методы обучения» – методы, основанные на взаимодействии обучающихся между собой [3, с. 5]. При интерактивном обучении участники «совместно находят решение проблемы, моделируют ситуации, связанные с практической деятельностью, оценивают действия других и свое собственное поведение,

получают обратную связь от преподавателя и других студентов, каждый студент приобретает возможность почувствовать свою успешность, свою интеллектуальную состоятельность» [4, с. 54]. Отметим, что термины «активные методы обучения» и «интерактивные методы обучения» разнятся лишь тем, что в последнем подчеркивается результат наставнической деятельности преподавателя – интенсивная и продуктивная образовательная деятельность учащегося. В настоящей работе данные различия в понимании терминов не представляются существенными, что делает возможным их параллельное использование при исследовании возможностей повышения эффективности работы студентов в условиях образовательной среды, моделирующей реальные профессиональные ситуации и задачи.

В 90-е годы XX в. А.М. Смолкин предложил классификацию АМО, согласно которой различались:

1) *имитационные методы активного обучения*, т.е. формы проведения занятий, в которых учебно-познавательная деятельность построена на имитации профессиональной деятельности, – игровые и неигровые: разыгрывание ролей (инсценировка), деловые игры, игровое проектирование, обучение на конкретных ситуациях, разбор и обсуждение конкретного материала, выездное тематическое занятие, тематическая дискуссия «круглый стол»;

2) *неимитационные* – все способы активизации познавательной деятельности на лекционных занятиях [5, с. 31].

На сегодняшнем этапе развития образования указанные методы по-прежнему находят применение в учебном процессе, но, безусловно, с течением времени происходит их содержательная эволюция, отражающая перемены во всех сферах общественной жизни, а также их более четкое оформление.

Рассмотрим основные методы стимулирования и мотивации учебно-познавательной деятельности с обозначением их дидактического потенциала для обучения иностранных студентов-экономистов деловой коммуникации в рамках занятий по РКИ:

1. Проблемное обучение. В основу метода были положены идеи Дж. Дьюи, развитые в трудах таких ученых, как В.Т. Кудрявцев, И.Я. Лернер, А.М. Матюшкин, М.И. Махмутов, В. Оконь,

М.Н. Скаткин, Г.К. Селевко, А.В. Брушлинский, И.А. Ильницкая, Л.В. Путляева, И.С. Якиманская и др. Так, В.Т. Кудрявцев трактует проблемное обучение как вид развивающего обучения, главной целью которого является решение проблемных задач с разным уровнем сложности, что, в свою очередь, способствует овладению новыми знаниями и формированию творческих способностей: мышления, воображения, мотивации и эмоций [6, с. 23]. Суть проблемного обучения состоит в том, что обучающийся достигает результата (решает поставленную перед ним задачу или проблемную ситуацию) путем поисковой и исследовательской деятельности. Педагог в данном случае выступает не просто как руководитель и наставник, но и как активный носитель информации, который помогает в решении задач: задает наводящие вопросы, мотивирует мыслительную деятельность, способствует выдвижению гипотез, побуждает учащихся делать сравнения, обобщения, выводы, сопоставлять факты. Главную роль в таком обучении играет построение диалога (полилога), что служит развитием общения в связи с обсуждаемой проблемой, когда благодаря совместному размышлению и коммуникации в целом достигается истинный результат. Успешность данного метода обеспечивается взаимодействием преподавателя и обучающихся.

Пример задания

Тема: Деловые переговоры.

Проблема: фирма находится в затруднительном положении: новых проектов нет, банки кредиты не дают, все отказывают в помощи. Единственной возможностью называется участие в тендере, но руководитель проявляет нежелание в выборе такого выхода из ситуации (на материале фрагмента телесериала «Все ради тебя»).

Вопросы:

- Какие пути выхода из сложившейся ситуации Вы видите?
- Какой из них наиболее вероятен и предпочтителен?
- Каковы перспективы развития компании при выборе данного пути?

Выходной продукт: детальный проект вывода компании из кризиса с обозначением финансовых показателей.

Дидактическая ценность:

- формирование поисковых и исследовательских умений;
- развитие навыков планирования и прогнозирования;
- совершенствование навыков работы в коллективе;
- развитие умений в ведении переговоров (аргументировать и отстаивать свою точку зрения).

2. **Кейс-стади (case-study)**, или **кейс-технологии** (от англ. *case* – «происшествие, событие»), – один из наиболее эффективных и распространенных методов организации активной когнитивной деятельности обучающихся. Данный метод изучался многими исследователями (Ю.П. Сурминым, А.В. Сидоренко, Е.Н. Красиковой, М.Ю. Ереминой, А.Е. Ниязовой, Т.П. Фроловой, Е.В. Зарукиной и др.) и трактовался ими по-разному. Однако можно выделить общее во взглядах специалистов на суть рассматриваемого методического инструмента.

Метод кейсов – совокупность приемов и способов для организации самостоятельной работы учащихся с целью формирования у них навыков решения, анализа и оценки жизненных и производственных задач. Гуцин Ю.В. относит к кейс-технологиям метод ситуационного анализа, ситуационные задачи и упражнения, метод инцидента, метод разбора деловой корреспонденции, игровое проектирование и метод ситуационно-ролевых игр. Технология работы предусматривает три этапа (до, во время и после занятия), которые и определяют действия и роль преподавателя и учащихся [7, с. 7]. Так, роль преподавателя, по мнению Т.Ю. Айкиной, заключается в следующем: до занятия он подбирает кейс, отбирает материалы и разрабатывает сценарий занятия; в ходе занятия организует работу и руководит обсуждением кейса; в конце занятия он оценивает работу обучающихся и принятые ими решения. Обучающиеся в свою очередь получают кейс и список рекомендованной литературы, далее самостоятельно готовятся к занятию; в ходе занятия задают вопросы, углубляющие понимание кейса и проблемы; в конце они составляют отчет (проект) по данной теме [8, с. 58-60].

Обучение с помощью метода кейсов позволяет развивать следующие навыки и умения: *аналитические* (исследовать, классифицировать, выделять главное и второстепенное, мыслить логично);

практические (теоретически находить в проблемных ситуациях решение для практической профессиональной деятельности); *творческие* (находить альтернативные решения, к которым нельзя прийти логическим путем); *коммуникативные* (уметь убеждать, вести дискуссию; использовать наглядный материал, схемы, таблицы, отстаивать свою точку зрения); *социальные* (оценивать поведение людей, уметь слушать, поддерживать единомышленника в дискуссии или аргументировать противоположное мнение, осуществлять самоанализ и самоконтроль, уметь при наличии своего мнения учитывать позиции других членов дискуссии) [9, с. 72].

Пример задания

Тема: Деловая беседа. Собеседование.

Кейс: женщина пытается устроиться на работу, однако ей отказывают, что происходит уже не в первый раз (на материале фрагмента из сериала «Не было бы счастья»).

Вопросы:

- В чем заключается причина отказа?
- Как ведут себя участники беседы? Что они чувствуют?
- Были ли похожие ситуации у Ваших знакомых, родственников? Как они из них выходили?
- Какие советы Вы дадите женщине для решения представленной проблемы?

Результат: представление ответов на вопросы каждой мини-группой студентов и выбор поведенческой модели для героя фрагмента.

Дидактическая ценность:

- формирование умений анализа ситуаций;
- развитие навыков поиска и позитивного решения проблем;
- совершенствование навыков работы в коллективе.

3. Метод проектов – система обучения, при которой учащиеся приобретают знания и умения в процессе самостоятельного планирования и выполнения постепенно усложняющихся практических заданий-проектов. Гущин Ю.В. определяет проект как комплекс исследовательских, расчетных и других видов работ, выполняемых учащимися самостоятельно, но контролируемых педаго-

гом, чтобы практически и теоретически решить поставленные перед ними задачи [7, с. 10]. Данный метод был разработан в США американским философом и педагогом Дж. Дьюи и его учеником В.Х. Килпатриком, получил дальнейшее развитие в работах Е.С. Полата, С.Т. Шацкого, В.Н. Шульгина, М.В. Крупенина, Ю.В. Гущина, Е. В. Казаковой и др.

Метод проектов ориентирован в основном на самостоятельную работу обучающихся: индивидуальную, парную или групповую. Казакова Е.В., рассуждая о роли студента в такой работе, определяет его как главного участника и одновременно организатора своего образовательного процесса. Обучающемуся необходимо собрать информацию, проанализировать материал, представить его в наиболее интересном для определенной аудитории виде, выработать или активизировать риторические умения и навыки, уметь пользоваться голосом, мимикой, жестами и т. д. [10, с. 103]. Педагог выступает наставником, задавая нужное направление мышлению обучающегося, стимулируя его творческий поиск.

Основной целью метода проектов является решение проблемы, которое достигается путем использования различных подходов, а также применения знаний из различных областей науки. Гущин Ю.В. утверждает, что при использовании метода проектов поставленная проблема всегда имеет решение, т.е. у теоретической задачи есть конкретное решение, а у практической – конкретный результат. Полученные в ходе решения результаты можно использовать в дальнейшей учебной деятельности, а главное – в реальной жизни. Такой метод, по мнению автора, позволяет прочно овладеть теоретическими знаниями и их практическим применением в различных сферах деятельности [7, с. 12].

Полат Е.С. определяет образовательный потенциал использования данного метода в развитии имеющихся и приобретении новых навыков и умений:

– *интеллектуальных* (уметь работать с информацией, ориентироваться в информационном пространстве, систематизировать знания, выделять главную мысль; осуществлять поиск новой информации, анализировать гипотезу и ход ее подтверждения; делать обобщения и выводы, работать со справочными материалами);

– *творческих* (уметь генерировать идею, находить варианты решения проблемы, выбирать более рациональное из них, прогнозировать последствия принятых решений; видеть новую проблему);

– *коммуникативных* (уметь вести дискуссию, слушать и слышать собеседника, отстаивать свою точку зрения; находить компромисс с собеседником; лаконично излагать свою мысль, умело осуществлять все виды речевой деятельности);

– *методологических* (уметь работать в библиотеке, на компьютере, в телекоммуникационных сетях) [11, с. 3-10].

Пример задания

Цель: организация деятельности компании.

Задачи:

- подготовить презентацию компании;
- оформить визитную карточку руководителя, президента компании;
- провести собеседование с кандидатами и нанять работника;
- осуществить выбор деловых партнеров (подготовить письмо-приглашение по случаю начала деятельности компании);
- установить или поддержать деловые отношения с партнерами (оформить письмо-заказ или ответ на заказ фирмы).

Данный проект выполняется на протяжении всей работы по курсу деловой коммуникации.

Дидактическая ценность:

- развитие навыков планирования и прогнозирования;
- совершенствование творческих способностей;
- развитие навыков общения с целью убеждения.

4. Мозговая атака / мозговой штурм (brainstorming) – интерактивный метод, используемый на занятиях для формирования профессионально значимых качеств и развития экономического мышления обучающихся. Основоположником метода мозгового штурма считается Алекс Осборн. Исследованием этого метода также занимались Г.С. Альтшуллер, О. Холмер, Т. Гордон, Т.В. Сизых, А.Н. Прошина, С.Л. Марков, Т.Ю. Айкина и др.

В основе данного метода лежит принцип «отложенного обсуждения», который направлен на то, чтобы помочь обучающемуся думать «вслух» и позволить другим знакомиться с ходом и результатами его размышлений.

Жиронкина О.В. считает, что для успешной организации мозгового штурма необходимо: четко сформулировать цели и задачи обсуждения; обеспечить максимальный уровень свободы участникам для выражения их собственного мнения; тщательно сформировать состав участников; в процессе обсуждения руководствоваться принципом иерархичности (сначала перечислить возможные варианты, затем сосредоточиться на раскрытии их перспектив, потом снова перейти к общей картине и выбрать лучшие или добавить иные предложения) [12, с. 41]. Такое занятие состоит из трех этапов: вводного инструктажа, рабочей сессии, отбора и обсуждения окончательного варианта. Значимая роль в данном методе отведена «ведущему», в качестве которого может выступать как педагог (чаще всего), так и обучающийся (в этом случае следует проинструктировать ведущего, чтобы он заготовил несколько реплик, которые помогут ему управлять ходом занятия). «Ведущий» должен быть демократичным в плане руководства, способным создать творческую и бесконфликтную атмосферу, а также направлять ход дискуссии в правильное русло [12, с. 41].

В целом можно отметить, что при использовании данного метода у студентов развиваются творческие способности, креативное мышление, коммуникативные навыки, активизируется коллективная работа, что приводит к продуктивному и эффективному решению поставленных задач.

Пример задания

Тема: Портрет делового человека.

Цель: выявить как можно больше качеств, необходимых успешному деловому человеку, а также качеств, которые нежелательны для хорошего работника.

Задачи:

– определить наиболее важные качества делового человека;

– перечислить те качества, которыми студент уже обладает и над которыми ему необходимо работать.

Дидактическая ценность:

- активизация памяти и мышления;
- развитие навыков самоанализа.

5. Тематические дискуссии (от лат. *discussion* – рассмотрение, исследование) – метод обучения, при котором между обучающимися возникает общение в процессе обсуждения проблемного, спорного вопроса или обмена знаниями в какой-либо области. Шакирова Т.В. отмечает, что основная цель дискуссии состоит в том, чтобы научить студентов слушать и слышать, формулировать свои мысли, излагать их аргументированно и последовательно [13, с. 132]. Тимофеева Е.В. считает, что использование такого метода позволяет наряду с решением проблемных вопросов формировать у обучающихся социолингвистическую и прагматическую компетенции, а также обучать их всем четырем видам речевой деятельности [14, с. 140-142]. Гушин Ю.В. при этом добавляет, что дискуссия обеспечивает активное и глубокое усвоение знаний, которое имеет более долгосрочный эффект, чем информация, которая была усвоена в ходе лекции [7, с. 3-4].

Дискуссионный метод помогает участникам анализировать реальные ситуации, отделяя важные задачи от второстепенных. Это способствует существенной активизации обучающихся и, как правило, моделированию особо сложных ситуаций и путей выхода из них. Особенностью данного метода является то, что приоритетным здесь является не теоретическое изложение материала, а практическое применение знаний, умений и навыков для поиска решений, аргументирования и отстаивания собственной точки зрения.

Роль педагога, отмечает О.В. Жиронкина, состоит в контроле хода мыслей и поиска решений, а также в поддержании доброжелательных отношений между участниками дискуссии [12, с. 44].

Пример задания

Тема: Деловая коммуникация. Особенности общения.

Цель: определить особенности деловой коммуникации и ее языка (на материале фрагментов сериала «Петя Великолепный»).

Вопросы:

- Каково отличие дружеского разговора от деловой беседы (цель, обстановка, язык, количество участников, место коммуникации)?

- Для каких ситуаций характерна деловая коммуникация?

Дидактическая ценность:

- развитие мышления и аналитических способностей;
- систематизация знаний при выслушивании мнений собеседников и выборе правильных ответов.

6. **Деловая игра** – эффективный метод обучения, при котором воссоздается предметное и социальное содержание профессиональной деятельности, моделируется система отношений, характерных для данной ситуации. Исследованием данного метода занимались такие ученые, как Д.Б. Эльконин, М.Ф. Стронин, А.С. Макаренко, А.А. Вербицкий, В.А. Сухомлинский, Ю.В. Гущин, Е.В. Тимофеева и др.

Педагогическая целесообразность деловой игры заключается в том, чтобы разнообразить процесс обучения, сделать его более интересным, творческим, повысить самостоятельность обучающихся и погрузить их в обстановку, максимально приближенную к реальной. По мнению Ю.В. Гущина, данный метод позволяет максимально раскрыть личностный потенциал студента, так как каждый участник может продиагностировать свои возможности как в одиночку, так и в совместной деятельности с другими участниками [7, с. 9-10]. В то же время Е.В. Тимофеева считает, что положительный результат достигается при использовании метода игры в контексте метода проектов (как специфической формы защиты проекта) или в преддверии его [14, с. 141-142].

Роль преподавателя в этом случае состоит в том, чтобы помочь студенту принять необходимый для игры образ, раскрыть и показать лучшие его качества. Сама игра, ее сюжет и ход такого типа занятия также планируются и контролируются педагогом: он наблюдает за игровой деятельностью студентов, при необходимости

сти корректирует ее и оценивает. Обучающимся деловая игра, основанная на принципах коллективной работы, практической полезности, соревновательности и неограниченной перспективы творческой деятельности, обеспечивает максимальную занятость участников и тем самым дает возможность раскрыть их способности и сформировать нужные умения.

Пример задания

Ход игры:

1. Подготовка группами студентов презентации компании и проекта, над которым они хотят работать, с целью заключения контракта с фирмой-инвестором.
2. Представление презентаций компаний.
3. Проведение голосования, выбор наиболее перспективной компании.
4. Объявление результатов.

Дидактическая ценность:

- совершенствование навыков работы в коллективе;
- развитие творческих и ораторских навыков;
- развитие навыков нестандартного мышления и систематизации материала.

Безусловно, все рассмотренные методы обучения обладают значительными достоинствами с точки зрения повышения эффективности и диверсификации образовательного процесса, однако для достижения такого результата преподаватель должен правильно организовать работу над заданиями. В этой связи следует отметить, что поскольку рассматриваемый в рамках настоящего исследования курс деловой коммуникации предназначен для иностранных студентов-экономистов начальной ступени обучения, когда основной акцент делается на усвоение лингвистических данных, формирование навыков правильного оперирования языковыми элементами, то технология применения методов стимулирования и мотивации учебно-познавательной деятельности в определенной мере упрощается: сокращается время на выполнение задания (1 или 2 занятия), а также масштаб поставленной проблемы (чтобы студенту хватило имеющихся у него познаний и опыта в рассмат-

риваемой области, в том числе и лингвистических ресурсов). Кроме того, при всех достоинствах данных методов обучения на указанном образовательном этапе нельзя отрицать роль различного рода упражнений, в т. ч. имитационных, благодаря которым создается основа для развития навыков во всех видах речевой деятельности. Поэтому в курсе деловой коммуникации такие упражнения и методы стимулирования и мотивации учебно-познавательной деятельности используют в сочетании.

Таким образом, подготовка будущих экономистов в процессе изучения иностранного языка осуществляется наиболее эффективно при вариативном использовании интерактивных методов обучения (таких, как игровая методика, проблемное обучение, мозговой штурм, метод проектов, метод *case-study* и учебная дискуссия). Гибкие образовательные модели, сочетающие разноплановые методы обучения, позволяют развивать все обозначенные выше личностные компоненты профессионально-коммуникативной компетенции будущего специалиста, необходимые ему для успешной профессиональной деятельности, в т. ч. на уровне межкультурного взаимодействия.

Список литературы

1. Коджаспирова Г.М. Педагогика: учеб. – М.: КНОРУС, 2010. – 744 с.
2. Капитонова Т.И., Московкин Л.В., Щукин А.Н. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному / под ред. А.Н. Щукина. – М.: Русский язык. Курсы, 2008. – 312 с.
3. Зарукина Е.В., Логинова Н.А., Новик М.М. Активные методы обучения: рекомендации по разработке и применению: учеб.-метод. пособие. – СПб.: СПбГИЭУ, 2010. – 59 с.
4. Никитина Е.А., Кузнецова А.А. Интерактивные формы обучения в соответствии с требованиями ФГОС ВПО третьего поколения и рефлексивность: следствие или условие реализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. – 2014. – № 1. – С. 53–59.
5. Смолкин А.М. Методы активного обучения. – М.: Высшая школа, 1991. – 176 с.

6. Кудрявцев В.Т. Проблемное обучение: истоки, сущность, перспективы. – М.: Знание, 1991. – 80 с.

7. Гущин Ю.В. Интерактивные методы обучения в высшей школе // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2012. – № 2. – С. 1–18.

8. Айкина Т.Ю. Метод кейсов в формировании коммуникативной компетенции студентов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1 (129). – С. 58–61.

9. Горовая О.А. Использование активных методов обучения в системе повышения квалификации в условиях реализации ФГОС НОО // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2011. № 3(8). – С. 70-75.

10. Казакова Е.В. Метод проектов в системе педагогических технологий обучения русскому языку как иностранному // Известия ВолгГТУ. – 2013. – № 2 (105). – С. 101-105.

11. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 2. – С. 3-10.

12. Жиронкина О.В. Интерактивные методы обучения на занятиях иностранного языка будущих экономистов // Вестник КемГУ. Педагогика. – 2009. – №1. – С. 37-45.

13. Шакирова Т.В. Об основных принципах формирования лингвистической и коммуникативной компетенции студентов (на материале занятий по русскому языку и культуре речи) // Актуальные задачи педагогики: матер. II Междунар. науч. конф. – Чита: Молодой ученый, 2012. – С. 131–134.

14. Тимофеева Е.В. Использование проблемных методов при обучении иностранному языку как эффективное средство активизации познавательной деятельности учащихся и студентов // МНКО. – 2010. – №6. – С. 140–142.

15. Сафонцева Н.Ю. Проблемно-проектный метод обучения в дидактике высшей школы // Известия ВГПУ. – 2012. – №7. – С. 47–51.

УДК 81

Н.С. Степанова, И.С. Цвырова, А.А. Бутакова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

«ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК» С. ЕСЕНИНА В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

В статье предлагается интерпретация поэмы С. Есенина «Черный человек» в пространстве коммуникативно-информационных отношений. Представлено рассмотрение феномена «Черный человек» в художественном мире С. Есенина, в пространстве текста поэмы и дискурса.

Ключевые слова: Черный человек, С. Есенин, пространство текста, дискурс, интонация, метафора, аллегория.

*Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда
взялась эта боль...*

Творчество Сергея Александровича Есенина всегда привлекало внимание самого широкого круга читателей. В его лирике поэтическое искусство русского народа с поразительной органичностью сочеталось с традициями классической литературы (пушкинский лиризм и лермонтовская грусть). «Черный человек» – одно из самых загадочных, неоднозначно воспринимаемых и понимаемых произведений С. Есенина. Работать над поэмой он начал в 1922 году, и основная ее часть была написана за границей. Первый вариант поэмы был закончен в феврале 1923 года. Однако в печати она появилась лишь после смерти поэта в журнале «Новый мир».

Этой поэме суждено было стать последним крупным поэтическим произведением С. Есенина. В ней выразились настроения отчаяния и ужаса перед непонятной действительностью, драматическое ощущение тщетности любых попыток проникнуть в тайну бытия. Это лирическое выражение терзаний души поэта – одна из

загадок творчества С. Есенина. Ее разрешение в первую очередь связано с трактовкой образа самого «*прескверного гостя*» – *Черного человека*, образ которого имеет несколько литературных источников. Так, поэт признавал, что на написание им поэмы повлияла «маленькая трагедия» А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери», где фигурирует загадочный Черный человек [1, с. 13].

Черный человек – это двойник поэта, он вобрал в себя все то, что сам поэт считает в себе отрицательным и скверным. Эта тема – тема болезненной души, раздвоенной личности – традиционна для русской классической литературы. Она получила свое воплощение в «Двойнике» Ф.М. Достоевского, «Черном монахе» А.П. Чехова. Однако ни одно из произведений, где встречается подобный образ, не несет такого тяжелого груза одиночества, как «Черный человек» С. Есенина.

Читая поэму, невольно задаешься вопросом: Черный человек – это смертельно опасный противник поэта или часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо? «Дуэль» с Черным человеком, какова бы ни была его природа, послужила своеобразным духовным испытанием для лирического героя, поводом к беспощадному самоанализу [2, с. 69].

Безусловно, для лучшего восприятия читателем литературного произведения автору важно учитывать не только содержание, но и его выражение путем облечения в определенную форму. Тема двойничества выражена на композиционном уровне. Перед нами два образа – чистая душа и Черный человек, а «перетекание» монолога лирического героя в диалог с двойником – поэтическое выражение подсознательного. В исповедальной книге, читаемой «прескверным гостем», открываются противоречия мятущегося духа лирического героя. Соотношение монологической и диалогической речи выявляется в ритмико-интонационном строе поэмы.

Жесткий ритм дактиля усиливает мрачные интонации монолога Черного человека, а взволнованный хорей способствует выражению диалогической формы мысли и повествования.

Однако эта «слишком ранняя усталость» все же преодолевается: в финале поэмы ночь сменяется утром – спасительной порой избавления от кошмаров тьмы. Ночной разговор с «прескверным

гостем» помогает поэту проникнуть в глубины души и с болью сорвать с нее темные наслоения. Возможно, надеется лирический герой, это приведет к очищению [1, с. 34].

Поэма С. Есенина «Черный человек» построена в форме диалога лирического героя с неожиданным ночным гостем.

«Друг мой, друг мой, / Я очень и очень болен», – так начинает герой свое повествование, рассказывая читателю о своих переживаниях. Из описания состояния героя становится понятно, что причиной болезни мог стать алкоголь: «То ль, как рощу в сентябрь, / Осыпает мозги алкоголь». Однако первой и основной версией является абсолютное беспомощное одиночество: «То ли ветер свистит / Над пустым и безлюдным полем».

В такой обстановке мы впервые встречаемся с ночным гостем: «Черный человек, / Черный, черный, / Черный человек / На кровать ко мне садится, / Черный человек / Спать не дает мне всю ночь». Из этого описания незнакомца читатель понимает, что лирический герой далеко не рад его видеть. Его угнетает, беспокоит, волнует присутствие этого Черного человека, который тем временем ведет себя как дома: «Водит пальцем по мерзкой книге / И, гнусавя надо мной, / Как над усопшим монах, / Читает мне жизнь...» Автор преднамеренно не употребляет словосочетаний *рассказ о жизни* или *история жизни*, но пишет: «Читает мне жизнь / Какого-то прохвоста и забулдыги, / Нагоняя на душу тоску и страх».

Далее Черный человек обращается к герою, взывая к его вниманию: «Слушай, слушай, – / Бормочет он мне». Незванный гость коротко рассказывает эту самую «жизнь»: «Был он изящен, / К тому ж поэт», – эти строки наталкивают читателя на мысль, что С. Есенин пишет о самом себе, приводя рассуждение о том, что: «Казаться улыбчивым и простым – / Самое высшее в мире искусство».

Лирический герой не хочет слушать Черного человека: «Что мне до жизни / Скандального поэта. / Пожалуйста, другим / Читай и рассказывай». Он чувствует укор, обвинение: «Словно хочет сказать мне, / Что я жулик и вор, / Так бесстыдно и нагло / Обокравший кого-то».

И снова герой обращается к читателю: *«Друг мой, друг мой, / Я очень и очень болен»*.

В точности описывая обстановку, в которой происходит действие, автор рисует картину холода, мрака, одиночества: *«Ночь морозная. / Тих покой перекрестка. / Я один у окошка, / Ни гостя, ни друга не жду»*. Довольно жутко звучит и: *«Вся равнина покрыта / Сыпучей и мягкой известкой»*, – с которой С. Есенин сравнивает снег, если учитывать то, что раньше известью засыпали могилы больных тифом, чумой, холерой, чтобы инфекция не распространялась.

Для создания атмосферы безысходности автор использует оксюмороны: *«...где-то плачет ночная зловещая птица»*; *«снег до дьявола чист»*. Таинственности придают деревья, которые: *«... как всадники, / Съехались в нашем саду»*, – а также *«Ночная зловещая птица»*, предвещающая появление Черного человека: *«Вот опять этот черный / На кресло мое садится, / Приподняв свой цилиндр / И откинув небрежно сюртук»*.

Он ведет себя еще более бесцеремонно: *«Слушай, слушай! – / Хрипит он, смотря мне в лицо, / Сам все ближе / И ближе клонится»*. Он называет героя подлецом, удивляясь, почему тот страдает бессонницей. Выдвигает версию о том, что это из-за луны или потому что *«Тайно придет "она"»*, называет его лирику *«дохлой и томной»*, оскорбляя тем самым душевные чувства.

Обстановку разряжает откровение автора, вложенное в уста Черного человека: *«Ах, люблю я поэтов! / Забавный народ. / В них всегда нахожу я / Историю, сердцу знакомую»*, – и его воспоминания о детстве: *«В одном селе, / Может, в Калуге, / А может, в Рязани, / Жил мальчик / В простой крестьянской семье, / Желтоволосый, / С голубыми глазами...»*.

Здесь мы понимаем, что все это время Черный человек читал «жизнь» именно самого С. Есенина, который собственно и является лирическим героем.

«Черный человек! / Ты прескверный гость. / Это слава давно / Про тебя разносится».

Единственный способ избавиться от этих странных мыслей – избавиться от Черного человека: *«Я взбешен, разъярен, / И летит моя трость / Прямо к морде его, / В переносицу...»*.

Складывается ощущение трагической развязки, несостоявшегося разговора, прерванного диалога. Его дополняют слова: *«...Месяц умер»*, однако для героя не все потеряно: *«Синеет в окошко рассвет»*.

Не имея рядом никого, к кому можно было бы обратиться, он взывает к ночи: *«Ах ты, ночь! / Что ты, ночь, наковеркала?»*.

«Где-то плачет / Ночная зловещая птица. / Деревянные всадники / Сеют копытливый стук». Неологизм Есенина «копытливый» (= «копытный» + «пытливый») подчеркивает пытливость природы, будто тоже требующую ответа на его собственные вопросы. А культурные знаки – цилиндр и сюртук – отсылают нас к другому Черному человеку – из «Моцарта и Сальери» А.С. Пушкина. Это – уже часть дьявольской силы, а также дьявольская часть самого поэта.

«Никого со мной нет. / Я один... / И разбитое зеркало...» Оказывается, все это время никакого гостя вовсе и не было. Метафоричный образ разбитого зеркала как аллегория погубленной жизни. Здесь выражена и пронзительная тоска по уходящей молодости, и осознание своей ненужности. В разбитом зеркале отражается то, что поэт в себе презирает, но не может вычеркнуть. Черный человек – часть демонической силы, собрат Мефистофеля из «Фауста». Черный человек – искуситель. Черный человек – жестокий и бескомпромиссный путешественник в глубины подсознания поэта, вероятно, ставший неотъемлемой частью этого подсознания, борьба с которым приводит к попыткам самоанализа, к разбитым зеркалам. А разбитое зеркало – плохая примета [2, с. 67-68].

Черный человек – плод сознания лирического героя, да и самого С. Есенина, отразивший все его негативные черты и тяготы жизни, складывающейся «как-то не так». Трагедия самоощущения лирического героя состоит в том, что он понимает собственную обреченность: все лучшее, сохранившееся в памяти, самое светлое – в прошлом, впереди – пугающий и беспросветный мрак. Этот трагизм состояния души поэта, читавшего свою поэму за две недели

до смерти, верно понял Н. Асеев, записавший свои воспоминания: «...Творческое лицо, умытое холодом отчаяния, внезапно просветлевшее от боли и страха перед вставшим своим отражением... Маска улыбки и простоты снимается в одиночестве. Перед нами вторая мучительная жизнь поэта, сомневающегося в правильности своей дороги, тоскующего о “неловкости души”, которая не хочет ничем казаться, кроме того, что он из себя представляет» [3, с. 109–110].

Таким образом, поэма С. Есенина является выражением его буйной и непокорной души. Она задевает, цепляет, в ней есть трагедия, в ней есть правда, которую надо понять. «Черный человек» – это поэма, в которую нужно погрузиться, которую нужно «пережить» вместе с поэтом. «Черный человек» является очень сильным, надрывным криком души. Есенин писал поэму, «вытаскивая» из себя мысли, не дававшие ему покоя. Не давала покоя и совесть, которая, «к тридцати годам перебежась», заняла, оценивая каждый шаг и поступок, совершенный в течение жизни. Эта поэма – реквием по уходящей жизни. Пройдя испытание Черным человеком, лирический герой поэмы приходит к окончательному утверждению своего мира – точке зарождения сущего. Обнаженная лиричность поэмы, поиск героем и автором своего пути, включенность в давний диалог сознаний со своим голосом истории придают поэме масштабность, эпичность. Существующее смыкается с сущим, личностное с бытийным, лирика и драма с эпосом.

Список литературы

1. Кошечкин С. Смерть Есенина: две версии. Правда. – М.: Грамма, 2001. – 156 с.
2. Парнов Е. Трон Люцифера: Критические очерки магии и оккультизма. – М.: Грамма, 2000. – 210 с.
3. Асеев Н.Н. Есенин в воспоминаниях современников. – М.: Грамма, 2000. – Т. 2. – 345 с.
4. Овинников Д.А. Сергей Есенин. – Тула: Печать, 2000. – 231 с.
5. Панфилов А. Есенин без тайны. – М.: Высшая школа, 2001. – 126 с.

6. Сидоров Е. Поэт и легенда // В поисках истины. – Алма-Ата: Память, 2008. – 320 с.

7. Скороходов М. Париж, Рига, Нью-Йорк... о гибели Есенина // Литературная Россия. – 1990. – 28 дек. – С. 15.

УДК 811.161.1'367.4

Н.С. Степанова, М.А. Глебова, Е.Б. Кудрявцева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В статье рассмотрено использование устойчивых сочетаний с точки зрения этического аспекта. Показаны различные примеры устойчивых сочетаний.

Ключевые слова: клише, фразеологизмы, публицистика, профессиональная лингвоэтика журналиста, региональная пресса, «Городские известия».

Понятие «устойчивое сочетание» включает широкий круг явлений, объединяемых характеристикой «воспроизводимое соединение слов» (словосочетание, предложение), – это не речевые комбинации знаков, а особые сложные знаки [1, с. 67].

Такие типы устойчивых сочетаний, как клише и фразеологизмы, активно используются в региональной газетной публицистике. Рассмотрим особенности их использования в региональной прессе на примере общественно-политической газеты «Городские известия» (далее в тексте – «ГИ»).

Первыми по распространенности в речи являются клише (стереотипные, стандартные формулы), которые представляют собой нормативные словосочетания, опирающиеся на лексические значения сочетающихся слов, экономно (и потому удобно) передающие

стандартную тематико-ситуативную информацию [2, с. 35]. Данные сочетания употребляются в широком и в узком смыслах.

Примерами использования устойчивых сочетаний могут быть следующие цитаты:

Уже тогда девочки поставили перед собой цель – одержать победу во взрослом «Евровидении» (Е. Прозорова. Сестренки Толмачевы споют на «Евровидении» // ГИ. 2014. 20 марта (№ 518)).

*Город готовится к отопительному сезону **полным ходом**. **Задействованы** все ответственные службы* (Зима не за горами // ГИ. 2014. 2 сент. (№ 3589)).

*Такое отношение к делу недопустимо, поэтому в прокуратуру города Курска направлено письмо с просьбой **принять меры** прокурорского реагирования к вышеуказанным УК* (Е. Прозорова // ГИ. 2014. 2 сент. (№ 3589)).

Использование устойчивых сочетаний в узком смысле можно показать с помощью следующих примеров:

*Закон об изменениях и дополнениях в бюджет текущего года был принят единогласно **в первом и втором чтениях*** (В. Лапицкая // ГИ. 2013. 14 сент. (№3438)).

*«Преступление двое молодых людей 1994 и 1996 годов рождения совершили **по предварительному сговору**», – говорит старший помощник прокурора Центрального округа Курска Ольга Поканная* (Е. Прозорова // ГИ. 2014. 18 февр. (№3504)).

*Нынешнее лето будет непростым. Причины – напряженная политическая обстановка, **нестабильный курс валют** и, как следствие, **снижение спроса** на некоторые направления* (Е. Щеголева // ГИ. 2014. 29 июля (№3561)).

Отношение к клише в публицистическом тексте достаточно четкое и однозначное: чем стандартизованнее ситуация, тем необходимее клише. Описание какой-либо ситуации с помощью клише – это сигнал отнесения этой ситуации к определенному разряду и типу. Неординарность ситуации требует отказа от клише. Однако невозможно полностью отказаться от использования устойчивых выражений в публицистических текстах, так как с их помощью у чи-

тателя формируется необходимое автору мнение о той или иной проблеме.

Вторая группа воспроизводимых соединений слов – фразеологизмы. Фразеологические единицы – это устойчивые, обычно стилистически окрашенные сочетания, образующие смысловое единство, значение которого непосредственно не выводится из прямых значений его составляющих. К ним относятся разнородные по степени спаянности, образности, использованию устаревших и других редких слов и их форм словосочетания.

В рассмотренных нами газетных текстах были выявлены следующие фразеологические единицы:

*До отопительного сезона **рукой подать*** (А. Черных // ГИ. 2014. 23 сент. (№ 3598)).

*Николай Иванович напомнил, что в прошлом году отопительный сезон в Курске начался 27 сентября, сейчас пока еще погода стоит благоприятная, синоптики обещают еще одно **бабье лето*** (А. Черных // ГИ. 2014. 23 сент. (№3598)).

*Сегодня **в центре внимания** – ситуация на дорогах. В декабре закон усилил уголовную и административную ответственность за вождение транспортного средства в состоянии алкогольного опьянения* (Е. Прозорова // ГИ. 2015. 25 янв. (№3589)).

Значение фразеологизма обычно объясняется этимологически. Например, фразеологизм «*тертый калач*» обозначает бывалого, житейски опытного человека, которого не обмануть, не провести. Это значение восходит к профессиональной речи пекарей – калачное тесто очень крутое, его долго мнут и трут (ср. пословицу: *Не терт, не мят – не будет калач*). Затем произошло переосмысление: «жизненные испытания закаляют человека». Фразеологизм *кромешный ад* обозначает «нечто невыносимое»; прилагательное *кромешный* восходит к слову *крома* – «предел». Исторически объясняется и форма фразеологизма: *на босу ногу* – без чулок, носков, портянок. Форма *босу* – краткое прилагательное в винительном падеже, хотя сейчас краткие прилагательные не склоняются.

Фразеологизмы могут вступать в синонимические отношения друг с другом и с отдельными словами. Задача употребляющего

фразеологизм состоит в том, чтобы, четко представляя объем его значения и стилистическую окраску, выбрать нужный. Например, фразеологизмы *засучив рукава, в поте лица, не покладая рук* имеют общее значение «усердно», но первый из них передает дополнительное значение интенсивности в работе, второй связывается со значением «с трудом» (зарабатывать) или «не жалея себя» (работать), а в третьем заключено значение «без устали, прилежно» (работать).

К фразеологии примыкают поговорки, пословицы, крылатые выражения, литературные цитаты. Они обладают большой силой воздействия на читателя, так как фактически являются чужой речью: «Чужие слова, хотя бы отдаленно и неполно выражающие вашу мысль, действуют как откровение или как давно искомая и обретенная формула» (Л. Гинзбург). В текстах они чаще всего используются в заглавиях, эпиграфах, зачинах и концовках всего текста или его фрагментов. К их употреблению предъявляются те же требования, что и к употреблению фразеологизмов: соблюдение формы, значения, стилистической окраски. Сила их воздействия состоит в том, что в них отражен многовековой опыт народа, и поэтому среди них можно найти совершенно противоположные по смыслу, например *не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня* и *работа не волк – в лес не убежит*.

Для подкрепления своей позиции всегда можно найти подходящую пословицу или поговорку и тем усилить свое высказывание ссылкой на народное мнение. Уязвимость использования пословиц и поговорок в публицистических текстах – их открытая назидательность и частая повторяемость. Поэтому для успеха в достижении результата необходима, во-первых, мера, а во-вторых – «незатасканность», оригинальность пословиц и поговорок.

Крылатые выражения – это извлечения из фольклорных и литературных текстов, а также (реже) публицистических и научных, способные функционировать вне своего текста. Часто носители языка не знают автора крылатого выражения и текста, в котором оно было впервые употреблено, но в специальных словарях они указываются: например, *Рожденный ползать летать не может* (М. Горький), *И дым отечества нам сладок и приятен* (А.С. Гри-

боедов). Употребляются они как средство воздействия на адресата силой авторитета культуры. Выразительные возможности крылатых слов велики, так как по набору выражаемых оценок (от иронии до патетики) они превосходят пословицы и поговорки, назидательные по своей направленности. В тексте они занимают то же место, что и пословицы и поговорки: заглавие, эпиграф, зачины и концовки всего текста или его фрагментов.

Таким образом, мы рассмотрели лишь некоторую часть устойчивых сочетаний – клише и фразеологизмы, привели примеры и выявили их важность в публицистических текстах.

Воспроизводимые по традиции устойчивые сочетания выступают как готовые формулы для выражения мысли. Их стандартизированный характер позволяет экономить усилия пишущих и говорящих, упрощает процесс восприятия информации. Они уместны и органичны в определенных материалах прессы, радио, телевидения, в официально-деловой документации, в научном изложении. Однако их скопление может придавать излишнюю «сухость», официальность текстам художественно-изобразительного плана.

Полагаем, что масштаб «речевого засорения» медиапространства требует незамедлительной его «санации» и здесь не обойтись без мер по восстановлению языковых норм в отечественных СМИ. Но самым важным является повышение морально-этической ответственности профессионалов, работающих в различных сферах СМИ. Данная ситуация может быть преодолена в том случае, если журналист будет сам опираться на языковые и нравственные эталоны, постоянно работая над обогащением языка и культуры. Сможет или не сможет языковая культура, а вместе с ней и человек, сохраниться – таков один из актуальных вопросов современной жизни.

Список литературы

1. Белоусова Т.П. Универбация фразеологизмов в современном русском языке // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. – 2009. – Вып. 25: Филологическая серия (5). – С.63-70.

2. Бондаренко В.Т. Устойчивые фразы в русской речи. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2011. – 153 с.

3. Зыкова Е.И. Основные направления использования крылатых выражений русского языка // Инновационное развитие современной науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (31 января 2014). – Уфа: РИЦ Баш. ГУ, 2014. – Ч. 4. – С. 115–119.

УДК 81'272:(811.512.157+811.161.1)(571.56)

Н.С. Степанова, Л.С. Ковалева, Н.А. Ксенофонтова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ). ВЛИЯНИЕ ЭТНОСА НА СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКОВ С ОФИЦИАЛЬНЫМ СТАТУСОМ В РЕСПУБЛИКЕ

В статье рассмотрено становление и развитие языковой политики в Республике Саха (Якутия) в современный период. Устанавливается влияние этноса и культуры на языковую политику. Особое внимание уделено рассмотрению практики использования родных языков в сферах культуры и образования.

Ключевые слова: языковая политика, Республика Саха (Якутия), этничность, культура.

Язык – уникальная ценность и неотъемлемый признак нации. Каждый народ имеет суверенное право сохранить свою самобытную культуру, традиции, язык.

Республика Саха (Якутия) в 1990-е годы одной из первых начала активно проводить языковую реформу: 27 сентября 1990 года была принята Декларация о государственном суверенитете республики, в которой был провозглашен государственный статус якутского и русского языков и официальный статус языков народов Севера, а в 1992 году – Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» от 16 октября 1992 г. № 1170-ХII.

Республика Саха (Якутия) расположена в северо-восточной части Евразийского материка и является самым крупным регионом Российской Федерации, а также самым крупным в мире административно-территориальным образованием. Общая площадь континентальной и островной территории Якутии составляет 3,1 млн кв. км. В республике проживают представители более 120 национальностей: якутов – 49,9%, русских – 37,8%, украинцев – 2,2%, эвенков – 2,2%, эвенов – 1,6%, татар – 0,9% [1].

Языковая жизнь республики многообразна, многообразны и ее проблемы. Языковая политика в республике, как и в целом в Российской Федерации, реализуется через систему мероприятий в сфере языковой ситуации, проводимой властями и общественными институтами, и регулируется основными нормативно-правовыми актами – Законом РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 г. № 1807-1 и Законом РФ «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ.

Языковая политика рассматривается как «совокупность мер, принимаемых государством, классом, партией, этносом для изменения или сохранения существующего функционального распределения языковых образований, для введения новых и консервации употребляемых языковых норм» (БСЭ). Общей доминантой языковой политики Республики Саха (Якутия) является признание за народами, населяющими республику, права на самоопределение, на использование и сохранение родных языков как своего неотъемлемого достояния. В республике, как и в большинстве субъектов Российской Федерации, реализуется национально-языковая политика, которая, в свою очередь, является составной частью языковой политики в целом и направлена на достижение таких целей, как:

- 1) поддержание и развитие разных этнических сообществ и языков, что выражается в законодательной защите и материальной поддержке языков, прежде всего языков малочисленных народов и этнических меньшинств;

- 2) поддержка доминирующего в социально-политическом отношении этноса и соответствующего языка, который, как правило, является государственным в данной стране.

При Президенте Республики Саха (Якутия) функционирует Совет по языковой политике (Положение «О Совете по языковой политике при Президенте Республики Саха (Якутия)» утверждено Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 19.11.2002 г. № 604), который является консультативным органом по реализации языковой политики Республики Саха (Якутия) и создан с целью обеспечения взаимодействия органов государственной власти с институтами гражданского общества в процессе реализации языковой политики. Совет работает над обеспечением культурно-языковой преемственности поколений, воспитанием у молодежи любви к родному языку и уважительного отношения к культуре, языку, традициям других народов.

Результатом усиленной работы Совета, как и правительства в целом, является принятие целого ряда документов, в т. ч. указов Президента Республики Саха (Якутия) «О языковой политике Республики Саха (Якутия)» от 19 ноября 2002 года № 604, «О составе Совета по языковой политике при Президенте Республики Саха (Якутия)» от 5 июля 2011 года № 789, «О государственной программе “Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2012–2016 годы”» от 12 октября 2011 года № 962; Постановления Правительства Республики Саха (Якутия) «О проекте государственной программы “Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2012–2016 годы”» от 15 сентября 2011 года № 442; распоряжений Правительства Республики Саха (Якутия) «О проведении Дня родного языка и письменности в Республике Саха (Якутия) в 2011 году» от 11 февраля 2011 года № 91-Р, «О проведении 24 мая 2011 года Дня славянской письменности и культуры в Республике Саха (Якутия)» от 23 мая 2011 года № 511-Р, «О проведении Дня Олонхо в Республике Саха (Якутия) в 2011 году» от 8 ноября 2011 года № 1160-Р и др.

Якутия является одним из субъектов Российской Федерации, где установлен государственный билингвизм: утверждены два государственных языка – русский и якутский [2].

Якутский язык (самоназвание – саха тыла) – национальный язык якутов, который относится к тюркской группе языков. Якут-

ский язык значительно отличается от прочих тюркских языков наличием пласта лексики неясного происхождения (возможно, палеоазиатского). Имеется также большое число слов монгольского происхождения, относящихся к древним заимствованиям, а также поздних по времени заимствований из русского языка (проникших в якутский после вхождения Якутии в состав России) [3].

Количество носителей языка, по данным переписи населения 2010 года, насчитывает 450 140 чел., которые проживают в основном на территории Республики Саха, а также в Иркутской и Магаданской областях, Красноярском и Хабаровском краях. 65 % якутов свободно владеют русским языком, при этом представители якутской национальности родным назвали в основном якутский язык (438 664 чел.), значительно меньшая часть – русский [3].

Якутский язык используется в общественной и культурной жизни, в быту. На территории Якутии проживают представители более 100 национальностей, действует более 30 национально-культурных объединений, которые активно сотрудничают между собой, имеют устойчивые культурные и творческие контакты. Якутским как языком межэтнического общения в Якутии владеют эвены, эвенки, юкагиры, долганы и русское старожильческое население (русскоустыинцы, походчане и якутяне, или ленские крестьяне). Якутский язык используется на территории республики в делопроизводстве, при проведении культурно-массовых мероприятий; на нем издаются печатные материалы (книги, газеты, журналы), ведётся радиовещание, существуют телевизионные программы и интернет-ресурсы. Репертуар драматического и музыкального театров города Якутска, а также многочисленных сельских домов культуры и клубов представлен постановками главным образом на якутском языке.

Якутский является языком одной из крупных развитых литератур Сибири с многочисленными стилями и жанрами. На якутском языке в республике исполняется музыка самых разнообразных стилей – от классических произведений до популярной и рок-музыки (в частности, музыка групп «Чолбон», «Сэргэ» и др.). В последние годы большую популярность в Якутии набирает кинематограф на якутском языке, представленный в различных жанрах.

Однако, как отмечает А.К. Акимов, вице-президент Республики Саха (Якутия), Председатель Совета по языковой политике при Президенте Республики Саха (Якутия), следует констатировать, что в сфере образования, являющейся наиболее важной основой для сохранения языков, этносов, сферой социализации личности, до сих пор в промышленных улусах, городах и особенно в Якутске не решена проблема обеспечения изучения детьми-саха родного языка. В Якутске функционируют национальные школы и университеты, где преподавание ведется на якутском языке. Однако демографические показатели, миграционные явления, общественное мнение по поводу открытия школ с якутским языком в Якутске, где каждый четвертый ребенок не имеет возможности обучаться на своем родном языке, учтены не вполне. Это, в свою очередь, порождает такие явления, как аккультурация и ассимиляция городской молодежи, нежелание знать и изучать родной язык, культуру. При этом в Якутске все же функционируют национальные школы и университеты, где преподавания происходят только на якутском языке [4].

В СМИ Республики Саха (Якутия) в настоящее время преобладает продукция на русском языке, доля передач на языках коренных малочисленных народов Севера недостаточна. Например, языковое соотношение телепередач в республике не отличается от традиционно сложившегося – 62% вещания на русском языке, 37% – на якутском, на языках коренных малочисленных народов Севера – 1%. В последнее время в деятельности Национальной вещательной компании «Саха» отмечена тенденция к созданию передач о культуре, истории Якутии на русском языке, что способствует созданию благоприятной языковой ситуации в республике, гармоничному межкультурному диалогу. В Якутии издаются республиканские газеты: «Якутия» (на русском языке), «Саха сирэ» («Якутская земля/страна» – на якутском языке), общественно-политические еженедельники «Якутск вечерний» и «Наше время» (на русском языке), «Кыым» («Искра» – на якутском языке), республиканские журналы «Чолбон» и «Полярная звезда» и 34 районные газеты [5].

Особенной проблемой является, с одной стороны, снижение культуры русской устной и письменной речи, что объясняется общим снижением речевой культуры и влиянием родного языка в двуязычном языковом пространстве. В национальной республике эта проблема вызывает определенную тревогу, так как хорошее знание русского языка является необходимым условием позитивной социализации подрастающего поколения.

При этом, с другой стороны, в условиях активного двуязычия, многоязычия приоритетными направлениями языковой политики должны быть поддержка, развитие миноритарных языков. Современное общественное развитие подтверждает, что проблема функционирования нескольких языков на территории одного государства – одна из важнейших проблем языковой политики. Заставляет задуматься факт продолжающегося процесса языкового сдвига у этнических якутов и представителей коренных малочисленных народов Севера в сторону русского языка, о чем свидетельствуют результаты переписи 2002 г. – по сравнению с переписью 1989 г. у якутов число лиц, назвавших родным язык своей национальности, сократилось на 2,4%, по сравнению с микропереписью 1994 г. – на 4,5%.

С проблемой языка обучения учащихся-саха связана другая серьезная проблема – аккультурация и ассимиляция городской молодежной группы, что приводит к языковому нигилизму, обусловленному отсутствием достаточных социальных перспектив. Правительством республики предпринимаются усилия для сохранения и развития родных языков в Республике Саха (Якутия). Как показывает практика, большинство из них были успешны: в феврале 1996 г. был объявлен День родного языка и письменности, закрепленный указом. Впоследствии 13 февраля стал днём родного языка и письменности в Республике Саха (Якутия); положительные сдвиги наметились и в преподавании и освещении культурной жизни на родных языках.

Таким образом, сегодня Якутия – это национальное полиэтничное образование в составе многонационального федерального государства с выраженным этническим компонентом (обеспечен-

ным, в том числе, правовыми нормами), которое активно и успешно осуществляет языковую политику.

Список литературы

1. Общая информация: О республике [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sakha.gov.ru/node/448>.
2. О языках в Республике Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 16 окт. 1992 г. № 1170-ХП [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sakha.gov.ru/node/41515>.
3. Якутский язык [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/>.
4. Акимов А.К. О языковой политике в Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kuyaar.ru/index.php?id=295>.
5. Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sakha.gov.ru>.
6. Всероссийская перепись населения 2002 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.perepis2002.ru/content.html?id=1&docid=10715289081423>.

УДК 37.016.018.4:81'243

Н.С. Степанова, Д.О. Кондратьева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются принципы дистанционного обучения иностранному языку, базирующегося на использовании широкого спектра традиционных, а также новых информационных и телекоммуникационных технологий и технических средств, которые создают условия для свободного выбора образовательных дисциплин, со-

ответствующих стандартам, для диалогового обмена с преподавателем.

Ключевые слова: образование, дистанционное обучение, технология, коммуникация, информация, иностранный язык, электронные учебные материалы, компьютер, Интернет.

В настоящее время стремительное развитие компьютерных телекоммуникационных и информационных систем, средств мультимедиа оказывает значительное влияние на систему образования в целом, что приводит к появлению новых педагогических технологий, новых форм преподавания современных языков, одной из которых является дистанционное обучение.

Дистанционное обучение – новая форма, которая органично дополняет очную, заочную и вечернюю формы обучения. Посредством системы дистанционного обучения (СДО) слушатели имеют возможность в удобное для них время с помощью своего домашнего компьютера осваивать обучающие материалы, консультироваться у преподавателей, выполнять контрольные и экзаменационные работы. В отличие от традиционного обучения, в котором образовательную деятельность осуществляет преподаватель, в системе дистанционного обучения эту деятельность ведет преимущественно специально созданная структура (системные администраторы, программисты, дизайнеры, администраторы отдельных систем, тьюторы), предоставляющая обучаемому разнообразные ресурсы учебного заведения и управляющая его самостоятельной работой при помощи обучающих средств, в т. ч. компьютерных программ, но с сохранением ведущей роли преподавателя [1, с. 30].

Использование компьютеров в образовании началось ещё в 1960-х годах и прошло в своём развитии несколько этапов – от использования учебных программ, которые запускались из командной строки DOS, до применения мультимедийных обучающих программ на CD и обучения через Интернет.

В настоящее время, используя новейший метод дистанционного обучения, можно изучить любой иностранный язык.

Иностранный язык как учебный предмет характеризуется:

– межпредметностью – информация, передаваемая на иностранном языке, может быть из разных областей знания, например истории, экономики, точных наук и др.;

– многоуровневостью, т. к. наряду с овладением важнейшими речевыми умениями (в говорении, аудировании, чтении и письме) происходит постоянное расширение и наращивание языковых средств (лексических, грамматических, фонетических);

– полифункциональностью, т. е. иностранный язык может выступать и как цель обучения, и как средство приобретения знаний в самых различных областях, и как средство самореализации личности [2, с.14].

Особенность предмета «Иностранный язык» состоит в том, что целью обучения является не столько знание о самом предмете, т. е. о языке (языковая компетенция), сколько выработка определенных навыков и умений разных видов речевой деятельности на основе знаний о способе деятельности (коммуникативная компетенция).

Дистанционное обучение иностранным языкам имеет свою специфику, обусловленную тем, что предполагает обучение различным видам речевой деятельности. Естественно, что для обучения чтению и письму можно в значительной степени ограничиться сетевым курсом, поскольку особенности этих видов речевой деятельности не требуют сами по себе объемной графики и даже значительного по объему звукового сопровождения [3].

Тем не менее при обучении произношению, речи и аудированию ограничиться только текстовыми файлами не удастся, необходимо звуковое сопровождение, а также создание различных ситуаций, стимулирующих устные высказывания обучаемых, т.е. возникает потребность опоры на иллюстративный материал. Традиционные задачи, связанные с развитием аудирования, чтения, говорения, письма, включены в учебный процесс в той же мере, что и при очном обучении иностранному языку. Это участие в онлайн-форуме, чате, создание электронных дневников студента и отсылка их по электронной почте преподавателю, работа с видеоматериалами.

Для дистанционного обучения через сеть Интернет характерной особенностью межличностного общения на иностранном языке между преподавателем и обучаемым является его опосредованный характер. С одной стороны, возможность постоянного общения на расстоянии в ходе учебного процесса отличает дистанционное обучение от заочного и в некоторой степени приближает его к очному, с другой – межличностное телекоммуникационное общение не способно в полной мере восполнить отсутствие непосредственного «живого» общения.

Именно отсутствие «живого» общения и является главным фактором, который определяет специфику психолого-педагогических условий дистанционного обучения через сеть Интернет. Как отмечает Е.И. Дмитриева, «межличностное общение по телекоммуникациям в основном обеспечивает функционально полноценную схему осуществления учебного процесса, включая прямую и обратную связи между обучаемым и преподавателем» [4, с. 7]. Тем не менее функции последнего очень сильно ограничены и сведены к тому, чтобы управлять ходом работы обучаемого с дидактическими материалами. Преподаватель уже не является главным и непосредственным источником учебной информации.

В связи с этим основная методическая проблема обучения иностранным языкам фактически сводится к тому, как обеспечить достижение поставленных учебных целей при ограниченных возможностях преподавателя управлять ходом учебного процесса, какими методическими средствами возможно компенсировать дефицит этого управления. Очевидно, что подобное ослабление роли преподавателя можно нейтрализовать теми методическими средствами, которые содержатся в используемых обучаемым дидактических материалах: «Именно эти средства должны сделать реальные возможности телекоммуникационного общения <...> достаточными для решения задачи устойчиво воспроизводимого достижения учебных целей дистанционного обучения иностранным языкам» [5, с. 28].

Как известно, действенность любого вида обучения на расстоянии зависит от четырёх составляющих:

- 1) эффективного взаимодействия преподавателя и обучающегося;
- 2) используемых при этом педагогических технологий;
- 3) эффективности разработанных методических материалов;
- 4) продуктивности обратной связи [6, с.54].

Другими словами, успешность и качество дистанционного обучения в большей мере зависят от организации и методического качества используемых материалов, руководства и мастерства участвующих в этом процессе педагогов.

Отечественными учёными выявлены и сформулированы основные методические принципы, имеющие концептуальное значение для организации системы обучения на расстоянии, которые необходимо учитывать для достижения более высокой эффективности курсов обучения иностранным языкам:

1. Коммуникативный принцип, который обеспечивается не только при контактах с преподавателем, но и при работе в малых группах, разработке совместных проектов, в т. ч. и международных, с носителями языка

2. Принцип сознательности, который предусматривает опору на определённую систему правил, предваряющих формирование навыка и в совокупности своей дающих обучаемому представление о системе изучаемого языка.

3. Принцип опоры на родной язык, что должно находить отражение в организации ознакомления обучаемых с новым языковым материалом, при формировании ориентировочной основы действий.

4. Принцип наглядности, который предусматривает различные виды и формы наглядности:

– языковую (аутентичные тексты, речевые образцы, демонстрирующие функциональные особенности изучаемого языкового материала в определённой культурной среде страны изучаемого языка);

– зрительную наглядность при использовании разнообразных мультимедийных средств, организации видеоконференций;

– слуховую наглядность (использование определённых программных средств – саундбластеров, CD-ROM, а также организация аудиоконференций);

– принцип доступности, что обеспечивается благодаря интерактивному режиму работы;

– принцип положительного эмоционального фона, который способен сформировать устойчивую мотивацию учения для каждого обучаемого [7, с. 96].

Все названные принципы имеют методологическое значение для успешного обучения иностранным языкам дистанционно.

В то же время основным принципом дистанционного обучения остается непосредственное интерактивное взаимодействие обучаемого с преподавателем. Технология дистанционного обучения ориентирована в первую очередь на проведение традиционных, понятных, удобных для обучаемого занятий, проводимых виртуально, в форме интернет-видеоконференции. Одновременная передача видеоизображения, звука, слайдовой, графической информации, тона, мимики, эмоций от преподавателя к обучаемому и обратно создает эффект очного занятия и позволяет достичь в дистанционном обучении результат, близкий к очному. Дистанционная форма обучения стала развиваться задолго до появления глобальных компьютерных сетей, как аналог классической формы заочного обучения, постепенно наращивая комплекс используемых технологий [8, с. 38].

Известно, что подготовка специалистов по иностранному языку имеет свои особенности и чаще всего осуществляется в форме очного обучения. Однако современные информационные технологии способны сделать учебный процесс более насыщенным и разнообразным, в т. ч. и за стенами университета. При этом учащиеся общаются с сокурсниками и преподавателями, участвуя в семинарах и факультативных занятиях.

При дистанционном обучении иностранным языкам необходимо принимать во внимание, с одной стороны, дидактические свойства и функции телекоммуникаций, мультимедийных средств,

используемых в качестве технологической основы обучения, а с другой – концептуальные направления дидактической организации такого обучения, как элемент общей системы образования на современном уровне [1, с. 27].

Результаты дистанционного обучения во многом зависят от качества электронных учебных материалов, которые должны создаваться с учетом следующих дидактических принципов: личностно ориентированного, деятельностного, функционального, принципов научности, системности, доступности, развивающего обучения, преемственности, а также с учетом коммуникативно-когнитивного и социокультурного подходов к изучению иностранным языкам. Электронный учебно-методический комплекс предоставляет студентам учебную, методическую информацию, структурно-логические схемы, аудио- и видеокomentarии преподавателей и многофункциональную систему тестирования. Система тестирования обеспечивает входной, обучающий и итоговый контроль по отдельным темам и дисциплине в целом. Электронный учебник является ключевым моментом заочно-дистанционной формы обучения. Этот «электронный лектор» призван не только сохранить все достоинства книги или учебного пособия, но и в полной мере использовать современные информационные технологии, мультимедийные возможности, предоставляемые компьютером [8, с. 103].

Таким образом, дистанционное обучение – совокупность технологий, обеспечивающих доставку обучаемым основного объема изучаемого материала, интерактивное взаимодействие обучаемых и преподавателей в процессе обучения, предоставление обучаемым возможности самостоятельной работы по освоению изучаемого материала, а также в процессе обучения. Использование современных технологий взаимодействия между слушателями, преподавателями и другими участниками учебного процесса, а также технологий доступа к учебному контенту отличает дистанционную форму от других форм обучения.

Современное дистанционное обучение реализуется в условиях типового образовательного учреждения при необходимом и до-

статочном минимуме материальных средств, людских ресурсов и времени и тиражируется, т.е. его можно воспроизвести и добиться заданных результатов обучения студентов различных учебных подразделений и вузов в целом.

Список литературы

1. Подопригорова Л.А. Использование Интернета в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 5. – С. 25-31.

2. Полат Е.С. Интернет на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 2. – С. 14–19.

3. Полат Е.С., Хуторской А. В. Проблемы и перспективы дистанционного образования в средней образовательной школе [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ioso.ru/ioso/senatus/meeting280900.html>.

4. Дмитриева Е.И. Основная методическая проблема дистанционного обучения иностранным языкам через компьютерные телекоммуникационные сети Internet // Иностранные языки в школе. – 1998. – №1. – С. 6–11.

5. Дмитриева Е.И. Некоторые концептуальные положения организации дистанционного обучения иностранному языку на базе компьютерных телекоммуникаций // Иностранные языки в школе. – 1998. – № 5, 6.

6. Джусубалиева Д.М. Состояние основных тенденций развития профессиональной подготовки студентов // Формирование информационной культуры студентов в системе профессиональной подготовки специалистов. – Алматы, 1996. – С. 54–59.

7. Азимов Э.Г., Вильшинецкая Е.Н. Материалы Интернета на уроке английского языка // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 1. – С.96-101.

8. Андреев А.А. Дидактические принципы дистанционного обучения. – М.: РАО, 1999. – 120 с.

УДК 81

Н.И. Степыкин, Д.В. Кузнецов

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ HÖFLICHKEIT И CORTESÍA

В статье отражаются результаты сравнительного анализа лексем со значением «вежливость», представленные в немецкой и испанской лингвокультурах.

Ключевые слова: компонентный анализ, лексема, Höflichkeit, cortesía.

На сегодняшний день вопрос об исследовании образов мира представителей различных лингвокультур является одним из самых актуальных в языкознании. При этом исследовать сознание представляется возможным только с помощью обращения к языковым данным.

Чтобы правильно употреблять и понимать слово в речи, и говорящий, и слушающий должны представлять, из каких компонентов складывается значение слова. Выявить минимальные единицы лексического значения можно с помощью метода компонентного анализа. Компонентный анализ – метод исследования плана содержания значимых единиц языка [1]. Целью компонентного анализа является расчленение языкового значения на минимальные единицы. Объектом компонентного анализа могут стать лексеммы. В нашей работе мы рассмотрим лексеммы *Höflichkeit* и *cortesía*, имеющие значение «вежливость».

В ходе исследования мы обратились к 4-м немецким и 4-м испанским словарям. В словарной статье немецкого словаря *Wissen* представлено следующее толкование понятия *Höflichkeit*: *Anstand, Takt, Feingefühl, Aufmerksamkeit, gutes Benehmen, gute Manieren/ Umgangsformen, Galanterie, Ritterlichkeit, Entgegenkommen, Freundlichkeit, Liebenswürdigkeit; Courtoisie* [2].

Словарь немецкого языка под редакцией *Duden* даёт следующее определение понятию *Höflichkeit*: *Höfliches, gesittetes*

Benehmen; jemandem schmeichelnde Worte gekleidete, freundlich Liebenswürdigkeit; eine gute Kinderstube, Entgegenkommen, Feinheit, Freundlichkeit, gute Manieren/Sitten, gutes Benehmen, Ritterlichkeit, Takt [gefühl], Umgänglichkeit, Verbindlichkeit, Vornehmheit, Zartgefühl, Zuvorkommenheit; Herzensbildung, Wohlerzogenheit; (bildungssprachlich) Diskretion, Konzilianz, Courtoisie [3].

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache определяет понятие *Höflichkeit* следующим образом: *Liebenswertes Benehmen, Zuvorkommenheit, Wohlerzogenheit* [5].

В немецком словаре Якоба и Вильгельма Гримм даётся следующее толкование понятия *Höflichkeit*: *Ansehnlichkeit, höfische pracht, luxus, prach* [4].

На основании анализа немецких словарей мы можем выделить следующие компоненты лексемы *Höflichkeit*: *Höfliches, gesittetes Benehmen, jemandem schmeichelnde Worte gekleidete, freundlich Liebenswürdigkeit, eine gute Kinderstube, Entgegenkommen, Feinheit, Freundlichkeit, gute Manieren/Sitten, gutes Benehmen, Ritterlichkeit, Takt [gefühl], Umgänglichkeit, Verbindlichkeit, Vornehmheit, Zartgefühl, Zuvorkommenheit, Herzensbildung, Wohlerzogenheit, (bildungssprachlich) Diskretion, Konzilianz, Courtoisie, Anstand, Takt, Feingefühl, Aufmerksamkeit, gutes Benehmen, gute Manieren/Umgangsformen, Galanterie, Ritterlichkeit, Entgegenkommen, Freundlichkeit, Liebenswürdigkeit, Liebenswertes Benehmen, Zuvorkommenheit, Wohlerzogenheit, Ansehnlichkeit, höfische Pracht, Luxus, Pracht*.

По аналогии проанализируем лексему *cortesía* испанских тезаурусов.

Испанский словарь *Real academia española* предлагает нам следующую трактовку понятия *cortesía*: 1) *Demostración o acto con que se manifiesta la atención, respeto o afecto que tiene alguien a otra persona*; 2) *En las cartas, expresiones de obsequio y urbanidad que se ponen antes de la firma*; 3) *cortesanía*; 4) *regalo*; 5) *Gracia o merced*; 6) *tratamiento (título de cortesía)* [6].

Электронный словарь Farlex определяет понятие *cortesía* следующим образом: 1) *Comportamiento atento y afable o acto en el que se demuestra atención y cordialidad hacia las personas*; 2) *Cualidad de cortés*; 3) *Regalo de poca importancia que se da como muestra de afecto*; 4) *Prórroga en un plazo* [7].

В электронном словаре *Palabrasyvidas.com* даётся следующее определение понятия *cortesía*: 1) *Demostración o acto con que se manifiesta atención, respeto o afecto*; 2) *Regalo, favor*; 3) *Periodo de tiempo que se concede de gracia* [8].

В словарной статье испанского словаря синонимов и антонимов приведён следующий синонимический ряд: *urbanidad, educación, distinción, afabilidad, amabilidad, atención, cordialidad, corrección, elegancia, finura* [9].

На основании анализа испанских словарей мы можем выделить следующие компоненты лексемы *cortesía*: *cortesanía, regalo (dádiva), gracia o merced, tratamiento, manifiesta la atención, respeto, expresiones de obsequio, atención y cordialidad, galante, regalo de poca importancia, prórroga en un plazo, manifiesta atención, regalo, periodo de tiempo que se concede de gracia, Urbanidad, educación, distinción, afabilidad, amabilidad, atención, cordialidad, corrección, elegancia, finura*.

Отразим соответствия компонентов лексем *Höflichkeit* и *cortesía* в немецком и испанском языках в таблице 1.

Таблица 1

Соответствия компонентов лексем *Höflichkeit* и *cortesía*

Компоненты	
немецкие	испанские
freundlich Liebenswürdigkeit Entgegenkommen Galanterie Freundlichkeit Feinheit Courtoisie Konzilianz	amabilidad afabilidad
Aufmerksamkeit	manifiesta la atención, atención
Umgänglichkeit	cordialidad
Ritterlichkeit	galante
Wohlerzogenheit Liebenswürdiges Benehmen gutes Benehmen Höfliches Benehmen gesittetes Benehmen	urbanidad
Vornehmheit	elegancia

Из таблицы 1 следует, что общими компонентами лексем *Höflichkeit* и *cortesía* являются *любезность, внимание, сердечность, галантность, хорошее поведение, элегантность*.

В таблице 2 приведены компоненты лексем *Höflichkeit* и *cortesía*, которые не имеют соответствий в двух языках и отражают уровень культурной значимости понятия.

Таблица 2

Компоненты лексем *Höflichkeit* и *cortesía*,
не имеющие соответствий

Компоненты	
немецкие	испанские
Eine gute Kinderstube, gute Manieren, gute Sitten, Takt [gefühl], Verbindlichkeit, Zartgefühl, Zuvorkommenheit, Herzensbildung, (bildungssprachlich) Diskretion, Anstand, Feingefühl, gute Manieren, gute Umgangsformen, Zuvorkommenheit, Ansehnlichkeit, höfische Pracht, Luxus, Pracht, schmeichelnde Worte.	Regalo, gracia, merced, respeto, obsequiar, regalo de poca importancia, prórroga en un plazo, periodo de tiempo que se concede de gracia, educación, distinción, corrección, finura, tratamiento.

Исходя из данных таблицы 2 можно сделать вывод, что для немецкой системы языка важными качествами вежливости являются: *хорошие манеры, чувство такта, чуткость, предупредительность, деликатность, роскошь и величие*. Для носителей испанской лингвокультуры понятие вежливости связано с *подарком, милостью, уважением, дружеской солидарностью и тонкостью*.

На основании проведенного нами исследования можно сделать вывод, что для немецкой лингвокультуры понятие «вежливость» имеет большую культурно-историческую значимость, чем для носителей испанского языка (40 компонент лексем немецкого языка и 24 компоненты испанского). Общими чертами понятия

вежливость в немецкой и испанской лингвокультуре – любезные отношения между людьми, а также внимание к собеседнику и хорошее, дружественное поведение. Компонентами вежливости, отражающими национальную специфику у представителей немецкой лингвокультуры, являются хорошие обычаи, манеры, определенное неразглашение и деликатность в отношении языка. Для носителей испанского языка вежливость – это уважение собеседника, дружеское порицание, знаки внимания в виде незначительных подарков и подношений, соблюдение определенных временных рамок. Однако данные выводы сделаны на основании системы языка, а не на сознании и его носителей, по этому необходимо провести ассоциативный эксперимент с участием носителей испанского и немецкого языков.

Список литературы

1. Кобозева И.М. Компонентный анализ лексического значения // Лингвистическая семантика: учеб. – 4-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
2. URL: <http://www.wissen.de>.
3. Duden. Sinn- und sachverwandte Wörter. Wörterbuch der treffenden Ausdrücke. Duden Band 8. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1997.
4. URL: <http://www.dwds.de>.
5. Jacob und Wilhelm Grimm / Deutsches Wörterbuch. Deutscher Taschenbuch Verlag. – München, 1999.
6. Real Academia Española, Diccionario de la lengua española, 23.^a ed. – Madrid: Espasa, 2014.
7. URL: <http://www.thefreedictionary.com>.
8. URL: <http://palabrasyvidas.com>.
9. Diccionario de Sinónimos-Antónimos-Parónimos/-VV.AA., 2002.
10. Степыкин Н.И. Способы моделирования лингвокультурного концепта: монография. – Germany: Lamberts, 2013.

УДК 81'22

Н.И. Степыкин, М.А. Ревина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ «МЕЧТА» В РУССКОЙ, АМЕРИКАНСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье предлагается сравнительный компонентный анализ лексемы «мечта» в аспекте трех лингвокультур – русской, американской и китайской – с опорой на дефиниции, представленные в толковых словарях и словарях синонимов. Выявлены лингвокультурные особенности исследуемых концептуальных знаков на уровне системы языка, представлены универсальные и культурно-специфические компоненты лексемы «мечта».

Ключевые слова: психолингвистика, лексикография, языковое сознание, образ мира, концепт, лексема.

Многие современные лингвисты (такие, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелёв и др.) в своих исследованиях приходят к выводу, что концепт включает в себя не только предметную соотнесённость, но и коммуникативно-значимую информацию, представленную различными ресурсами языка. Именно поэтому наиболее полную характеристику «культурной памяти» слова следует начать с лексикографических источников [1].

Цель нашего исследования заключается в сравнительном компонентном анализе лексемы *мечта/dream/梦想* в языковом сознании русских, американцев и китайцев, выявлении лингвокультурных особенностей исследуемых концептуальных знаков на уровне системы языка, а также объяснении полученных данных. Воспользовавшись методикой, предложенной в работах А.М. Кузнецова, Ю.Д. Апресяна и др., проведем сравнительный компонент-

ный анализ лексем *мечта*, *dream* и 梦想 с опорой на дефиниции, представленные в русских, английских и китайских толковых словарях, а также словарях синонимов [2].

Рассмотрим определения лексемы *мечта*, представленные в некоторых русских толковых словарях:

Мечта, -ы; *мн. род. нет; ж.* 1. Мысленный образ чего-л., представление о чём-л., сильно желаемом. *Заветная м. Давняя м. М. о счастье. Пелеять, беречь мечту. М. провести отпуск на море. Осуществить мечту.* 2. Предмет желаний, стремлений; желаемое событие. *Хороший муж – м. каждой женщины. Иметь собаку было моей мечтой. Стать моряком – м. ребёнка. Красивое платье – м. девушки. Исполнилась м. М. не сбылась. // Разг. О чём-л., являющемся пределом желаемого для кого-л., самым желанным, почти не осуществимым. Не подарок, а м. Голубая м.* 3. О том, что нереально, неосуществимо. *Пустая м. Возврат любви – это только м. Напомнить о мечтах детства.* 4. Процесс создания в воображении представлений о чём-л. желаемом, предполагаемом или несуществующем, фантастическом. *М. об инопланетянах. Помогать мечте о лучшем. Разрушить мечту. Предаваться мечтам* [3].

В Словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова: **Мечта**, -ы, в знач. род. *мн. употр. мечтаний, ж.* 1. Нечто, созданное воображением, мысленно представляемое. *М. о счастье. М. сбылась.* 2. ед. Предмет желаний, стремлений. *М. всей жизни.* 3. мечта, в знач, сказ. О чем-н. очень хорошем (разг. шутил.). *Не вещь, а м.* [4].

Как видно из представленных словарных дефиниций, основное значение лексемы *мечта* совпадает в представленных словарях и связано с такими дефинициями, как *мысленный образ, предмет желаний и воображение*.

Для выявления дополнительных компонентов структурно-содержательной структуры лексемы *мечта* обратимся к словарям синонимов русского языка. Например, в Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова представлены следующие компоненты лексемы *мечта*: *мечтание, бредни, греза, дума, видение, привидение, иллюзия, призрак, причуда, самообман*,

самообольщение, утопия, фантазия, химера, воздушный замок, игра воображения, сон, бред, несбыточное желание [5]. В словаре синонимов З.Е. Александровой приведены следующие потенциальные имена концепта *мечта*: *мечтание, греза, воздушные замки; желание* [6].

Таким образом, сравнивая данные лексикографических источников, можно выделить следующие структурно-содержательные компоненты лексемы *мечта*: *образ, желание, стремление, нереальное, неосуществимое, мечтание, бредни, дума, видение, привидение, иллюзия, призрак, причуда, самообман, самообольщение, утопия, фантазия, химера, воздушный замок, игра воображения, сон, бред* (22 компонента).

Компонентный анализ лексемы *dream* также начнем с дефиниций, взятых из различных толковых словарей:

Dream 1. A series of thoughts, images, and sensations occurring in a person's mind during sleep: *I had a recurrent dream about falling from great heights* **1.1** A state of mind in which someone is or seems to be unaware of their immediate surroundings: *He had been walking around in a dream all day* **2.** A cherished aspiration, ambition, or ideal: *I fulfilled a childhood dream when I became champion; the girl of my dreams* **2.1** An unrealistic or self-deluding fantasy: *Maybe he could get a job and earn some money – but he knew this was just a dream* **2.2** A person or thing perceived as wonderful or perfect: *her new man's an absolute dream; it was a dream of a backhand; she's a couturier's dream* [7].

Dream 1. a conception or image created by the imagination and having no objective reality: *his invention is only a dream right now, but someday it might be a reality.* **2.** something that one hopes or intends to accomplish: *my dream is to open my own restaurant.* **3.** something very good of its kind: *the Alaskan cruise exceeded their wildest expectations – it was a dream of a vacation* [8].

Как видно из представленных словарных дефиниций в *Oxford Dictionaries (US English)*, в английском языке существуют 2 омонима лексемы *dream*: *a series of thoughts, images, and sensations occurring in a person's mind during sleep* и *a cherished aspiration, ambi-*

tion, or ideal [7]. Соответственно, можно предположить, что в словаре синонимов будут обнаружены компоненты лексемы *dream*, обусловленные данным явлением омонимии:

Dream 1. nightmare; vision, fantasy, hallucination **1.1** daydream, reverie, trance, daze, stupor, haze **2.** ambition, aspiration, hope; goal, aim, objective, goal, intention, intent, target; desire, wish, yearning; **2.2** delight, joy, marvel, wonder, gem, treasure; beauty, vision [Там же]. Более того, необходимо рассмотреть компоненты лексемы *dream*, представленные в Merriam-Webster's Dictionary (US English) с точки зрения явления синонимии:

Dream 1. chimera, conceit, daydream, delusion, dream, fancy, figment, hallucination, illusion, nonentity, phantasm (also fantasm), pipe dream, unreality, vision **2.** aim, ambition, aspiration, bourne (also bourn), design, dream, end, idea, ideal, intent, intention, mark, meaning, object, objective, plan, point, pretension, purpose, target, thing **3.** beaut, beauty, bee's knees, cat's meow, corker, crackerjack (also crackajack), daisy, dandy, dilly, doozy (or doozie also doozer), dream, honey, hot stuff, humdinger, hummer, knockout, lollapalooza, lulu [slang], nifty, peach, pip, pippin, ripper, ripsnorter, snorter, sockdolager (or sockdologer), standout, sweetheart [8].

На основе рассмотренных дефиниций можно выделить такие структурно-содержательные компоненты лексемы *dream*, как: *thought, image, sensation, sleep, fantasy, perfect, conception, nightmare; vision, hallucination, daydream, reverie, trance, daze, stupor, haze, ambition, aspiration, hope; goal, aim, objective, goal, intention, intent, target; desire, wish, yearning; chimera, conceit, daydream, delusion, fancy, figment, hallucination, illusion, nonentity, phantasm (also fantasm), pipe dream, unreality, vision, aim, bourne (also bourn), design, dream, end, idea, ideal, intent, intention, mark, meaning, object, plan, point, pretension, purpose, target, thing, beaut, beauty, bee's knees, cat's meow, corker, crackerjack (also crackajack), daisy, dandy, dilly, doozy (or doozie also doozer), honey, hot stuff, humdinger, hummer, knockout, lollapalooza, lulu, nifty, peach, pip, pippin, ripper, ripsnorter, snorter, sockdolager (or sockdologer), standout, sweetheart* (87 КОМПОНЕНТОВ).

Обратимся к лексеме **梦想** толковых словарей китайского языка:

梦想 : 1. 梦中怀想: 汉司马相如 《长门赋》 :
“忽寢寐而梦想兮, 魄若君之在旁” 南朝 梁武帝 《与何胤敕》 :
“本欲屈卿暂出, 开导后生, 既属废业, 此怀未遂 延佇之劳,
载盈梦想” 五代 王定保 《唐摭言·怨怒》 : “虽限山川, 常怀梦想”
明 高启 《咏隐逸·卢鸿》 : “ 开元 始求治, 贤哲劳梦想”
2. 空想; 妄想 : 宋 苏轼 《赠清凉寺和长老》诗 : “老去山林
徒梦想, 雨餘鐘鼓更清新” 《花月痕》 第四一回 : “大凡有眼界遂
有意识, 有意识即有望碍、恐怖、变幻、颠倒、梦想相因而” 茅盾
《子夜》八 : “呵! 你 - - 老冯 , 还有这种享福的梦想!
再过一两年, 你的田契送给人家 也没人领情罢!” 3. 指理想:
何其芳 《我为少男少女们歌唱》 诗 : “对于生活我又充满了
梦想, 充满了渴望” [9].

梦想: 1. 妄想 2. 渴望: 他当演员的梦想终于实现了;
在精力充沛的年轻时代他从未停止过追求自己的梦想;
她访问澳大利亚 的梦想实现了; 他抱有成为大作家的梦想 [10].

В словарях синонимов представлен следующий ряд лексем к
слову **梦想**:

梦想 : 理想, 瞎想, 逸想, 抱负, 希望, 志向, 志愿, 意向, 愿望 [11].

梦想 : 理想, 抱负, 志向, 意向, 幻想, 空想, 妄图, 妄想, 希望,
志愿, 愿望, 逸想, 瞎想 [12].

Таким образом, сравнивая данные лексикографических ис-
точников, можно выделить следующие структурно-содержа-

тельные компоненты лексемы *梦想*: *梦中怀想*, *空想*, *妄想*, *理想*, *渴望*, *瞎想*, *逸想*, *抱负*, *希望*, *志向*, *志愿*, *意向*, *愿望*, *幻想*, *妄图* (15 компонентов).

Полученные результаты анализа структурно-содержательных компонентов исследуемого концепта указывают на универсальные и культурно-специфические особенности лексемы *мечта* в русской, американской и китайской лингвокультурах. Универсальность исследуемого феномена *мечта* в контексте трех лингвокультур обуславливается определенным семантическим пересечением структурно-содержательных компонентов концепта. К числу универсальных компонентов лексем *мечта/dream/梦想* могут быть отнесены: *фантазия/fantasy/妄想*, *стремление/ambition/抱负*, *идеальный/ideal/理想*, *мечтание/daydream/空想*, *иллюзия/illusion/幻想*, *желание/desire/渴望*, *сон/dream/梦中怀想*. Однако отмеченные соответствия нельзя рассматривать как эквивалентные, т.к. они связаны с различными компонентами образов мира представителей разных лингвокультур.

Также необходимо выделить культурно-обусловленные компоненты. Русская модель лексемы *мечта* включает в себя такие компоненты, как *видение*, *призрак*, *приведение*, что, возможно, говорит об образности мышления носителей русского языка: призрак – это нечто воображаемое, бесплотное существо, видение чьего-либо духа, т.е. нечто иллюзорное, нереальное, в некоторой степени соотношенное с характеристиками лексемы *мечта*. Также особый интерес вызывает структурно-содержательный компонент *причуда*. В Словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова эта лексема имеет два значения: 1. Странный каприз, чудачество. 2. (переносное значение) Неожиданное, странное явление [4]. На наш взгляд, данный компонент лексемы *мечта* достаточно ярко отражает менталитет русского человека, который основным способом достижения своих целей видит *работу* и *труд*, а не удачное стечение об-

стоятельств: *Без труда не выловишь и рыбку из пруда; Терпение и труд все перетрут; Дело мастера боится; Кто любит труд, того люди чтут* и т.п. [13].

Обратимся к культурно-специфическим компонентам лексемы *dream*. Прежде всего, необходимо отметить наличие таких структурно-содержательных компонентов, как *beaut, beauty, bee's knees, cat's meow, corker, crackerjack (also crackajack), daisy, dandy, dilly, doozy (or doozie also doozer), dream, honey, hot stuff, humdinger, hummer, knockout, lollapalooza, lulu [slang], nifty, peach, pip, pippin, ripper, ripsnorter, snorter, sockdolager (or sockdologer), standout, sweetheart*, которые объединены общим признаком *something very good of its kind* [8]. Возможно, это отражает такую характерную черту людей с американским менталитетом, как стремление к красоте внешнего мира, богатству материальной культуры. Более того, данные структурно-содержательные компоненты могут быть связаны с таким историко-культурным понятием, как *American Dream*, которое базируется на идеях Декларации независимости США: *We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable Rights, that among these are Life, Liberty and the pursuit of Happiness* [14].

Рассмотрим культурно-обусловленные компоненты лексемы **梦想**. Например, структурно-содержательный компонент **志愿** (*добровольный*) отражает образ мышления и духовные ценности китайцев: стремление к общим благам, взаимопомощь, взаимоподдержку. Иными словами, мечта – это единое понятие для всей нации, способное соединить людей вместе на добровольных началах. Не случайно, китайцы часто говорят: **中国梦, 我的梦**, что переводится как «*Китайская мечта – моя мечта*» [15]. Остальные структурно-содержательные компоненты лексемы **梦想** не являются примечательными, т.к. представляют собой ряд синонимичных компонентов.

Таким образом, в результате проведенного компонентного анализа лексем были выявлены отличия в их содержании в рус-

ской, американской и китайской лингвокультурах. В отличие от русской и китайской моделей, для американской характерна дробная функциональность: 22/15/87 компонентов, соответственно. Наличие большего количества компонентов (потенциальных имён концепта *мечта*) в американской лингвокультуре даёт возможность предположить, что этот концепт имеет большую культурно-историческую ценность для американцев. Слышкин Г.Г. отмечает: «Чем многообразнее потенциал знакового выражения концепта, тем более древним является этот концепт и тем выше его ценностная значимость в рамках данного языкового коллектива» [16], что говорит о разнице в структурно-содержательных моделях концептов, принадлежащих к разным лингвокультурам.

Список литературы

1. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. – Изд. 2-е, стеротип. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
2. Залевская А.А. Актуальные проблемы этнопсихолингвистики // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 74–80.
3. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
4. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. С.И. Ожегова. – URL: <http://enc-dic.com/ozhegov>.
5. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс] / под ред. Н. Абрамова. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/abr/>.
6. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус.яз., 2001. – 586с.
7. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – URL: http://www.oxforddictionaries.com/definition/american_english/dream.
8. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.merriam-webster.com/thesaurus/dream>.
9. 汉语词典 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zdic.net>.

10. 家长帮词典 [Электронный ресурс]. – URL: <http://cidian.eduu.com>.

11. 词语词典 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.chazidian.com>.

12. 近义词大全 [Электронный ресурс]. – URL: <http://jinyici.xrcha.com>.

13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ТЕРРА, 1994.

14. United States Declaration of Independence [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.heritage.org/initiatives/first-principles/primary-sources/the-declaration-of-independence>.

15. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://bkrs.info/>.

16. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

17. Адамова З.Г. Ассоциативный эксперимент как метод исследования этнической идентичности // Вестник МГЛУ. Языковое сознание и культура. Сер. «Лингвистика». – 2005. – Вып. 511.

18. Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 39–54.

19. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М., 1993.

20. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.

21. Пищальникова В.А. Значение и концепт // Вестник МГЛУ. – М., 2007.

22. Степыкин Н.И. Способы моделирования лингвокультурного концепта. – Berlin: Schaltungsdienst Lange o.H.G.

23. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000.

УДК 81'22

Н.И. Степыкин, Н.В. Суббочева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСПАНСКИХ КОМПЛИМЕНТОВ

В статье представлен лингвопрагматический анализ испанских комплиментов. Дано описание функционирования комплиментарных высказываний в различных ситуациях.

Ключевые слова: лингвопрагматика, коммуникативные стратегии, комплимент, комплимент-пиропо, комплимент-кумплидо.

Одним из приоритетных направлений в современной лингвистике является изучение эффективности и особенностей межличностной коммуникации. Комплимент, являясь этикетным жанром, выступает средством гармонизации и оптимизации общения. Исследование комплимента имеет большую значимость в различных областях гуманитарного знания – в лингвистике, истории, культурологии, психологии, социологии, этике и эстетике. Комплимент является неотъемлемой частью коммуникации, которая постоянно развивается, расширяется и усложняется и поэтому требует дальнейшего подробного изучения. Исследованием данного компонента коммуникации занимались такие ученые, как О.С. Иссерс, Е.В. Мудрова, И.А. Кудряшова, Т.В. Непряхина, А.Я. Захарьянц, Р.В. Серебрякова, Н.М. Фирсова, Е.В. Зверева, О.А. Агаркова, А.Н. Jucker, N. Venclovska, J.A. Bustos Rus и др.

Нами была предпринята попытка изучения испанского комплимента как средства коммуникации в современном мире.

Прагматическое исследование комплимента направлено на анализ явных и скрытых целей высказывания, внутренней установки говорящего и готовности слушающего пойти навстречу; изучение типов коммуникативного поведения: речевые стратегии и так-

тики, правила диалога, направленные на достижение эффективного общения [1, с. 8].

Стратегия речевого поведения охватывает всю сферу построения процесса коммуникации, при этом целью ставится достижение определенных долговременных результатов. В самом общем смысле стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [2, с. 182].

Комплимент – разновидность эмоционально-оценочных высказываний, которые передают положительную оценку адресата при непосредственном общении с ним и могут касаться внешности, черт характера, интеллекта, а также принадлежащих человеку предметов [1, с. 25].

Комплимент является неотъемлемой чертой испанской культуры и значительно отличается от русского. Существует два различных вида комплимента:

- 1) комплимент-кумпидо (*cumplido*);
- 2) комплимент-пиропо (*piropo*).

Рассмотрим подробнее каждый из них.

Значение испанского *piropo* (далее – пиропо) не соотносится со значением русского слова «комплимент».

С одной стороны, слово *piropo* происходит от латинского *pyrōpris*, что переводится как *камень гранатового цвета, рубин*, и призвано восхититься красотой женщины. В древние времена мужчины дарили дамам этот камень, который олицетворял огонь в сердце влюбленного. Позже в литературе эпохи возрождения пиропо применялся для описания женской красоты. Например, для описания цвета лица или глаз [3].

С другой стороны, слово *piropo* может быть связано с греческими словами *pyr* (огонь) и *oops* (глаза). Дословно это сочетание можно перевести как *глаз огня* [4, с. 8].

Зверева Е.В. на основании исследования текстов литературных произведений, общеиспанских и национальных словарей,

сборников фольклорных произведений Испании и Латинской Америки, а также данных, полученных в результате опроса информантов – носителей различных национальных вариантов испанского языка, дает следующее определение пиропо: комплимент, адресуемый непосредственно лицу женского пола и касающийся только его внешних данных, причем это лицо, как правило, не знакомо адресанту [5, с. 77].

В прошлые времена женщин сравнивали с цветками, богинями, звездами, но в современном мире большое количество пиропо имеют эксплицитную семантику:

Bonita blusa, ¿puedo hablarte sin ella? (Красивая блузка, могу ли я поговорить с вами без нее?) [6].

¿Crees en el amor a primera vista o tengo que volver a pasar delante de ti? (Веришь в любовь с первого взгляда, или мне придется заново пройти мимо тебя?) [Там же].

В Испании ответные реплики-реакции нередко бывают весьма эмоциональными и с отрицательной коннотацией: *idiota* (идиот), *tonto* (дурак), *imbecil* (имбецил) [7, с.199].

Зверева Е.В. предлагает классифицировать существительные, играющие в пиропо роль обращения, по лексико-семантическому принципу:

- 1) название органа чувств: *corazon, alma* (сердце, душа);
- 2) оценочные имена: *reina, princesa, ninica, ladrona* (королева, принцесса, кукла, воровка);
- 3) «пустые существительные», или существительные-заменители: *cosa, prenda* (вещь, предмет, штука);
- 4) метафоры, образные переосмысления предметно-логического значения конкретных существительных: *llave, bandera, salero* (ключ, поднос, солонка);
- 5) название видов транспорта: *camion, tren* (грузовик, поезд);
- 6) отвлеченные существительные, принадлежащие к сфере эмоций: *amor, esperanza, perdida.n, carico, suspiro, sueco, consuelo* (любовь, надежда, потеря, ласка, мечта, утешение);
- 7) абстрактные оценочные существительные: *bien, encanto, belleza, lindura, hermosura, dulzura, preciosura, divinidad, grandeza* (добро, очарование, красота, сладость, божество, величие);

8) абстрактные существительные, выражающие понятия бытия и природы: *vida cielo, sol* (жизнь, небо, солнце) [5, с. 4].

Нами была предпринята попытка создать собственную лексико-семантическую классификацию пиропо по объекту сравнения:

1. Объект – образы снов:

Yo te conozco ... de mis sueños. – Я знаю тебя ... из своих снов [6].

2. Объект – окружающая среда (цветы, море, ветер, звезды, пустыня):

Por eso me gusta la primavera, porque comienzan a salir las rosas – За это и люблю весну, что расцветают розы [Там же].

3. Объект – еда:

Desde cuando lo bombones caminan por la calle? – С каких это пор конфетки стали прогуливаться по улицам? [3].

4. Объект – религиозные реалии:

Estoy por crear una nueva religión y me hace falta una diosa, ¿no quieres ser tú? – Я за создание новой религии, мне не хватает богини. Не хочешь быть ей? [6].

5. Объект – современные компьютерные технологии:

Los megas de mis sentimientos, desbordan tu buzón de correos. – Мегабайты моих чувств переполняют твой почтовый ящик [3].

Различного рода социальные факторы отразились на состоянии языка. Конституция Испании признает равенство женщин и мужчин, что влияет на ситуации употребления современного пиропо. Происходит его расширение, и женщины могут сказать пиропо в адрес мужчин:

Acabo de encontrar al padre de mis hijos – Я только что нашла отца моих детей [6].

С русским значением слова «комплимент» совпадает значение испанского слова *cumplido* (далее – кумплидо) [7, с. 184].

Jucker A.H. выделяет следующие типы комплиментов:

1. Личные (Personal compliments):

- явные (Explicit personal compliments);
- неявные (Implicit personal compliments);
- косвенные;

2. Торжественные (Ceremonious compliments) – это церемониальные и официальные акты, своеобразная дань вежливости.

3. Сезонный (Season compliments) – это поздравительные приветствия, пожелания.

4. Бесплатный подарок (Free gift compliments). Термин «комплимент» часто используется по отношению к бесплатным подаркам. Например, посетители ресторана получают бесплатный напиток. Это своеобразные формулы для любезного поведения [8].

Согласно мнению ученых, кумплидо также подразделяются на четыре основных вида:

1. Комплименты по поводу внешнего вида собеседника:

¿Te queda mucho, niña?

¿Yo voy. cómo estoy?

Guapisima. Tú eres elegancia de la clase alta [9].

– *Тебе еще долго, девочка?*

– *Иду. Как я выгляжу?*

– ***Изумительно. Сама элегантность, как в высшем классе.***

2. Комплименты по поводу материальной собственности собеседника:

Buenas noches, querida.

Pasa, pasa, por favor.

Me encante su casa, tan elegante [Там же].

– *Добрый вечер, дорогая.*

– *Проходите, проходите, пожалуйста.*

– ***Я в восторге от вашего дома, такой элегантный.***

3. Compliments by occasion of character, quality of personality of the interlocutor:

No, no y no, esto por la mi cuenta.

Tu Ramio es mejor , guapo, generoso, encantador! [9].

– *Нет, нет и нет, это все за мой счет.*

– ***Твой Рамио лучший, красивый, щедрый, обаятельный!***

4. Compliments by occasion of abilities (practical, intellectual and pr.):

Mmmm... ¿A qué te dedicas?

Trabajo en una conservera. Y también estoy de locutora en Radio Boiro, los miércoles y los viernes.

Anda, pues... te oí alguna vez.

¿Sí? Pero lo hago como aficionada, eh, no te creas.

¡Lo haces muy bien! Lo haces bien....

Sí... entre comillas, ¿no? Si yo la cuestión es arrancar, después ya me embalo y no hay quien me pare [10].

– *Чем вы зарабатываете на жизнь?*

– *Я работаю на фабрике, а по средам и пятницам подрабатываю диктором на радио Бойро.*

– *Тогда я, наверно, слышал вас.*

– *Да? Мне далеко до профессионального уровня.*

– ***У вас прекрасно получается.***

– *Да, прекрасно в кавычках.*

Структура комплимента включает составляющие, следующие в определенном порядке:

1. Первое предложение – говорящий выдает комплимент;

2. Второе предложение – реакция на первое предложение.

¡Qué bonita figura tienes!

Está exagerando [11].

– ***Какая у тебя хорошая фигура!***

– *Вы преувеличиваете.*

В соответствии с данной структурой комплимент – это замкнутый акт речи.

В зависимости от определенных коммуникативных целей частота использования комплиментов может увеличиваться. Иногда комплимент заменяет другие акты коммуникации. Например, комплимент вместо утреннего или вечернего приветствия:

Мужчина приносит завтрак в постель:

Buenos días.

Buenos días.

Hola, princesa!

Oh, que bonito!

No es sólo la fresa! [9].

– *Доброе утро.*

– *Доброе утро.*

– *Привет, принцесса.*

– *О, как красиво!*

– *Это не только клубника!*

Комплимент может использоваться вместо того, чтобы сказать что-либо негативное. В рамках этого правила комплимент выступает своего рода ложью и одновременно необходимостью для сохранения душевных отношений. Например, женщина пришла примерять в ателье платье. Портнихи, видя, что данная модель не подходит их клиентке, хотят изменить фасон и открыть верх платья, но не говорят негативную информацию, а напротив, хвалят ключицы женщины:

Tiene unas clavículas muy elegantes.

Es verdad [Там же].

– *У вас очень элегантные ключицы.*

– *Это правда.*

Часто ответом на кумплидо служит встречный комплимент как своеобразная дань вежливости:

Gracias por visitar me. esta guapisima.

Gracias , y eres preciosa [Там же].

- *Спасибо, что навестила меня. Ты прекрасно выглядишь.*
- *Спасибо, и ты красавица.*

Также один из участников диалога может повторно делать комплимент:

¡Estás muy guapa, hija! ¡Y qué vestido más bonito llevas!

Gracias.

Te queda muy bien, de verdad. Y los zapatos, ¡qué monos [12].

– *Дочка, ты сегодня очень красивая! А какое у тебя красивое платье!*

– *Спасибо.*

– *Тебе очень идет, честно. А туфли какие красивые!*

Человек может использовать комплимент для достижения собственных целей. Например, хозяйка ателье для привлечения клиенток может похвалить их чувство вкуса или сказать, как хорошо им в сшитых ею платьях:

Esta gustarme

O, una Nina Richi. Bueno gusto [9].

– *Это мне нравится.*

– *О, Нина Ричи. Хороший вкус.*

Клиентки в свою очередь также не упускают шанса похвалить модистку, чтобы получить ее работы:

Frau Brown dice que usted la mejor modista de la ciudad.

Muchas gracias [Там же].

– *Фрау Браун говорит, что вы лучшая модистка в городе.*

– *Большое спасибо.*

Или, например, девушка хвалит творческие способности художника, бесплатно сделавшего для нее эскизы:

Que maravilla!

¿Te gusta?

Encanta. Pero ustedes una artista. Como una Coco Chanel española.

Bueno. Esto muy amables [Там же].

– **Какое чудо!**

– Тебе нравится?

– **Я влюбилась. Вы настоящий художник. Испанский Коко Шанель.**

– Хорошо. **Вы очень любезны.**

Комплимент выступает способом достижения цели. Например, мужчина желает продолжить знакомство с понравившейся девушкой:

Te puedo acompañar a casa?

Pero te pierdes el feriado.

La parte más interesante del feriado se ha ido [9].

– Можно тебя проводить домой?

– Но ты пропустишь праздник.

– **Самая интересная часть праздника ушла.**

Таким образом, современный пиропо имеет мало общего с изначальным поэтическим пиропо, от которого он произошел. Но этот вид комплимента продолжает существовать и эволюционировать, адаптируясь в новых условиях. Русскому понятию «комплимент» соответствует испанское слово *cumplido*. Комплимент представляет собой замкнутый акт речи, составляющие которого следуют в определенном порядке: комплимент – реакция. В зависимости от различных коммуникативных стратегий для достижения определенных целей частота использования комплимента может увеличиваться, комплимент может заменять другие акты коммуникации, негативную информацию. В связи с развитием коммуникативно-функционального подхода в изучении иностранных языков, предполагающего овладение устной коммуникацией в рамках стандартизированной ситуации, овладение тактиками и коммуникативными стратегиями комплимента является неотъемлемым элементом в изучении иностранного языка.

Список литературы

1. Баженова Н.Г. Лингводидактическая роль похвалы в формировании духовно-нравственной культуры учащихся, изучающих

французский язык // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2012. – №4 (119). – С. 16–18.

2. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с.

3. Хотите жить в Испании – учитесь принимать комплименты [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lingvaflavor.com/hotite-zhit-v-ispanii-uchites-prinimat-komplimenty>.

4. Natálie Venclovská. Los piropos espacoles. – Brno, 2006. – 35 p.

5. Зверева Е.В. Формы обращения в комплиментах, используемых в испанском языке // Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (10). – С. 76–82.

6. Piropos de amor románticos y profundos [Electronic resource]. – URL: <http://www.citasyproverbios.com/piropos/index.html>.

7. Фирсова Н.М. Испанская разговорная речь: учеб. пособие / под ред. Сантьяго де Акоста. – 3-е изд. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 251 с.

8. Jucker A. Speech act research between armchair, field and laboratory: The case of compliments. Journal of Pragmatics [Electronic resource]. – URL: <http://www.festschrift-gerd-ritz.de/files/jucker/definitions/ceremonious.html>.

9. El tiempo entre costuras [Electronic resource]. – URL: <http://turkcinema.tv/spanish-serials/niti-sudby-serial-el-tiempo-entre-costuras.html>.

10. Mar adentro [Electronic resource]. – URL: <http://espana-film.net/1220-more-vnutri-mar-adentro-2004.html>.

11. Выражение чувств и симпатии на испанском языке [Электронный ресурс]. – URL: <http://hispablog.ru/?p=1284>.

12. Прагматика: как сделать комплимент. Как сказать «красивы» [Электронный ресурс]. – URL: <http://portal-español.es/Alumnos.php?id=8&nivel=A1&number=7&type=1>.

13. Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. – Минск, 2009. – 183 с.

УДК 81'373

Р.А. Тоскано, М.А. Панчикова, А.А. Сичкарь

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуется проблема взаимодействия английского, русского и испанского языков со стороны этимологии. Рассматриваются трудности перевода, связанные с омонимией и неправильным толкованием иноязычных слов.

Ключевые слова: омонимия, созвучность, этимология, заимствование, эволюция.

Испанский язык – плюрицентрический иберо-романский язык, зародившийся в средневековом Королевстве Кастилия. Относится к индоевропейской семье языков (романская группа, иберо-романская подгруппа).

Испанский язык – второй по распространенности язык в мире, который возник на основе латинского алфавита. В раннем средневековье на староиспанский язык большое влияние оказали заселившие южную часть Пиренейского полуострова арабы. Именно поэтому мы можем наблюдать немалое количество заимствованных слов (alcohol, tarea). Количество носителей и говорящих на данном языке в мире приближается к 500 миллионам.

Благодаря своей распространенности испанский язык является вторым по популярности для изучения. Но как и в любом языке, в нем присутствуют заимствования, которые в процессе эволюции могли претерпеть изменения и изменить своё значение. Такие слова называются «ложные друзья переводчика». Именно о них и пойдет речь в данной работе.

Ложные друзья переводчика (омонимы) – слова, близкие по звучанию и написанию в разных языках, но имеющие различное

значение. Эффект так называемых ложных друзей переводчика заключается в том, что схожее по форме слово неродного языка отождествляется по семантической функции со словом родного языка. Чаще всего таковыми являются интернациональные слова. Человек, который находится на начальном этапе изучения испанского языка, переносит смысловое значение знакомого слова из родного языка на слово другого, потому и возникает переводческая ошибка. Стоит заметить, что помимо полного несовпадения в значении слова в морфологии может присутствовать частичное заимствование значения, что также приводит к нарушению.

При исследовании проблемы омонимов внимание стоит уделить взаимодействию испанского и английского языков. Для многих людей первым изучаемым языком становится именно английский язык, поэтому большинство переносят значения слова, совпадающего по написанию и по звучанию. Этимология таких слов может как различаться, так и иметь одинаковые корни, так как оба эти языка относятся к индоевропейской группе. В случае общего происхождения, значения слов меняются с течением времени и в конце концов не имеют ничего общего. Проблема ошибочного толкования слов очень актуальна в данной языковой паре, но стоит заметить, что чаще всего не достигается эффект полной омонимии, слова являются созвучными или частично совпадающими по написанию. Предлагаем рассмотреть наиболее часто встречающиеся ошибочные толкования (табл. 1).

Таблица 1

Перевод	Испанский язык	Английский язык	Перевод
Предупреждение	Advertencia	Advertisement	Реклама
Усы	Bigote	Bigot	Религиозный фанатик
Письмо	Carta	Cart	Телега, повозка
Шлем	Casco	Cask	Бочка

Окончание табл. 1

Перевод	Испанский язык	Английский язык	Перевод
Водитель (управляющий)	Conductor	Conductor	Командование, управление
Деньги	Dinero	Dinner	Ужин
Скрепка	Grapa	Grape	Виноград
Маска	Máscara	Mascara	Тушь для ресниц
Взрослый, старший	Mayor	Mayor	Мэр
Городок (реже принимает значение «загородный дом»)	Villa	Villa	Вилла, загородный дом

Следует отметить, что исторической предпосылкой к появлению ложных друзей переводчика является взаимовлияние языков. Их общее количество и роль каждого из возможных источников, а также языка-основы в их образовании являются разными для каждой конкретной пары языков. В испанском, английском и русском языках слова этого рода в большинстве случаев представляют собой прямые или опосредствованные заимствования из общего третьего языка, например латинского. Значительно меньше представлены результаты конкретно испано- и англо-русских языковых контактов, т.е. слова испанского происхождения в русском языке и русского в испанском. Среди заимствованных слов этой группы зачастую наблюдаются расхождения со словами-образами, которые затрудняют понимание носителей языка-источника, казалось бы, «своего» слова в чужом языке.

С первого взгляда может показаться, что слова такого рода могут вводить в заблуждение только начинающих изучать языка, но это не так. Основная масса «ложных друзей» является опасной для людей, которые достаточно уверенно владеют языком. Причиной тому является возникновение многочисленных семантических калек и случаи нарушения лексической или стилистической соче-

таемости не только в процессах использования иностранной речи, но и при переводе на родной язык.

Так, например, испанское слово *beneficio* схоже с русским «бенефис» (спектакль, устраиваемый в честь одного из выступающих актёров (например, как выражение признания его мастерства) или работников театра), может переводиться как бенефис, однако чаще имеет общее значение «выгода».

Prima – это двоюродная сестра, а не (как казалось бы русскоговорящему человеку) артистка балетного театра, исполнительница классических танцев. Также *labrador* – это вовсе не порода собаки, а земледелец – человек, занятый обработкой земли, вспашкой, посевом злаков.

Испанское *compromiso* – компромисс и обещание, однако *el anillo de compromiso* – обручальное кольцо, т. е. кольцо, одевая которое люди «обещают» хранить верность друг другу до свадьбы.

Inversión – «инверсия» (в синтаксисе), прежде всего, «перестановка» в более общем смысле, более употребительное общее значение «инвестиции».

Одному и тому же слову в испанском языке могут соответствовать две разные части речи, чаще всего существительное и прилагательное, что порой также приводит к путанице с переводом.

Слово *extremo* (*adj.*) соответствует русскому прилагательному «экстремальный», но *extremo* (*m.*) существует в испанском языке и как существительное «крайность», «крайний пункт», «крайний срок».

Редко находят соответствия в русском языке испанские слова и выражения, имеющие ироническое значение.

Например, *Soltar un disco* – «читать мораль», однако знакомое по звучанию русскоговорящему человеку *disco* (*m.*) переводится с испанского языка на русский как «диск» (в разных значениях), «шайба», «граммофонная пластинка», «избитая тема».

Таких примеров множество, наиболее распространенные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Перевод	Английский язык	Испанский язык	Перевод
Учительский, педагогический	Magistral	Arteria, línea	Магистраль
Хлеб	Pan	Señor	Пан
Остановка (например, автобуса)	Parada	Desfile	Парад
Телега, повозка	Carreta	Lacarroza	Карета
Тюрма строгого режима	Penal	Elestuche	Пенал
Песня моряка	Saloma	Laraja	Солома, сено
Мозг	Cerebro	Plata	Серебро
Первый	Primero	Ejemplo	Пример
Медсестра	Enfermera	Agricultor	Фермер
Ветка	Rama	Elcuadro	Рама оконная, картинная

При изучении любого языка стоит особое внимание уделять значению слов, чтобы не допускать лексических ошибок. Именно поэтому «ложные друзья переводчика» заслуживают более глубокого и детального изучения.

Список литературы

1. Белянин В.П. Лингвистический шок // *Rusistica Espanola*. Научный журнал по проблемам русского языка и литературы. – 1995. – № 5.
2. Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода (на материале испанского языка). – М.: Высшая школа, 1987. – 232 с.
3. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 416 с.

УДК 378.1

О.В. Чернышева, М.С. Чупахина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В статье рассматриваются особенности вербального и невербального общения в молодежной среде, сравниваются способы общения африканцев и русских.

Ключевые слова: общение, молодежная среда, кинесика, такесика.

Изучение особенностей вербального и невербального общения в молодежной среде является актуальной проблемой. В соответствии со Стратегией государственной молодежной политики в Российской Федерации, к этой категории относятся граждане от 14 до 30 лет. В настоящее время это 39,6 миллионов молодых граждан – 27 % от общей численности населения страны [1]. Юноши и девушки – будущее нашей страны, поэтому важно проводить изучение различных видов общения в молодежной среде.

Бодалев А.А. считал, что общение – «это и сложнейшее переплетение отношений общающихся друг к другу, к совместной деятельности и ее результатам, и к самим себе, и одновременно яркий показатель умения общающихся понять и объективно оценить друг друга»; это процесс непосредственного «установления межиндивидуальных связей и взаимодействий людей, который определяется системой конкретных общественных отношений» [2, с. 6].

Ученые выделяют два вида общения – вербальное и невербальное. Первый вид – общение с помощью слов, речи, процесс обмена информацией и эмоционального взаимодействия между людьми. В невербальном общении информация передается с помощью интонации, взгляда, выражения лица, различных жестов. По мнению В.П. Морозова, невербальная коммуникация – «это

система неязыковых (не словесных) форм и средств передачи информации» [3, с. 4].

Исследованию вербального и невербального общения посвящены работы многих ученых: А.А. Бодалёва, Н.Н. Обозова, А.А. Леонтьева, И.А. Зимней, А.Р. Лурия, Р. Вудвордса, Л.Б. Филонова, А.Г. Шмелёва. Невербальная коммуникация активно изучалась в 40-х годах XX веке следующими зарубежными учеными: М.К. Аргайлом, Р.Л. Бердвистеллом, Е. Кречмером, Р. Розенталем, Р. Соммером, Дж. Трейджером, Л.К. Франком, Е.Т. Холлом, В. Шелдоном, П. Экманом и У. Фризенном.

По мнению Г.М. Андреевой, к невербальным средствам общения относятся:

- 1) оптико-кинетическая знаковая система;
- 2) пара- и экстралингвистическая;
- 3) организация пространства и времени коммуникативного процесса;
- 4) визуальный контакт [4, с.80].

Оптико-кинетическая знаковая система включает в себя жесты, мимику, пантомимику. Огромное значение имеет выражение лица. По мнению Л.Д. Столяренко, мимические выражения несут более 70% информации. Основные человеческие эмоции: радость, страдание, гнев, удивление, страх, отвращение, интерес, презрение, стыд и др. – отражаются с помощью выражения лица [5, с. 325]. Основную информационную нагрузку несут брови и область вокруг рта (губы). С помощью глаз передаются самые точные сигналы о состоянии человека, поскольку расширение и сужение зрачков не поддаются сознательному контролю. Если человек возбужден или заинтересован чем-либо или находится в приподнятом настроении, его зрачки расширяются в четыре раза против нормального состояния. И наоборот, сердитое, мрачное настроение заставляет зрачки сужаться [Там же, с. 325].

Мейерабиан А. установил, что передача информации происходит за счет вербальных средств на 7%, звуковых средств (включая тон голоса, интонация звука) – 38%, невербальными средства-

ми – 55%. Аналогичные данные получил профессор Бердвисл, который определил, что в процессе беседы словесное общение занимает 35%, а более 65% информации передается с помощью невербальных средств, т. е. в результате научных исследований было выявлено, что большая часть информации передается невербальными средствами [3, с. 13].

Жестовый язык молодежи является «открытой и подвижной системой, активно впитывающей и переосмысляющей элементы знакового телесного поведения людей разнообразных социальных слоев и культур, поэтому, естественно, он должен находиться в зоне постоянного исследовательского внимания» [1]. Среди конвенциональных невербальных молодежных средств общения можно выделить группу стандартных этикетных жестов, используемых в официальной обстановке как средство общения между преподавателем и студентами, а также группу жестов, используемых во время общения между сверстниками, чаще в непринужденной обстановке. Наибольший интерес представляют соматические коды второй группы. Именно они составляют костяк жестового языка молодежи, эта группа невербальных знаков служит средством маркирования «своего», это своеобразный символ, который кроме значения, вложенного в него ситуативно, несет еще постоянное значение – принадлежности к «своему» сообществу [1].

Среди соматических кодов молодежи больше всего знаков символических. В них особенно сильно проявляется игровое начало. Некоторые невербальные знаки этой группы используются с целью сокрытия информации от постороннего, «чужого», они выступают в качестве своеобразного условного пароля, другие жесты рассматриваемой группы применяются с целью экономии речевых ресурсов. Например, среди девушек получает широкое распространение такая форма приветствия, как объятие и поцелуй [Там же]. Этот способ приветствия заимствован, его распространение связано с появлением на телеэкранах большого количества телесериалов о жизни сверстников за рубежом. Для многих молодых людей эти телефильмы стали образцом для подражания: подростки и студен-

ты копируют отдельные слова, манеру одеваться, невербальные навыки, а вместе с ними нередко и модель мировосприятия. Молодые люди, в отличие от девушек, более консервативны и используют для приветствия друг друга традиционное рукопожатие, которое, однако, может быть осложнено игровым элементом. В этом случае пожатие протянутой правой руки сопровождается легким ударом или нажатием с целью накренить руку другого в сторону, т.е. приветствие сопровождается своеобразным мини-армрестлингом [1].

Несмотря на наличие ряда исследований по указанной тематике, уровень изученности вербального и невербального общения в молодежной среде представляется нам недостаточным.

Существуют типологические различия в невербальном общении у разных национально-культурных сообществ. Рассмотрим особенности этого общения на примере русского и африканского народов.

Кинесика – это система средств общения, включающая в себя жесты, мимику и пантомимику; это и манера одеваться, причесываться и т.д. [6, с. 86].

Чтобы выразить несогласие или отрицательное отношение к сказанному, африканцы четырежды наклоняют голову от плеча к плечу. Для выражения согласия с собеседником русские используют кивок головой, у африканцев подобное выражение сопровождается опусканием глаз. Африканцы привыкли часто прикрывать глаза и трогать лицо руками. Если у русских эти жесты показывают незаинтересованность в происходящем и усталость, то для африканцев данные жесты не несут никакого смысла [7].

В ситуациях, когда необходимо показать неизбежность провала того или иного решения, действия африканцы проводят рукой по горлу.

В африканском племени туарегов для признания в любви достаточно погладить пальцами ладонь понравившейся девушки, если она сожмет палец в ответ, это означает встречную симпатию.

Смех как привычное для многих народов (в частности, для русского – выражение радости и позитивного отношения к сказанному) в некоторых странах Африки имеет другие интерпретации – изумление и замешательство.

Во время разговора у африканских народов не принято стоять слишком близко к собеседнику, это вызывает недоумение или даже агрессию у оппонента.

Такесика – раздел психологии, изучающий прикосновения в процессе общения: дотрагивание, рукопожатие, похлопывание [5]. Наиболее распространенной формой приветствия у африканского народа, как и у русских, является рукопожатие, однако весьма важной является его специфика. Не следует сжимать руку вашего знакомого. Рукопожатие должно быть более слабым. В некоторых случаях можно встретить рукопожатие двумя руками (левая рука поддерживает правую). Оно обычно означает отсутствие агрессивных намерений и расположение к собеседнику. Своеобразные рукопожатия приняты у африканских масаев: прежде чем подать руку, они на нее плюют [7].

Межкультурные этикетные гендерные различия хорошо видны на примере приветственных поцелуев. В российской культуре распространены поцелуи в знак приветствия в основном в молодежном окружении среди девушек, тогда как, например, в Южной Африке поцелуями обмениваются только мужчины, но не в знак приветствия, а как знак мира.

Визуальное общение – это контакт глаз между партнерами по общению. У некоторых африканских народов считается неприличным пристально смотреть в глаза, как это принято (и даже поощряется) в России. Эриксон Э. приписывал русским особую выразительность глаз, их использование «как эмоционального рецептора, как алчного захватчика и как органа взаимной душевной капитуляции» [8, с. 260].

Совместно с преподавателями кафедры коммуникологии и психологии разработана программа развития коммуникативных способностей студентов 1 курса ЮЗГУ. Задачами этой программы являются:

- обучение студентов конструктивному общению в малой и большой группах;
- развитие адекватной самооценки обучающихся;
- развитие коммуникабельности и общительности студентов.

Используются следующие методы работы со студентами: беседа, тренинговые занятия, элементы арт-терапии, в заключении – спектакль-импровизация.

Таким образом, успех в коммуникативном процессе зависит не только от речевых способностей индивида, но и от невербальных приемов, возникающих на подсознательном уровне. Знания и умения владения приемами невербальной коммуникации являются важнейшей частью на пути к взаимопониманию и сближению (как в рамках одной национальной культуры, так и в рамках межкультурной коммуникации).

Список литературы

1. Мардиева Л.А., Мухаметзянова Г.Р. Невербальные семиотические коды молодежи [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philogi-and-culture.kpfu.ru>.
2. Бодалев А.А. Психология общения. – М: Межд. пед. академия, 1996. – 321с.
3. Морозов В.П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. – М.: ИП РАН, Центр «Искусство и наука», 1998. – 189 с.
4. Андреева Г.М. Социальная психология: учеб. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 325с.
5. Пиз А. Язык телодвижений. – Н. Новгород: Ай Кью, 1992. – 262 с.
6. Лабунская В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). – Ростов н/Д: Феникс, 1988. – 246 с.
7. Бороздина Г.В. Психология делового общения. – М.: Деловая книга, 1998. – 247 с.
8. Эриксон Э. Г. Детство и общество: [пер. с англ.]. – СПб.: Ленато: АСТ: Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.

9. Молодежь [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.Wikipedia.org.ru>.

10. Столяренко Л.Д. Психология управления: учеб. пособие. – Ростов н/Д, 2007. – 523 с.

11. Такесика [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.Wikipedia.org.ru>.

УДК 811.161.1

Л. Чжоу

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

КИТАЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена проблемам заимствования китайских слов в русском языке. При рассмотрении китаизма в разных словарях русского языка автор статьи уделяет особенное внимание семантическому развитию заимствований. В статье анализируются причины, способы, специфика и виды заимствований.

Ключевые слова: языковые контакты, китаизм, слова китайского происхождения, способы заимствований, виды заимствований.

Русский народ в процессе своего исторического развития поддерживал разносторонние связи с ближними и дальними соседями. В результате этих связей словарный состав русского языка пополнялся иноязычными словами. Это естественный и необходимый процесс языкового развития. В основном иноязычные слова заимствованы из таких языков, как греческий, тюркский, английский, французский, немецкий, латинский. В этой группе, несомненно, не хватает и китайского языка. Хотя количество слов китайского происхождения мало, из-за тесного сотрудничества двух стран количество слов постепенно увеличивается. Поэтому исследование этой темы имеет большое теоретическое и практическое значение.

Язык всегда быстро и гибко реагирует на потребности общества. *Заимствования* становятся результатом контактов, взаимоотношений народов, государств. Основные причины появления слов китайского происхождения следующие:

1) *географическое положение*. Между Россией и Китаем имеются длинные границы. Например, жители на Дальнем Востоке России и Северо-Востоке Китая живут смешанно. Такие природные и культурные условия предоставляет возможность для вхождения китаизмов в русский язык;

2) *исторические контакты*. Китайско-российские отношения прошли разные этапы в своём развитии. Когда отношения более тесны, интерес русских к китайской культуре является относительно сильным, и в качестве основной части культуры язык получил широкое распространение. На современном этапе российско-китайское взаимодействие характеризуется широким спектром областей сотрудничества, включающих интенсивные контакты на высшем уровне. Например, Россия и Китай впервые в истории двусторонних отношений провели в 2006 г. год России в Китае и в 2007 г. – год Китая в России, в 2009 г. – год русского языка в Китае и в 2010 г. – год китайского языка в России, в 2012 г. – год российского туризма в Китае и 2013 г. – год китайского туризма в России. Все эти мероприятия способствовали появлению китаизмов в русском языке;

3) *экономическое сотрудничество*. Исходя из экономических связей, двусторонняя торговля между Россией и Китаем всегда была очень динамична, приграничная торговля была особенно активна. Это побудило людей более активно использовать язык друг друга, придавало новый импульс обмену языками.

Появление и распространение китаизмов в русском языке зависит от близости расположения региона к Китаю. Таким образом, первоначально слово только на определенной приграничной территории употребляется, а затем по мере необходимости на другие территории распространяется. Наличие, появление, проникновение или исчезновение тех ли иных китайских слов в русском языке определялось изменением условий в политической, экономической,

культурной жизни народов двух стран. И в целом количество китайских слов в русском языке постепенно увеличивается. В 60-70-х гг. XX века известный лексикограф Макс Фасмер в своем фундаментальном труде «Этимологический словарь русского языка» насчитывает только восемь китайских заимствований [1]. К настоящему времени в Толковом словаре иноязычных слов, Большом толковом словаре русского языка, Современном словаре иностранных слов и других словарях всего включены около 100 китайских слов, относящихся к следующим сферам:

1) *сфера культуры и спорта*: гохуа (*guo hua*) – китайская живопись; эрху (*er hu*) – старинный китайский струнный смычковый инструмент; янге (*yang ge*) – китайский народный танец; пипа (*pi pa*) – китайская лютня; ушу (*wu shu*) – вид боевых искусств; тайцзицюань (*tai ji quan*) – оздоровительная гимнастика, вид боевых искусств; Багуачжан (*ba gua zhang*) – одно из боевых искусств;

2) *сфера повседневной жизни*: тофу (*dou fu*) – пищевой продукт из соевых бобов; манты (*man tou*) – китайская булочка, маньтоу; баоцзы (*bao zi*) – китайские пирожки, приготовляемые на пару; маотай (*mao tai jiu*) – крепкая китайская водка из города Маотай; жэньминьби (*ren min bi*) – народная валюта, юань, *yuan* – единица этой валюты, один юань делится на 10 цзяо, которые, в свою очередь, делятся на 10 фэней; фанза (*fang zi*) – дом; хутун (*hu tong*) – переулок; тайфун (*tai feng*); шёлк (*si chou*); нанка (*nan jing tu bu*) – хлопчатобумажная ткань, прежде вывозимая из китайского города Нанкина), ходя (*jia huo*) – пренебрежительное название китайца), путунхуа (*pu tong hua*) – литературный китайский язык;

3) *термины политики и философии*: конфуцианство (*ru xue*) – учение Конфуция; инь (*yin*) – светлое, активное, мужское, духовное начало; янь (*yang*) – темное, пассивное, женское, вещественное начало; инь-янь (*yin yang*); дао (*dao*) – путь, правило, принцип; религиозное учение; даосизм (*dao jiao*) – учение о Дао; фэншуй (*feng shui*) – ветер+вода; геомантия; тайпины (*tai ping jun*) – участники крестьянской войны в Китае против маньчжуро-китайских феодалов; хунхуз (*hong hu zi*) – бандит, вооружённый грабитель; ямынь (*ya men*) – название государственных учреждений, существовав-

ших в Китае до 1949; гоминьдан (*guo min dang*) – Китайская Национальная народная партия; хунвейбины (*hong wei bing*) – красные охранники; Дацзыбао (*da zi bao*) – газета, написанная большими иероглифами;

4) *растение и животное*: чай (*cha*); улун (*wu long*) – чёрный дракон, красный чай, бирюзовый чай; женьшень (*ren shen*) – лекарственное растение); лунцзин (*long jing cha*) – разновидность зелёного чая из Ханчжоу, провинция Чжэцзян; байховый (*bai hua*) – сорт чая; гаолян (*gao liang*) – вид сорго; кинкан (*jin gan*) – плод некоторых цитрусовых растений, выделяемых в особый подрод Фортунелла; личи (*li zhi*) – плодовое растение, китайская слива; пекинес (*bei jing gou*) – декоративная порода собак; чау-чау (*qiao qiao gou*) – сторожевая собака, компаньон; шарпей (*sha pi*) – порода сторожевых, охотничьих и бойцовых собак.

Следует отметить, что кроме этих слов, которые можно найти в словарях, ещё есть слова, которые употребляются только в разговорной речи, т. е. варваризмы. Это, как правило, слова, которые не зафиксированы словарями иностранных слов, а тем более словарями русского языка. Они носят окказиональный характер или появились недавно и употребляются ограниченно на определенной территории. Например, «куборо» – мясо в кисло-сладком соусе (блюдо, распространенное в последнее время в приграничных районах). Слово «чифань» имеет значение есть, кушать и происходит от китайского *chi fan* [2, с. 112]. Это слово входит в обиход жителей российского Дальнего Востока, вместо «есть» люди говорят «чифань». Ещё и слово «канн» (*kang*), означающее отопление по-китайски, также получило широкое употребление на Дальнем Востоке. Заимствованные слова из китайского языка обычно распространены в бытовой, общественной, технической сферах. В то же время в русском языке есть целый ряд китаизмов за пределами названных выше сфер заимствования [3, с. 122–123].

Заимствования могут идти двумя путями – непосредственными (из языка в язык) и опосредованными (через языки-посредники). В русскую лексику некоторые слова китайского происхождения проникли путём непосредственных: байховый, фанза,

ходя, хунхуз, гаолян, гоминьдан, инь-ян, кофуцианство, гохуа, конфу, цигун, тайцзицюань, хунвейбины, чай, юань, фэн-шуй, а другие – опосредованных, через языки-посредники. Например, названия некоторых тканей: шелк, сатин, чесуч и т.д. Они свидетельствовали о развитии китайской текстильной промышленности и её распространении. В основном эти слова проникли в Европу через Великий шелковый путь, а оттуда – в Россию. Среди них:

- 1) через английский: соя, кетчуп, чау-чау, тайфун и т.д.;
- 2) через латинский: шёлк и т.д.;
- 3) через французский: атин, сампан, нанка и т.д.;
- 4) через тюркские: чай, Китай и т.д.

Заемствования можно классифицировать по тому, какой аспект слова оказывается новым для заимствующего языка. По этому принципу китаизмы в русском языке подразделяются на фонетические, кальки и семантические [4, с. 45].

Фонетические заимствования составляют наиболее многочисленную и основную группу. Произношения таких слов одинаковы или похожи на произношения исходных слов. Как правило, это географические названия, имена человека, товары. Рассмотренные выше гоминьдан, ямынь, Дацзыбао, ушу, женьшень, гаолян и т.д. являются именно фонетическими заимствованиями.

Кальками называются заимствования, полученные поморфемным переводом с одного языка на другой. Калька обычно не ощущается как заимствованное слово, так как составлена из морфем своего языка, например иглоукальвание. Следует отметить, помимо полноценных калек, встречаются и полукальки. Полукальки – это слова, в которых наряду с заимствованными частями имеются исконно русские элементы. Например, слово «гоминьдановец» (член гоминьдана) соединило в себе китайский компонент (гоминьдан) и русский суффикс – вец, характерный для лица. Аналогично слово «маоизм» (теория Мао Цзэдуна) состоит из иностранной части *маоизм* и русской *изм* и обозначает названия учений.

Под семантическим заимствованием понимается заимствование нового значения, часто переносного, к уже имеющемуся в языке слову. Но вопрос о том, нужно ли подвести семантические под

категорию заимствований, остаётся спорным в современной лингвистике. Кроме того, таких слов в русском языке очень мало, поэтому здесь мы это не подробно обсудим.

В русском языке многие китаизмы носят специфику китайского народа. С развитием китайского общества в русский язык постепенно входят все больше и больше новых слов, вместе с тем из употребления исчезли некоторые проникшие слова.

В Кратком словаре иностранных слов 1952 г. издания имеется слово «хунхузы» – *hong hu zi*, члены организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии) [5, с. 437]. А в Словаре русского языка Ожегова 1973 г. выпуска слово «хунхузы» отсутствует. Появление слова «хунхузы» связано с тем, что в 30-е гг. XX в. на Дальнем Востоке России и Северо-Востоке Китая было смутное время, хунхузы везде свирепствовали на оккупированной ими территории: сжигали дома, грабили и убивали людей, ни перед чем не останавливаясь. Но со временем хунхузничество исчезло, и ушло из словарей и само слово [5, с. 151-155]. В Кратком словаре иностранных слов 1952 г. издания также имеется слово «фанза», которое имеет два значения: небольшой крестьянский дом на каркасе из деревянных столбов в Китае; легкая китайская шелковая материя, напоминающая тафту [5, с. 411]. А в Словаре русского языка Ожегова 1973 г. «фанза» имеет только одно значение – небольшой китайский дом [6, с. 780]. Дело в том, что Советский Союз уже прекратил импорт из Китая товаров легкой промышленности, и у второго значения «фанза» больше нет необходимости существования.

Кроме того, в Словаре иностранных слов (1984) имеется китайское слово «хунвейбины» – красные охранники, красногвардейцы. Отряды хунвейбинов были созданы для борьбы с противниками Мао Цзэдуна во время проведения культурной революции (1966–1976 гг.) [7, с. 552]. В то время Россия провела аналогичную культурную революцию, так слово «хунвейбины» получило распространение. Но с изменением политической ситуации двух стран это слово редко употребляют, даже трудно его найти в сло-

варях иностранных слов, которые издавались в последние годы [5, с. 151–155]. Одним словом, появление, распространение и исчезновение заимствованных слов из китайского языка тесно связано с развитием общества. Многие иностранные слова представляют только социальное явление конкретного исторического периода.

Таким образом, в русском языке есть целый ряд слов китайского происхождения. Эти слова проникли в разные сферы человека и общества и в той или иной степени отражают концепцию китайского стиля в русском обыденном языковом сознании. И несмотря на то, что китаизмов пока небольшое количество, в будущем этот процесс будет активизироваться в связи с тесным российско-китайским сотрудничеством.

Список литературы

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986-1987.
2. Китайско-русский словарь *Shangwu yinshuguan*. – Beijing, 1992. – С. 112.
3. Ши Ся. Особенности лексического заимствования из китайского языка в «Ломоносов-2008» // Ломоносов: матер. XV Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 7-11 апреля 2008 г. – С. 122–123.
4. Сунь Ханцзюнь О заимствованных словах в русском языке // РГА Университет иностранных языков. – 2000. – № 4. – С. 45.
5. Краткий словарь иностранных слов. – М.: ГИИНС, 1952. – С. 411–437.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – С. 780.
7. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1984. – С. 552.
8. Ши Ся. «Хунхузы» и «хунвэйбины»: история двух китаизмов в русском языке // Современные гуманитарные исследования: научный журнал. – Вып. 5(18). – 2007. – С. 151–155.

УДК 81'22

Н.П. Шульгина, М.В. Босова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ЗАЛОГ КАЧЕСТВЕННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

В статье рассматривается роль инновационных образовательных технологий в повышении качества обучения в высших учебных заведениях. Возможности эффективного использования интерактивного метода и модульного обучения показаны на примере Юго-Западного государственного университета.

Ключевые слова: инновационные технологии, инновационное обучение, новые формы и методы обучения.

Новые образовательные технологии, соответствующие требованиям стандартов, – залог качественного обучения в высших учебных заведениях.

Открыть студентам доступ к нетрадиционным источникам информации, повысить эффективность самостоятельной работы, расширить возможности для творчества, обретения и закрепления профессиональных навыков, реализовать принципиально новые формы и методы обучения с применением средств концептуального изложения изучаемого материала и различного типа моделирования явлений и процессов – всё это позволяет использовать в образовательном процессе вузов инновационные технологии.

Термин «образовательная технология» стал использоваться как научное понятие сравнительно недавно и представляет собой совокупность средств и способов осуществления образовательного процесса с получением гарантированного результата [1–5].

Образовательная технология – система, включающая некоторое представление планируемых результатов обучения (ПРО), средства диагностики текущего состояния обучаемых,

множество моделей обучения и критерии выбора оптимальной модели обучения для данных конкретных условий [1, с. 198].

Современные образовательные технологии предполагают изменение учебной ситуации таким образом, чтобы преподаватель из «непререкаемого авторитета» стал внимательным и заинтересованным собеседником и соучастником процесса познания. Существенной составляющей педагогических технологий являются методы обучения – способы упорядоченной взаимосвязанной деятельности преподавателя и студентов [5, с. 19].

Образовательную технологию можно представить следующей формулой: *ОТ = цели + задачи + содержание + методы (приемы, средства) + формы обучения.*

Современные технологии обучения позволяют не только разнообразить формы аудиторной и внеаудиторной работы, но и расширить возможности абитуриентов при выборе вуза (активное использование, например, дистанционного обучения позволяет не учитывать географическое положение вуза и его отдаленность от дома). Современные технологии обучения позволяют сделать среду обучения для всех *доступной средой*, независимо от возможностей здоровья и места проживания.

К современным технологиям образовательного процесса в вузе можно отнести интерактивное обучение, дистанционное обучение, модульное обучение, информационно-аналитическое обеспечение учебного процесса, управление качеством образования, мониторинг интеллектуального развития и многое другое.

Интерактивные технологии, хотя и не являются чем-то новаторским, достаточно широко применяются в современном образовательном процессе. Данные технологии имеют исключительную важность, так как их сущность заключается во взаимодействии всех участников образовательного процесса, включая педагога.

Термины «интерактивные технологии» и «интерактивное обучение» пришли к нам из английского языка (Interactive: inter – *между, меж*; act – *действовать, действие*) [4].

Интерактивное обучение – специальная форма организации познавательной деятельности обучающихся. Она имеет в виду вполне конкретные и прогнозируемые цели. Одна из таких целей

состоит в создании комфортных условий обучения – таких, при которых обучающийся чувствует свою успешность, свою интеллектуальную состоятельность, что делает продуктивным сам процесс обучения [3].

Интерактивное обучение – это модель открытого обсуждения, развивающая умение спорить, дискутировать и решать конфликты мирным путем. Интерактивное обучение наиболее соответствует личностно-ориентированному подходу в обучении. Педагог здесь выступает в роли организатора процесса обучения, лидера группы, создателя условий для инициативы учащихся. Главными в процессе обучения становятся связи между обучающимися, их взаимодействие и сотрудничество. Результаты достигаются взаимными усилиями всех участников процесса обучения [6].

Интерактивное обучение – это обучение с хорошо организованной обратной связью субъектов и объектов обучения, с двусторонним обменом информации между ними [7].

Инновационные образовательные технологии взаимосвязаны, взаимообусловлены и составляют определенную дидактическую систему, направленную на воспитание таких ценностей, как открытость, честность, доброжелательность, сопереживание, взаимопомощь, и обеспечивающую образовательные потребности каждого ученика в соответствии с его индивидуальными особенностями [1].

В ходе интерактивного обучения студенты учатся формулировать собственное мнение, правильно выражать мысли, строить доказательства своей точки зрения, вести дискуссию, слушать другого человека, уважать альтернативное мнение. На интерактивном занятии формируются навыки, необходимые каждому человеку в реальной жизни. Результатом использования этих методов станет повышенный интерес студентов к изучаемому курсу [5, с. 21].

Активно внедряются интерактивные технологии обучения в практику работы Юго-Западного государственного университета, в котором мы имеем честь учиться. В университете создана прекрасная материально-техническая база, задействованы высококвалифицированные кадры, что позволяет применять в учебном процессе принципиально новые образовательные технологии. В его стенах не только применяются современные образовательные технологии, но

и совершенствуются на практике, чтобы полностью соответствовать реалиям современности. Вуз идет в ногу со временем и внедряет в процесс обучения инновационные технологии. ЮЗГУ соответствует современным стандартам европейского образования и является достойным вузом с мировым именем [2].

Собственный опыт участия в интерактивных занятиях по различным дисциплинам позволяет нам сформулировать принципы работы студентов на таких занятиях:

- занятие – не пассивное слушание, а совместная активная работа;
- суммарный опыт группы больше опыта преподавателя;
- все участники занятия равны независимо от возраста, социального статуса, опыта;
- каждый студент имеет право на собственное мнение по любому вопросу;
- нет места прямой критике личности (критиковаться может только идея);
- все сказанное на занятии – не руководство к действию, а информация к размышлению.

Вместе с тем мы пришли к выводу, что интерактивные технологии требуют определенных условий их применения, и прежде всего:

1. Четкого понимания целей и задач их использования. Преподаватель должен ясно себе представлять, какого результата он может достичь, применяя тот или иной метод.

2. Эффективного целеполагания. Преподавателю важно убедиться в том, что студенты понимают смысл, правила групповой работы или игры, принимают их и готовы работать в группе.

3. Знания и учета особенностей учебной группы. Преподаватель должен учитывать индивидуальные особенности обучающихся, степень их готовности к совместной деятельности.

4. Планирования хода работы, прогнозирования результатов. Преподаватель должен четко, шаг за шагом представлять себе основные этапы реализации того или иного метода обучения, прогнозируя его результаты.

Совместная деятельность педагога и слушателей в процессе освоения учебного материала означает, что каждый вносит индивидуальный вклад, идет обмен знаниями, идеями, способами деятельности.

Эффективно применяется в ЮЗГУ и технология модульного обучения, сущность которого состоит в том, что содержание обучения структурируется в автономные организационно-методические блоки – модули, содержание и объем которых могут варьировать в зависимости от дидактических целей, профильной и уровневой дифференциации обучающихся, желаний обучающихся по выбору индивидуальной траектории движения по учебному курсу [2].

Селевко Г.К. в учебном пособии «Современные образовательные технологии» называет два вида модулей – обязательные и элективные [7].

Сочетание модулей, по мнению ученого, обеспечивает необходимую степень гибкости и свободы в отборе и комплектации требуемого конкретного учебного материала для обучения (и самостоятельного изучения) определенной категории обучающихся и реализации специальных дидактических и профессиональных целей [Там же].

Необходимым элементом модульного обучения обычно выступает балльно-рейтинговая система оценки знаний (в ЮЗГУ эффективно реализуется на всех курсах бакалавриата по всем направлениям подготовки).

Модульное обучение отличается от традиционного тем, что содержание обучения представляется в информационных блоках, усвоение которых осуществляется в соответствии с целью. Дидактическая цель формулируется для обучающегося и содержит в себе не только указание на объем изучаемого содержания, но и на уровень его усвоения. Кроме того, каждый обучающийся получает от преподавателя советы в письменной форме: как рациональнее действовать, где найти нужный учебный материал и т.д.

При применении такой образовательной системы меняется форма общения преподавателя и студента. Она осуществляется через модули и личное индивидуальное общение. Студент работает

самостоятельно, учиться самопланированию, самоорганизации, самоконтролю и самооценке. Это дает возможность ему осознать себя в деятельности, самому определять уровень усвоения знаний, видеть пробелы в своих знаниях и умениях. Наличие модулей с печатной основой позволяет преподавателю индивидуализировать работу с отдельными студентами [6].

Как уже было сказано выше, в Юго-Западном государственном университете балльно-рейтинговая система успешно применяется на практике в течение нескольких лет. Рейтинг учебных достижений, измеряющийся в балльной системе, становится объективным критерием оценки реальных результатов работы студентов и дает возможность оценки индивидуальной подготовки каждого обучающегося. Это своего рода мотивация, стимулирующая именно личностное образование и развитие. Каждый студент ЮЗГУ (или любое другое заинтересованное лицо) может в удобное для него время на сайте ознакомиться со своим текущим рейтингом по любой дисциплине, а также узнать свой индивидуальный рейтинг и получить информацию о месте, которое он занимает в группе и на курсе. Система обеспечивает доступность информации об успешности каждого студента на любом этапе образовательной траектории вне зависимости от сроков общепринятых информационных срезов, что позволяет деканатам и учебно-методическому управлению принимать оперативные управленческие решения и осуществлять мониторинг успешности образовательного процесса.

В целях повышения мотивации профессорско-преподавательского состава к внедрению в образовательный процесс современных образовательных технологий, повышения качества обучения в вузе ежегодно проводятся конкурсы профессионального мастерства [2].

Одним из ярких примеров являются ежегодные конкурсы для преподавателей вуза: «Лучшая интерактивная лекция», «Лучшее интерактивное практическое занятие», «Лучшее интерактивное лабораторное занятие», «Лучший учебно-методический комплекс по дистанционной технологии ЮЗГУ», итоги которых подводятся в конце календарного года. Конкурсы позволяют выявить педагогический потенциал профессорско-педагогического состава ЮЗГУ.

Все это дает уверенность в завтрашнем дне и качестве знаний выпускников, позволяет гарантировать хорошее качество подготовки кадрового обеспечения не только нашей страны, но и зарубежья.

Таким образом, мы видим, что современное высшее образование, которое становится все более индивидуализированным, требует постоянной модернизации образовательного процесса. В наши дни вуз – это не только «кузница кадров», но и огромный воспитательный комплекс, где студент приобретает необходимые навыки для будущей жизни: умение самоорганизовываться, самостоятельно и быстро усваивать учебный материал, развивать коммуникативные навыки, а конференции и открытые коллоквиумы учат не только умению публичного выступления, но и дают возможность обмена опытом. Интерактивные технологии обучения и модульно-рейтинговая система превращают учебный процесс не просто в акт получения знаний, но и повышают мотивацию студентов на развитие как личности, так и профессионала.

Список литературы

1. Гузеев В.В. Планирование результатов образования и образовательная технология. – М.: Народное образование, 2000. – С. 198–200.
2. Емельянов С.Г., Овчинникова А.Е., Дроздов В.И. О модернизации образования // Курские ведомости. – 2002. – № 11. – С. 51–54.
3. Еделева Е.И. Интерактивные техники групповой работы // Школьный психолог. – 2004. – № 15.
4. Калинкина Т.М. Педагогические технологии в образовательном процессе // Автомобиле- и тракторостроение в России: приоритеты развития и подготовка кадров: матер. Междунар. науч.-техн. конф. ААИ, посв. 145-летию МГТУ «МАМИ». – М.: МГТУ «МАМИ», 2010. – 575 с.
5. Клинберг Л. Проблемы теории обучения: [пер. с нем.]. – М.: Педагогика, 1884. – С. 256.
6. Википедия [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: www.ru.wikipedia.org.

7. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: учеб. пособие. – М.: Народное образование, 1998. – С. 256.

8. Стандарты и рекомендации для гарантии качества высшего образования в европейском пространстве [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nics.ru>.

9. Шульгина Н.П. Формирование личности в процессе обучения русскому языку: теория и опыт практической работы. – Курск, 2007. – 244 с.

УДК 81'22

Н.П. Шульгина, В.С. Жукова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье рассматривается роль межкультурной коммуникации теории и практике обучения русскому языку как иностранному. Возможности эффективного использования межкультурной коммуникации в практике обучения показаны на примере исследований, проводимых в Юго-Западном государственном университете под руководством проф. Р.К. Боженковой

Ключевые слова: языковое образование, межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный, поликультурная личность.

Языковое образование – одна из приоритетных проблем современного образования. Знание языков становится сегодня составной частью личной и профессиональной жизни человека (Т.М. Балыхина, М.Г. Балыхин, Р.К. Боженкова, Н.А. Боженкова и др.). Не случайно Е.И. Пассов рассматривает иностранный язык как «производительную силу», а иноязычную грамотность – как «экономическую категорию» [1, с. 62].

В этой связи в полной мере актуализируется проблема межкультурной коммуникации (межкультурного диалога) в теории и практике обучения русскому языку как иностранному. Действительно, «человеческая коммуникация требует знания и владения поведенческими актами, выходящими за пределы системы языка, относящимися к области менталитета, логики, философии, традиций, обычаев – другими словами, культуры народа и отдельных его групп» [2]. Ситуация становится еще сложнее, если коммуникация осуществляется между носителями разных языков, поскольку они одновременно являются и носителями различных культур [3, с. 87].

Научить иностранных студентов пользоваться русским языком как средством общения, развить у них умение грамотно, активно и творчески владеть всеми видами речевой деятельности на неродном языке, уметь адекватно выстраивать речевое поведение в различных ситуациях общения, сформировать целостную лингвокультуроведческую и профессионально-речевую компетенцию – все это дает возможность приобщения студентов к национальным нравственным ценностям своего народа и страны изучаемого языка, использование в качестве средства обучения диалога культур [4, с. 198–199]. Именно культура, рассматриваемая как система ценностей, используемых в качестве содержания образования, может помочь иностранцу в полной мере овладеть русским языком, стать поликультурной личностью.

Описанный подход в обучении инофонов русскому языку эффективно использовался начиная с 1993 года на кафедре русского языка Курского государственного технического университета (ныне кафедре теоретической и прикладной лингвистики Юго-Западного государственного университета).

Более 20 лет коллектив преподавателей кафедры под руководством д.ф.н., проф. Раисы Константиновны Боженковой шаг за шагом шел к созданию методологических основ преподавания русского языка как иностранного. Основанием для плодотворного движения в данном направлении стало то, что научные интересы членов научной школы и ее руководителя были связаны с проблемой речевого общения как многоуровневого и междисциплинарно-

го явления и прагматико-методическими аспектами эффективной коммуникации на русском языке в различных национальных и профессиональных аудиториях высшей школы [5, с. 6–13].

Результатом глубокой, системной и целенаправленной работы научного коллектива стала созданная в 1998–2003 годах научно-эффективная методология поэтапного развития русской речевой компетенции иностранных студентов-негуманитариев, сочетающаяся с их общепрофессиональной, психолого-коммуникативной и языковой подготовкой. Названная методология нашла свое практическое воплощение в созданном в 2003 году в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» учебно-методическом комплексе по РКИ для технических вузов в 4-х частях «Добрым молодцам урок» [6]. В профессиональной среде данная методология была признана методически целесообразной и оптимальной для ее внедрения в практику преподавания РКИ вузов инженерной направленности, а УМК «Добрым молодцам урок» получил гриф УМО.

Новая интегративная методология в преподавании русского языка как иностранного, над созданием которой коллектив кафедры во главе с Р.К. Боженковой работал в последующие годы, базировалась на современных исследованиях в сфере гуманитарных наук и отвечала актуальным задачам высшей российской школы XXI века. Она ориентирована как на придание русскому языку особого статуса – проводника идеологии толерантности (что наиболее отчетливо просматривается в отношении содержательной составляющей процесса обучения русскому языку как иностранному), так и на обновление системы подготовки иностранных студентов.

Образовательный процесс, по мнению научного коллектива и его руководителя, должен быть поставлен таким образом, чтобы обучаемые могли не только успешно адаптироваться в быстро меняющемся мире, но и быть способными к преобразованию этого мира, а значит, не только владеть знаниями, но и уметь применять их в речевой практике.

Отсюда глубокий смысл приобретает методическая формула «поликультурная личность – субъект профессионально ориентированного дискурса» (Р.К. Боженкова). Ее огромный прогностический потенциал раскрыт в созданном в стенах Юго-Западного государственного университета учебном комплексе для иностранных студентов нефилологических факультетов гуманитарных вузов «Уроки русского» (авторы: Р.К. Боженкова, Н.А. Боженкова) [7]. Учебный комплекс предложил новые, инновационные пути применения накопленного за более чем двадцатилетнюю практику работы кафедры научного и педагогического опыта, «обеспечивающие процесс обучения РКИ современными технологиями и лингводидактическим инструментарием комплексного последовательного развития коммуникативно-языковой компетенции иностранных студентов в неразрывной связи с их духовным и интеллектуально-профессиональным становлением» [8, с. 32].

Учебник Р.К. Боженковой и Н.А. Боженковой заинтересовал как теоретиков в области РКИ, так и практикующих преподавателей (признан хитом продаж 2014 года). Он помогает решать целый ряд взаимосвязанных задач, основной из которых является активная отработка речевых навыков в сочетании с совершенствованием культурологических умений, ориентированных на стирание граней между учебным и естественным общением.

В самых разных профессиональных аудиториях, заинтересованных в систематизации и комплексном расширении знаний о русском языке и русской культуре, учебник активно используется и преподавателями кафедры ТПЛ ЮЗГУ.

Теоретические исследования в области преподавания РКИ, созданные в стенах ЮЗГУ учебно-методические комплексы и учебники, опыт их использования в практике работы коллектива позволяют сделать вывод о том, что осознанное приобщение через язык к культуре иностранных студентов, обучающихся на самых разных направлениях подготовки, в т. ч. и гуманитарных, есть оптимальный путь формирования их как поликультурной личности.

Список литературы

1. Пассов Е.И. Концепция коммуникативного иноязычного образования: метод. пособие для русистов. – М.: Златоуст, 2007. – 342 с.
2. Межкультурная коммуникация [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gumer.info.ru>.
3. Шульгина Н.П. Русский язык и русская культура в аспекте РКИ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. – 2013. – №3. – С. 87–91.
4. Шульгина Н.П. Диалог как средство формирования индивидуальности студентов-иностранцев // Информация – Коммуникация – Общество (ИКО-2005): матер. VI Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, ноябрь 2005г. – СПб., 2005. – С. 198–199.
5. Шульгина Н.П. Современная концепция обучения РКИ – цель и результат деятельности научной школы, руководимой проф. Р.К. Боженковой // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: матер. IV Междунар. конф. / науч. ред. Н.А. Боженкова. – Курск, 2014. – С. 6–13.
6. Добрым молодцам урок: учеб.-метод. комплекс по РКИ для технических вузов: в 4 ч. / под рук. д-ра филол. наук, проф. Р.К. Боженковой. – Курск, 2003.
7. Боженкова Р.К., Боженкова Н.А. Уроки русского: учеб. для иностранных студентов нефилологических факультетов гуманитарных вузов. – М.: Русский язык: Курсы, 2013. – 328 с.
8. Боженкова Р.К., Боженкова Н.А. Язык – культура – личность как методологический концепт обучения РКИ в условиях глобализации системы высшего образования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. – 2012. – №1. – С. 30–36.
9. Балыхина Т.М., Балыхин М.Г. Лингвопрофессиональное образование в России: совершенствование системы и инновационные направления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. – 2011. – №1. – С. 7–13.

10. Боженкова Р.К., Боженкова Н.А. Русский язык – русская культура – язык специальности: современная методологическая триада обучения РКИ // Эксполингва – 2007: сб. матер. науч. программы российской экспозиции Международной выставки (Берлин, 16-18 ноября 2007). – М.: РосНОУ, 2008. С. 195–203.

УДК 81'33

Н.П. Шульгина, И.А. Комарова, Н.В. Ткачева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ ПЕРЕВОДА КАК ПРОБЛЕМА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматриваются основные проблемы и особенности систем машинного перевода. Специфика онлайн-перевода раскрывается на примере анализа фрагмента художественного текста.

Ключевые слова: машинный перевод, автоматизированные системы онлайн-перевода, онлайн-перевод.

Максимально точный и правильный перевод различных видов текстов имеет огромное значение для развития международной коммуникации и интеграции культурных, научных и технических достижений. Однако процесс перевода большого количества информации – это занятие очень трудоемкое, требующее много времени. Поэтому необходимость облегчения и ускорения этого процесса дала толчок для создания автоматизированных систем перевода.

Автоматический перевод (машинный перевод) – это выполняемое на ЭВМ действие по преобразованию текста на одном естественном языке в эквивалентный по содержанию текст на другом языке, а также результат такого действия. Для осуществления такого перевода в ЭВМ вводятся программа (алгоритм), словари вход-

ного и выходного языков, содержащие разнообразную информацию [1].

Большие возможности для механизации процесса перевода связаны с созданием автоматических электронных вычислительных машин и бурным развитием кибернетики. Первые опыты машинного перевода были сделаны Л. Достертом, П. Гарвином и П. Шериданом в 1954 г. в США. В Советском Союзе опытный автоматический перевод с английского языка на русский при помощи машины БЭСМ (Большая (или Быстродействующая) электронно-счётная машина) был осуществлен в конце 1955 г. И.К. Бельской, Л.Н. Королевым, И.С. Мухиным, Д.Ю. Пановым, С.Н. Разумовским. Среди других ученых, занимавшихся проблемами машинного перевода, следует назвать Н.П. Трифонова, А.А. Ляпунова, В.Ю. Розенцвейг, П.С. Кузнецова, И.А. Мельчук, В.В. Иванова и др.

Назначение вычислительных машин состоит в переработке поступающей в них информации по строго определенным правилам. Эта информация должна быть закодирована при помощи чисел и введена в «память» компьютера, т. е. каждый знак вводимой информации должен быть изображен при помощи чисел однозначным способом. Переработку информации осуществляет специальная программа, которая тоже хранится в «памяти» машины.

Система автоматизированного перевода включает в себя двуязычные словари, имеющие необходимую грамматическую информацию для обеспечения передачи эквивалентных, вариантных и трансформационных переводных соответствий, а также алгоритмические средства грамматического анализа, реализующие какую-либо из принятых для автоматической переработки текста формальных грамматик [2].

Вместе с тем следует заметить, что компьютер действует согласно введенным в нее правилам чисто формально. Он не может анализировать смысл переводимого и использует только начертание текста. В связи с этим под машинным переводом понимают процесс, предполагающий тесное сотрудничество человека с компьютером, а основной задачей разработчиков является максималь-

ное развитие «способностей» программ автоматизированного перевода, которое предполагает постепенное добавление в нее новых лексем, сочетаний, фраз и грамматических форм. Именно от постоянного редактирования и пополнения базы данных программы зависит качество переведенного текста.

Наиболее распространенной в настоящее время является следующая последовательность операций, которая обеспечивает анализ и синтез в системе машинного перевода:

- **I этап:** ввод текста и поиск входных словоформ, т.е. слов в конкретной грамматической форме, во входном словаре с сопутствующим морфологическим анализом, при котором устанавливается принадлежность данной словоформы к определенной лексеме.

- **II этап:** перевод идиоматических словосочетаний и фразеологизмов или штампов данной предметной области (например, при переводе английских оборотов типа *contrary to* (вопреки), *state-of-the-art* (достигнутый, внедренный) на русский язык они получают единый цифровой эквивалент и исключаются из дальнейшего грамматического анализа); определение основных грамматических характеристик элементов входного текста (например, рода, числа или падежа существительного, времени или наклонения глагола); различение омографии (например, англ. *front* может быть существительным (лицо, фасад, мужество), прилагательным (передний), глаголом (противостоять)); лексический анализ и перевод лексем.

- **III этап:** окончательный грамматический анализ, при котором определяется оставшаяся необходимая грамматическая информация с учетом данных выходного языка (например, при таких русских существительных, как «ножницы», «часы», глагол должен стоять в форме множественного числа, несмотря на то, что в оригинале может быть единственное число).

- **IV этап:** синтез выходных словоформ и предложений в целом на выходном языке [3].

В зависимости от особенностей морфологии, синтаксиса и семантики конкретной языковой пары, а также направления перевода общий алгоритм может включать и другие этапы, а также их

модификации, но вариации такого рода в современных системах, как правило, незначительны. Анализ и синтез могут производиться как пофразно, так и для всего текста, введенного в память компьютера [2].

До сих пор наиболее важными задачами обработки естественного языка являются проблемы лексической многозначности и сохранения синтаксической целостности текста на переводящем языке.

Проблема полисемии заключается в выборе значения (или смысла) многозначного слова или словосочетания в зависимости от контекста, в котором оно находится. В системах машинного перевода отсутствие надежных механизмов распознавания значения слова значительно снижает качество перевода, так как слово не всегда однозначно переводится на другой язык. Сохранение же синтаксической целостности исходного текста способствует его более точному воспроизведению на другом языке. Кроме того, синтаксическая организация оригинала и перевода является основой для соотнесения отдельных элементов этих текстов [4].

В настоящее время все более популярным становится перевод информации в Интернете. Крупнейшими и наиболее распространенными системами машинного онлайн-перевода, работающими с русским языком, являются *Google Translate*, *Яндекс. Перевод*, *Translate.Ru*.

Сервис *Translate.Ru*, разработанный компанией ООО «ПРОМТ Сервис», предоставляет услуги автоматизированного перевода и поддерживает 7 наиболее популярных европейских языков (русский, английский, немецкий, французский, итальянский, португальский, испанский), а также японский язык. Эта система предназначена для быстрого перевода небольших фрагментов текста, содержащего не более 3000 символов с учетом пробелов и знаков конца параграфа. *Translate.Ru* можно использовать не только как переводчик связных и сложных предложений, но и как словарь. Отправив на перевод отдельное слово, получаем словарную статью с вариантами перевода данной лексемы, а также с указанием части речи и тематики перевода.

Дополнительно разработчики этой системы предлагают пользователям список рекомендаций, выполнение которых способствует улучшению качества перевода:

1. Избегайте ошибок и опечаток.
2. Знаки препинания (точки, запятые, вопросительные знаки) необходимы.
3. Артикли и другие служебные слова имеют значение.
4. Во французском, испанском, португальском и немецком языках ставить диакритику (например, для букв é, ò, ù) в обязательном порядке.
5. Имена, фамилии, города, компании и существительные в немецком языке пишутся с заглавной буквы.
6. В личной переписке используйте простые, незатейливые, но полные предложения: «Кто-то сделал что-то» [5].

Более популярной системой онлайн-перевода является *Google Translate*, которая представляет собой программу, предоставляющую возможность мгновенного перевода текстов и веб-страниц с использованием 57 различных языков. Среди них есть не только наиболее распространенные языки (английский, немецкий, китайский), но и такие редкие, как кхмерский, малайский, тайский, хинди, зулу, идиш и многие другие.

Алгоритм *Google Translate* основан на статистическом методе перевода, который заключается в том, что система использует фрагменты текстов из сотен миллионов документов и создает на их основе лучший вариант перевода. Находя типичные конструкции в текстах, переведенных людьми, программа определяет то, каким должен быть перевод [6].

Переводчик *Google* не осуществляет прямой перевод для пар языков, в которые не входит английский язык. Другими словами, при переводе, например, с русского языка на немецкий сначала будет осуществлен перевод с русского на английский язык, а только потом – с английского на немецкий. Более того, для некоторых языков таких шагов больше.

Объем переводимого текста ограничен. Его длина зависит от системы кодирования букв в словах, от числа пробелов в тексте и

объема служебной информации, передаваемой серверу *Google*. Если исходный текст написан латинскими буквами, то его допустимая длина составляет 1200 символов. Если же слова состоят из кириллических букв, то для кодирования каждого символа необходимо 3 знака. Поэтому при использовании, например, русско-английского перевода можно перевести текст длиной около 500 символов [Там же].

Другим широко известным сервисом автоматического перевода текстов и веб-страниц является *Яндекс. Перевод*. Хотя список доступных языков у этой системы меньше (44 языка), чем у *Google Translate*, перевод осуществляется напрямую, без использования промежуточных звеньев. Помимо полнотекстового перевода программа позволяет просматривать статьи из машинного словаря, которые включают в себя сгруппированные переводы, примеры использования, транскрипцию для английских слов, части речи и синонимы к тому или иному слову, которые позволяют разнообразить текст, а также улучшить качество перевода.

Так же, как и *Google Translate*, система осуществляет синхронный и статистический перевод, а также автоматическое определение языка. *Яндекс. Перевод* состоит из двух частей – модели перевода и модели языка. Модель перевода занимается построением графа, содержащего все возможные варианты перевода предложения, а модель языка выбирает лучший вариант перевода с точки зрения оптимальной сочетаемости слов в естественном языке [7].

Таким образом, названные системы онлайн-перевода очень похожи по своей структуре и организации, однако имеют и некоторые различия. Главным из них является разница в объеме и качестве обрабатываемого языкового материала, из которого затем переводчик выбирает образец для запрашиваемого пользователем перевода. От этого, безусловно, зависит объективность, логичность и грамотность переведенной информации.

Чтобы рассмотреть и сопоставить между собой особенности работы данных систем, переведем с английского языка на русский небольшой отрывок текста из книги Агаты Кристи «Труп в библиотеке» (*The Body in the Library*) с помощью разных систем:

• *Текст в оригинале:* Miss Marple's telephone rang when she was dressing. The sound of it flurried her a little. It was an unusual hour for her telephone to ring. So well ordered was her prim spinster's life that unforeseen telephone calls were a source of vivid conjecture. «Dear me», said Miss Marple, surveying the ringing instrument with perplexity. «I wonder who that can be? [8].

• *Перевод в системе Google Translate:* «Телефон мисс Марпл зазвонил, когда она одевалась. Звук его *взволнованный* ее немного. Это был необычный час для ее телефон, *чтобы звонить*. Так хорошо *приказал* была жизнь ее чопорной старой девы, что непредвиденные телефонные звонки были источником яркой *гипотезы*. “Боже мой”, сказала мисс Марпл, *съемки* звонка инструмент с недоумением. “Интересно, кто это может быть?”»

• *Перевод в системе Яндекс. Перевод:* «Мисс Марпл, телефон зазвонил, когда она одевалась. Звук его *разволновались* ее немного. Это был необычный час для *нее* телефона, *чтобы позвонить*. Так хорошо *распорядился*, был ее чопорной старой девой жизни, что непредвиденные телефонные звонки были источником ярких догадок. “Боже мой”, сказала мисс Марпл, *геодезические* сигнала прибора с недоумением. ”Интересно, кто это может быть?”»

• *Перевод в системе Translate.Ru:* «Телефон мисс Марпл звонил, когда она одевалась. Звук его *взволнованный* ее немного. Это был необычный час для *ее* телефона, *чтобы звонить*. Так хорошо *заказанный* была жизнь ее чопорной старой девы, что непредвиденные телефонные звонки были источником яркой догадки. ”Вот это да”, сказала мисс Марпл, рассмотрев звонящий инструмент с недоумением. “Интересно, *кем* это может быть?”»

Проанализировав результаты перевода фрагмента текста в трех системах, обнаружили ряд ошибок, а именно:

1. *Нарушение синтаксической целостности:*

1) The sound of it *flurried* her a little. – Звук его *взволнованный* (разволновались) ее немного (вместо: *его* звук *взволновал* ее *немного*);

2) *It was an unusual hour for her telephone to ring.* – Это был необычный час для ее (нее) телефон (а), чтобы звонить (вместо это был необычный час для телефонного звонка);

3) *So well ordered was her prim spinster's life...* – Так хорошо приказал (заказанный) была жизнь ее чопорной старой девы... / распорядился, был ее чопорной старой девой жизни... (вместо так хорошо была упорядочена жизнь этой чопорной старой девы...);

4) *Miss Marple's telephone rang...* – Мисс Марпл, телефон зазвонил... (вместо телефон Мисс Марпл зазвонил...);

5) *I wonder who that can be?* – Интересно, кем это может быть? (вместо Интересно, кто это может быть?).

2. Ошибки при выборе значения многозначного слова:

1) *...unforeseen telephone calls were a source of vivid conjecture* – ...непредвиденные телефонные звонки были источником яркой гипотезы / догадки.

Conjecture (сущ.) 1) предположение, догадка, конъектура (*Google Translate*); 2) гипотеза, предположение, догадка, домысел (*Яндекс. Перевод*); 3) догадка (*Translate.Ru*).

Выбор значений «гипотеза» или «конъектура» в данном контексте является неуместным. Более подходящими вариантами следует считать значения «догадка» или «домысел»: *...непредвиденные телефонные звонки были источником ярких домыслов;*

2) *So well ordered was her prim spinster's life...* – Так хорошо приказал / распорядился / заказанный была жизнь...

Order (гл.) 1) заказывать, велеть, направлять, упорядочивать и др. (*Google Translate*); 2) заказать, распорядиться, упорядочивать и др. (*Яндекс. Перевод*); 3) заказывать, упорядочивать, руководить и др. (*Translate.Ru*) + *-ed* (показатель прошедшего времени).

Так как в данном предложении речь идет о жизни человека, то оптимальным вариантом перевода этого слова является глагол «упорядочивать» в значении «организовывать»: *Так хорошо была упорядочена жизнь...;*

3) *...surveying the ringing instrument with perplexity* – геодезические сигнала / съёмки звонка / рассмотрим звонящий инструмент с недоумением.

Survey (сущ.) – 1) геодезия, обзор, исследование, съёмка, изыскание и др. (*Google Translate*); 2) съёмка, исследование, межвание и др. (*Яндекс. Перевод*); 3) рассматривание, опрашивание (*Translate.Ru*). + *-ing* (показатель деепричастия).

В данном контексте автор имеет в виду то, что героиня тщательно и неторопливо рассматривала телефон, размышляя о неожиданном утреннем звонке. Следовательно, наиболее подходящим вариантом перевода является деепричастие «рассматривая» или «исследуя»: «*...рассматривая звонящий инструмент с недоумением*».

Еще одной особенностью названных выше систем является разница в способе перевода устойчивых выражений. Так, в *Google Translate* и *Яндекс. Перевод* сочетание *dear me* было переведено на русский язык как *Боже мой*, а в *Translate.Ru* появился другой вариант – *вот это да*. Более того, если машинные словари систем *Яндекс. Перевод* и *Translate.Ru* предлагают только один способ перевода, то справочник в системе *Google Translate* дает и другие интерпретации: *вот так-так, вот те на*.

Тем не менее отметим, что все названные варианты близки по значению и являются эквивалентами. Они служат для выражения эмоций говорящего, а именно его удивления и недоумения по поводу чего-либо. Следовательно, в данном контексте может быть выбран любой из предложенных вариантов.

Подводя итог, заметим, что перевод данного фрагмента художественного текста в таких системах, как *Google Translate*, *Яндекс. Перевод* и *Translate.Ru*, не является оптимальным. Выявленные ошибки и неточности искажают смысл отдельных предложений, тем самым нарушают связность и общую логику текста и делают его достаточно трудным для восприятия. Все это еще раз подтверждает тот факт, что проблема лексической многозначности и сохранения синтаксической целостности при переводе с одного языка на другой до сих пор не решена.

С учетом всех исправленных ошибок предлагаем один из более удачных вариантов перевода представленного фрагмента текста: «Телефон мисс Марпл зазвонил, когда она одевалась. Его звук взволновал ее немного. Это был необычный час для телефонного звонка. Так хорошо была упорядочена жизнь этой чопорной старой девы, что непредвиденные телефонные звонки были источником ярких домыслов. “Боже мой”, сказала мисс Марпл, рассмотрев звонящий инструмент с недоумением. “Интересно, кто это может быть?”»

Таким образом, современные системы онлайн-перевода не могут работать с текстом на иностранном языке автономно, но, безусловно, они оказывают огромную помощь пользователю-переводчику. Другими словами, наиболее оптимальными в настоящее время являются системы машинного перевода при участии человека.

Несмотря на то, что некоторые специалисты связывают построение автоматических систем перевода лишь с развитием искусственного интеллекта и утверждают, что машина сможет переводить с одного языка на другой только тогда, когда научится думать, как человек, сегодня системы машинного перевода являются одним из самых активно развивающихся направлений прикладной лингвистики. Различные научные исследования направлены на усовершенствование имеющихся систем, а также на создание универсальных программ, которые в идеале могли бы полностью автоматизировать процесс перевода различных текстов.

Список литературы

1. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 1990.
2. Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/MASHINNI_PEREVOD.html.
3. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: URSS, 2013. – 368 с.

4. Арсеньева М.Г. Многозначность и омонимия. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1966. – 131 с.
5. Онлайн-переводчик Translate.Ru [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.translate.ru>.
6. Онлайн-переводчик Google Translate [Электронный ресурс]. – URL: <http://translate.google.com>.
7. Онлайн-переводчик Яндекс. Перевод [Электронный ресурс]. – URL: <http://translate.yandex.ru>.
8. Christie A. The Body in the Library. – London: HarperCollins, 2007.

УДК 316.74

Н.П. Шульгина, М.В. Конева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОПЫТКА ДИАЛОГА

В статье рассматриваются проблемы межкультурной коммуникации в современном обществе: кардинальные различия, не позволяющие представителям различных культур вести конструктивный диалог, а также культурные феномены, способствующие развитию взаимопонимания.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культурный код, терроризм.

Коммуникация всегда являлась важнейшей частью человеческой жизни, общение с другими людьми – главное условие существования в социуме. С развитием информационных технологий коммуникация становится все более глобальной. Человек в современном мире может относительно свободно путешествовать, а также общаться с представителями других стран и культур с помощью Интернета.

Однако взаимопонимание между представителями различных культур возникает не всегда. Вопросов, на которые пока не удалось найти ответов, множество: можно ли в российской светской школе носить хиджаб, нужно ли изучать основы православной культуры в течение 9 лет школьного образования, нужно ли русским, живущим на Украине, учить украинский язык, можно ли убивать за карикатуры на пророка?

Что же мешает построению диалога между культурами? Очевидно, что существующие между ними различия, которые могут быть как незначительными, так и определяющими. Первым шагом к укреплению межкультурных связей может стать сглаживание этих различий – за счет формирования всеобщих культурных ценностей и отказа от обычаев, разделяющих нас.

В глобальном мире правят стандарты, общие для всех. Это правило давно оправдало себя в технике. Детали автомобилей, USB-входы и выходы на компьютерах и других электронных устройствах одинаковы даже у различных производителей. Благодаря этому мы можем где угодно покупать комплектующие и соединять различные устройства. Такая же стандартизация, вероятно, ожидает и культуру, однако процесс будет идти сложнее.

Область культуры как творческая сфера отчасти вообще не поддается стандартизации. Однако есть мировые шедевры, которые не только являются общепризнанными, но и легко воспринимаемы представителями различных культур. Это явление не является абсолютным, однако все же широко распространено. Так, например, понимание классической музыки или классической живописи. Того же успеха во всеобщем понимании завоевала массовая культура, которую традиционно считают низкой. Однако массовая популярная музыка не всегда является низкопробной, а среди, казалось бы, массового искусства сериалов есть выдающиеся произведения, которые, несмотря на всеобщую доступность, остаются продуктами серьёзного вложения как творческих и интеллектуальных сил, так и финансов (например, сериал «Шерлок» канала BBC).

Мощной объединяющей силой является литература. В 2013 году журнал «Русский репортер» отобрал «100 книг, по которым россияне отличают своих от чужих». Читаем резюме авторов проекта: «Мы просили респондентов назвать 20 книг, которые не обязательно являются их любимыми, но которые обязательно надо прочитать, чтобы иметь возможность говорить с ними “на одном языке”. Было получено больше ста анкет. Возраст участников опроса – от 18 до 72 лет, география – от Калининграда до Владивостока. Среди респондентов – журналисты, врачи, библиотекари, строители, инженеры, бизнесмены, программисты, официанты, менеджеры, учителя и т. д. Почти все либо имеют высшее образование, либо учатся в вузе, т. е. мы опрашивали представителей интеллектуальной элиты, носителей того самого культурного кода России, если он существует. К нашему удивлению, выяснилось, что он есть. Мы действительно говорим на одном языке. Вообще российское общество оказалось более однородным, чем мы думали» [1].

Исследование «Русского репортера» доказало, что многим россиянам именно литература помогает найти точки соприкосновения с другими людьми, а значит, и лучше наладить коммуникацию.

Литература может объединять и людей, говорящих на разных языках, носителей различной культуры. Таким объединяющим ключом во многом стали современные фэнтези: трилогия Дж. Р.Р. Толкиена «Властелин колец» и серия книг о Гарри Поттере Дж. Ролинг.

Однако стоит отметить, что многие культурные феномены окажутся едиными все же не в планетарном масштабе, а в рамках европейской светской культуры, к которой условно можно отнести не только страны Европы, но и в разной степени государства обеих Америк, часть стран Азии и Африки. Во многом из этой системы пока выбиваются (причем весьма активно) исламские страны. Их иная культурная идентичность – это проблема, с которой европейская цивилизация только начинает сталкиваться. Это серьезное препятствие на пути к глобализации.

Европа, открывшая двери для мигрантов из исламских стран, живет в условиях несовместимости культурных кодов населяющих ее народов. И если музыка, живопись, архитектура и другие области культуры в современном мире часто не придерживаются догм, активно принимая элементы друг друга и тем самым взаимно обогащаясь, то религия остается разделяющей силой. Причем если христианство, оставив далеко позади свои крестовые походы, сейчас развивается мирно, то ислам как молодая религия, переживающая «подростковый» период, жаждет экспансии.

Очень ярким и, к сожалению, кровавым эпизодом в развитии отношений исламского и европейского мира стал теракт в редакции французского журнала *Charlie Hebdo*. Убийство 12 человек и ранение еще 11 в редакции журнала стало ответом на публикацию карикатур на пророка Мухаммеда. Так «оскорбление чувств верующих» было защищено линчеванием. «РИА Новости» сообщило: «Черeda терактов и ЧП началась во Франции 7 января 2015 года атакой на редакцию сатирического еженедельника *Charlie Hebdo*. Вслед за этим 8 января было совершено нападение на сотрудницу полиции в пригороде Парижа. 9 января злоумышленники захватили заложников в Париже и Даммартен-ан-Гоэль. За три дня погибли 17 человек, в том числе трое полицейских. В ходе двух спецоперации 9 января трое террористов были убиты». Эти события вызвало общественный резонанс и, как ни странно, абсолютно противоречивые оценки. Если в Париже 11 января прошёл грандиозный марш в память о жертвах терактов, в котором приняли участие несколько десятков глав государств мира, в частности Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Польши, Украины и других (от России присутствовал глава МИД Сергей Лавров) [3], то 17 января в столице Ингушетии состоялся многотысячный митинг против карикатур на пророка Мухаммеда [4], а 19 января аналогичный митинг прошел в Грозном [5]. В филиппинском городе Марави состоялся трехчасовой митинг против сатирического журнала *Charlie Hebdo* (со ссылкой на *Agence France-Presse* сообщает *Лента.ру*). В нем приняли участие около полутора тысяч человек.

«Некоторые протестующие вышли на демонстрацию с плакатами “Вы – Шарли” (в противовес распространенным в Европе после французских терактов плакатам “Я – Шарли”), “Франция должна принести извинения”, “Вы глумитесь над нашим пророком, а теперь хотите извинений?”». Организаторы акции сказали, что убийство журналистов *Charlie Hebdo* послужит уроком для мира, что надо уважать любую религию, особенно “ислам”» [6].

«Социальные сети наглядно демонстрируют демаркационную линию между теми, кто безапелляционно осуждают парижские теракты, и теми, кто далеко не так категоричен или даже, в особо запущенных случаях, пытается найти оправдание для произошедшего ужаса. Речь идет о привычном разделе на либеральную оппозицию и сторонников власти» – приводит статью «В России почти не выражают поддержку Charlie Hebdo» Вероника Дормен из французской *Liberation* (сайт *Иносми.ру*) [7].

Роскомнадзор призвал российские СМИ воздержаться от публикации карикатур на религиозные темы, а представитель *Московского Патриархата* заявил, что терроризм не может быть оправдан, но участники кампании *Je suis Charlie* ошибочно, по его мнению, ставят свободу слова выше чувств верующих [8].

Теракт во Франции продемонстрировал угрозу современному глобальному миру, а неоднозначная оценка показала, насколько этот мир хрупок.

Таким образом, религия как мировоззрение, основанное на догмах, является той частью культуры, которая не может способствовать налаживанию межкультурных контактов. А что же может?

Чтобы понимать других людей, нужно иметь с ними как можно больше общего. Универсальным общим может стать научное знание, которое не может зависеть от языка или культуры, а является всеобщим и одинаково верным в любой точке планеты. Ученые могут строить различные теории, выдвигать часто противоположные гипотезы, однако их принято отстаивать доказывая, а не с оружием в руках. К тому же людям с определённым уровнем образования намного проще понять друг друга, в то время как с челове-

ком, имеющим заведомо более низкий уровень образования, общаться будет трудно.

В современном обществе есть множество инструментов, популяризирующих науку: интерактивные музеи, научные видеоролики, занимательные книги, передачи с участием ученых на радио, фестивали науки. Запоминающимися событиями в научной жизни Курска стали Всероссийские фестивали науки, несколько лет подряд проходившие на базе ЮЗГУ. Особо привлекла внимание аудитории именно зрелищная часть, демонстрация опытов. Интернет позволяет смотреть видеоролики лекций зарубежных ученых, активно популяризирующих науку: Стивена Хокинга, Нила Деграсс Тайсона, Ричарда Докинза и многих других. Эти люди – представители совершенно иной культуры, но мы прекрасно понимаем их, потому что язык науки – универсальный язык.

Таким образом, чем меньше у людей в разных частях света будет различий в мировоззрении, тем проще им будет общаться и договариваться. Чем меньше будет принимаемых на веру убеждений, не подлежащих сомнению, тем проще нам будет принять иное мнение. Чем выше будет уровень образования, тем лучше люди научатся аргументировать свою точку зрения. А значит, больше будет шансов построить конструктивный диалог.

Список литературы

1. URL: <http://www.rusrep.ru/article/2013/02/06/literatura/>.
2. URL: http://ria.ru/trend/shooting_magazine_paris_07012015/.
3. URL: <http://ria.ru/world/20150111/1042081223.html>.
4. URL: <http://polit.ru/news/2015/01/17/magas/>.
5. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/01/19/grozny/>.
6. URL: http://lenta.ru/news/2015/01/14/contre_charlie/.
7. URL: <http://inosmi.ru/russia/20150115/225583450.html>.
8. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2015/01/150116_charlie_russia_division.

УДК 316.74

Н.П. Шульгина, А.П.Тутов

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается вопрос о том, возможен ли диалог культур между представителями различных верований. Исследования автора позволяет говорить о том, что «диалог культур» приводит, скорее, не к сплочению индивидов, а к их взаимной вражде. Именно поэтому ключевым аспектом в сосуществовании людей должны стать не религиозные или культурные ценности, а гуманитарные и общечеловеческие.

Ключевые слова: культура, религия.

Благодаря развитию телефонии, Интернета и других способов коммуникации на расстоянии, грань между людьми, живущими в разных частях света и являющимися носителями различных культур, постепенно сходит на нет. С другой стороны, часто именно культура становится тем, что отличает нас от других. Но что такое культура?

На этот вопрос трудно ответить однозначно, ведь этот термин отвечает за целый пласт человеческой деятельности. Одно можно сказать точно – культура тесно связана с религией [1]. Это касается не только, например, Европейской культуры средних веков, когда живопись представляла собой картины на библейские сюжеты. Аналогично одежда, быт, фольклор, привычки любой эпохи также являются составной частью религии. Так, например, традиционные для православия посты обусловлены в первую очередь отсутствием запасов мясного продовольствия в конце зимы, начале весны (Великий пост).

Российская культура представляет собой взаимосвязанное единство языческих традиций наших предков (празднование дня Ивана-Купала, масленица и др.) и православных канонов.

Из этого следует, что культура и религия имеют огромное количество точек соприкосновения между собой, а значит, правомерен вывод о том, что эти два термина, по своей сути, имеют много общего.

Так возможен ли диалог культур? В своей книге «Бог, как иллюзия» известный британский биолог-эволюционист Ричард Докинз называет любую религию, а точнее церковь, «тоталитарной организацией», целью которой становится привлечение новых последователей. Как и в любой «тоталитарной организации» (строе), на первый план выходит догматичность, т.е. приверженность определенному своду правил. Но в каждой религии есть одно общее правило – ее бог – единственный (или один из многих), а остальные – либо верят в его интерпретацию, либо верят не правильно [2].

Известный российский публицист, а также не менее известный атеист Александр Никонов в своей книге «Опиум для народа. Религия как глобальный бизнес-проект» рассказывает о том, что пока в мире люди делятся по религиозным соображениям, надеяться на мир бесполезно, ведь слепая вера в то, что существует какое-либо божество, априори противоречит миру. Это успели доказать и крестовые походы, и нынешняя террористическая угроза со стороны исламистов, и другие исторические факты [3].

Таким образом, на наш взгляд, исходя из того, что при догматичной вере существование альтернативного мнения проблематично, о диалоге культур говорить не приходится. Вспомним, как строились отношения между католической и православной церквями. Несколько несущественных различий в трактовке «позволили» этим двум религиям на долгие годы законсервироваться в своих внутренних средах обитания, и никто из них так и не признал точку зрения противоположной стороны правдивой. Ведь тогда рушится догма веры!

Схожая ситуация с исламом. Российская православная церковь непосредственным образом контактирует с этой религией, но

признать ее единственной верной априори не может. Ислам также сотрудничает с православием, но ни при каких обстоятельствах не признает его равным.

По нашему глубокому убеждению, у культуры может быть только монолог. Для этого достаточно вспомнить, например, кинематограф. Американский – чаще всего основан на «Ура-патриотизме», что выливается в обилие клишированных диалогов о силе их духа, религии и огромного количества звездно-полосатых полотен на единицу времени. Современный же русский кинематограф чаще всего основывается либо на бандитском наследии 90-х годов, либо тесно завязан на пропаганде православной культуры. Из этого следует, что почти вся культура, так или иначе, стремится вобрать в себя как можно больше последователей, что нивелирует такое понятие, как «диалог».

Не способствует установлению диалога и внедрение религии в школьную среду. Скрываясь под благими намерениями (каждый может выбрать то, что хочется), в российских школах навязывают православную культуру. На момент написания статьи лишь в немногих школах города можно было выбрать что-то кроме уроков православной культуры. Таким образом, идет грубое навязывание религии, что противоречит светскости нашего государства. И поэтому я использую термин «монолог культур».

Еще один известный публицист и исследователь религии Александр Невзоров считает, что диалог возможен лишь при отсутствии религиозного подтекста. А такое, по его мнению, возможно лишь тогда, когда религия (культура) остается вне контекста публичных мест. Для этого человек должен оставлять свою веру (культуру) в рамках своей частной собственности [4].

Диалог должен вестись с позиции двух индивидов. Если они не пытаются пропагандировать свои культурные (религиозные) ценности во время разговора, то диалог можно считать состоявшимся.

Поэтому средством повышения эффективности образовательно-воспитательного процесса в современном вузе следует считать не «диалог культур», а «диалог индивидов».

Диалог индивидов позволяет проводить равноценное общение между личностями. Такой диалог должен ориентироваться в первую очередь на общечеловеческие моральные ценности, а не конкретные правила, запреты культуры (религии). Стоит отметить, что никаких предпосылок к тому, что культура (религия) является оплотом гуманизма, нет. В шестой главе своей книги «Бог как иллюзия» Ричард Докинз приводит две гипотезы о том, что порядочность и доброта человека объясняются теорией эволюции.

Первая теория включает в себя такое понятие, как репутация. Альтруист получает большее одобрение у своих сородичей, ему проще получить от них помощь. Соответственно, ему будет проще выжить и найти партнёра для продолжения рода. И наоборот, индивид с репутацией эгоиста будет пользоваться меньшей поддержкой сородичей.

Другая гипотеза объясняется коллективным отбором. Хотя эгоист тратит все свои усилия на собственное выживание, у него нет преимущества перед альтруистами внутри группы. При конкуренции между группами преимущество будут иметь группы, содержащие большее число альтруистов. В ходе эволюции у племён, члены которых помогали друг другу, было больше шансов выжить. Таким образом, «гены альтруизма» получили большие шансы закрепиться.

Поэтому, на наш взгляд, «диалог культур» не может дать никакого преимущества в процессе обучения. Он лишь разделяет людей по принципу «свой-чужой». Именно поэтому культурная самоидентификация не позволит провести полноценный диалог индивидов.

Из-за различий в культуре может страдать и процесс обучения. Для примера возьмем стандартный российский вуз, где обучаются представители разных конфессий. Такие мелочи, как поедание бекона, ношение головного убора в помещении или каких-либо внутрикультурных украшений, могут вызвать напряжённую ситуацию, что опять же не способствует диалогу.

Именно поэтому во главу угла должно ставиться не культурное (религиозное) воспитание, а ориентировка на общечеловече-

ские моральные ценности. А привычки, предметы обихода и прочие культурные особенности нужно оставлять вне контекста современного общества. Для них существует индивидуальное пространство, называемое частной собственностью.

Список литературы

1. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/культура>.
2. Докинз Р. Бог как иллюзия. – М.: Колибри, 2010. – 560с.
3. Никонов А. Опиум для народа. Религия как глобальный бизнес-проект. – М.: ЭНАС ; СПб.: Питер, 2009. – 344 с.
4. Александр Невзоров – цикл передач «Уроки атеизма» [Электронный ресурс]. – URL: <http://nevzorov.tv/>.

Научное издание

**ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Материалы VI Всероссийской научной конференции
школьников, студентов и аспирантов
26–27 февраля 2015 года

Редактор *С.П. Тарасова*
Компьютерная верстка и макет *Е.Г. Анохиной*

Подписано в печать 10.07.15. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,3. Уч.-изд.л. 16,6. Тираж 150 экз. Заказ .
Юго-Западный государственный университет.
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.
Отпечатано в ЮЗГУ.